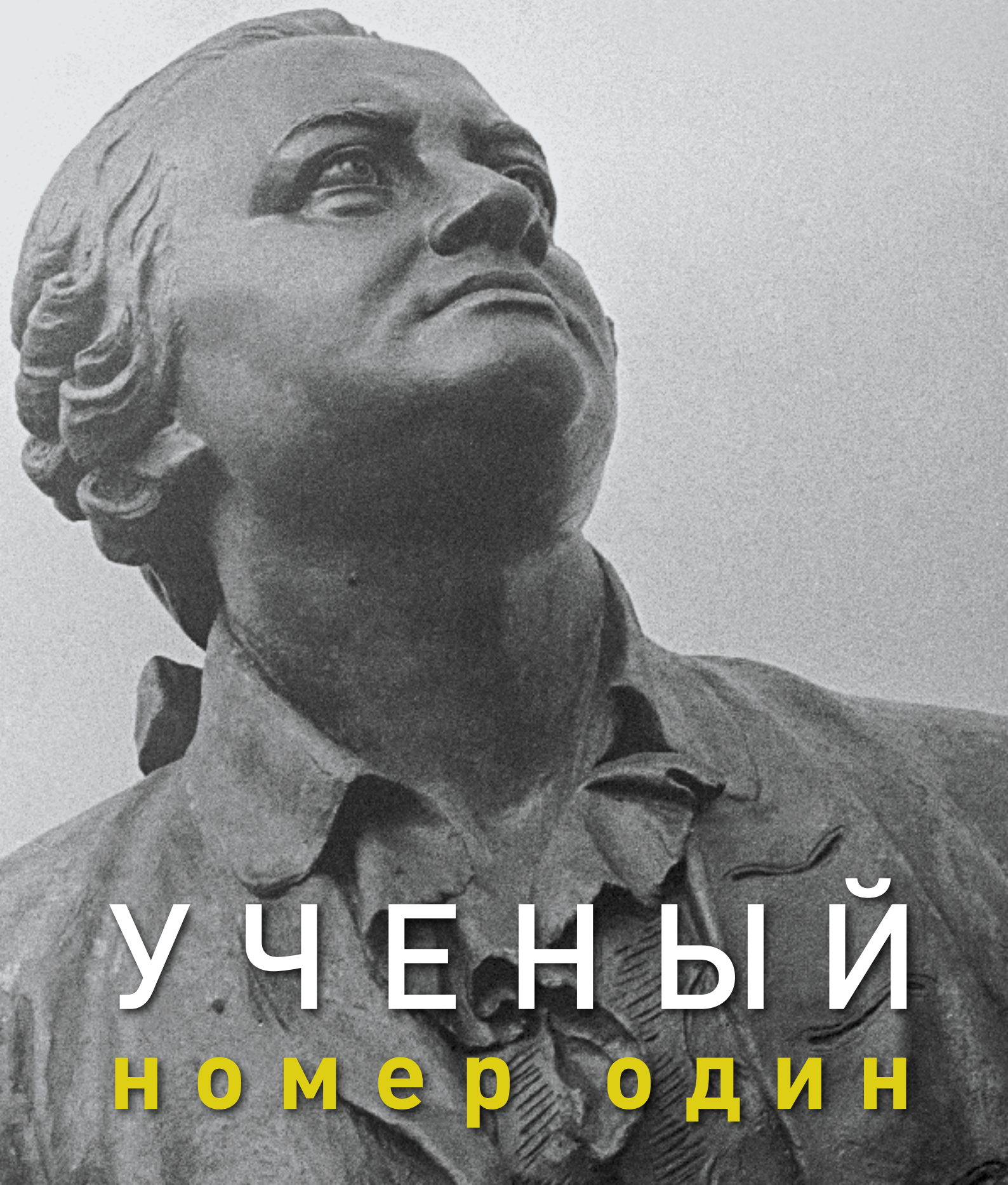

Н О Я Б Р Ь | 2011

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УЧЕНЫЙ
номер один

ОТ ЛОМОНОСОВА ДО «СКОЛКОВО»

БЫЛ ЛИ МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ В НАШЕЙ ИСТОРИИ случайностью? Или же ему, крестьянскому сыну, суждено было появиться ровно в то время, чтобы впоследствии быть по праву признанным основоположником всей российской науки?

Как писал много позже президент Академии наук С.И. Вавилов, «Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории всего человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гете более специальные и сосредоточены».

По сути, он ведь случайно попал на учебу сначала в столицу, с легендарным рыбным обозом, а потом в Германию. Однако в этой случайности отражены и те объективные возможности, которые в виде, как говорят сейчас, «социальных лифтов» существовали в тогдашней Российской империи, как раз входившей в период своего наивысшего расцвета. То, что возможности этих социальных лифтов не были тогда и много позже реализованы для многих других сокрытых по всей великой стране талантов, в конечном счете сослужило империи дурную службу и, возможно, стало главной причиной ее падения. Потому что каждый не сработавший социальный лифт – это торможение в развитии всей страны, а то и отбрасывание ее назад, в болото мировой неконкурентоспособности.

Ломоносова и его величайшее значение признавали постепенно, что в принципе для многих гениев история банальная. Обидно, что в российской истории такое случалось уж как-то слишком часто. Лишь в веке XX его уникальный вклад в отечественную науку был оценен полностью и по достоинству. Сначала же признание пришло к Ломоносову как к поэту. Что вполне объяснимо: так он был более понятен власти, которая во все времена лучше понимает оды, особенно хвалебные, нежели физические и химические формулы.

Однако же что до сих пор не вполне, кажется, оценено в феномене Ломоносова, так это то, что он не только был самобытным порождением России, но и – как явление – стал продуктом культурной и научной интеграции нашей страны с Европой. Его биографы больше противопоставляли его «всякой немчуре», нежели говорили о сотрудничестве с множеством тогда присутствовавших в России иностранных талантов. Впрочем, сейчас этот перекос, скорее всего, был бы устранен, и основатель Московского университета, родись он в наше время, вполне мог бы возглавить международный проект «Сколково». Важно поэтому вовремя заметить те таланты, которые придут в столицу с очередным «рыбным обозом».

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР – ТАСС

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

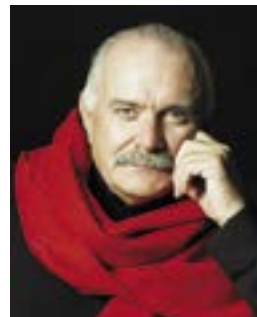
КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.

Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда исторической перспективы, глава отделения Некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества» в Париже

НИКОНОВ В.А.

Президент фонда «Политика» (исполнительный директор правления фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Директор ФГУК «Государственный Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию)

НИЧКОВ В.В.

Директор департамента международного сотрудничества Минобрнауки Российской Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЮРКОВ Е.Е.

Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.

Президент ОАО «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД Российской Федерации

ШАРКОВ А.С.

Начальник департамента Референтуры президента Российской Федерации

РУССКИЙ МИР

- 06 Россия за пределами России
- 10 Интеллектуалы и власть
- 12 Самые смелые люди

ИНТЕРВЬЮ

- 14 Персональная ставка Сергея Мironенко
- 20 День русского языка

- 26 «Прадед всегда приглядывает за нами»

СИТУАЦИИ

- 32 «Я знаю, что листья шуршат!»

НАСЛЕДИЕ

- 38 Гений
- 44 Упадочный ренессанс
- 48 Алмаз в серебре
- 52 Izba для француза

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

56 Любовь и кровь

НАУКА

62 Будни
звездного
дома

66

МУЗЕИ

66 Карточный домик

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

72 Безразмерное сердце

78 След в искусстве

82 За лемезом на скрыготне

86 Мираж русской деревни

КУЛЬТУРА

90 «Потому что это – Высоцкий...»

94 Русские романсы с китайской душой

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Валентина ЕРЕМЕЕВА
Дмитрий ИВАНОВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Мария СМИРНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
РИА Новости

РОССИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

НАКАНУНЕ V АССАМБЛЕИ РУССКОГО МИРА НАШ ЖУРНАЛ ПОДВОДИТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ФОНДА ЗА 2011 ГОД, ОТМЕЧАЯ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫЕ АКЦИИ И СОБЫТИЯ. О ГЛАВНОМ СКАЖЕМ СРАЗУ: «РУССКИЙ МИР» ВЫШЕЛ НА КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ УРОВЕНЬ РАБОТЫ, КОГДА ПРЕЗИДЕНТ РФ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ СТАВИТ ПЕРЕД ФОНДОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ, А ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ВЛАДИМИР ПУТИН НА РАБОЧЕМ ЗАСЕДАНИИ ГОВОРИТ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСАХ ФОНДА.

В ИЮНЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА ВЛАДИМИР Путин, говоря о новой федеральной целевой программе «Русский язык» с финансированием в 2,5 миллиарда рублей, отметил: «Нужно использовать организационные и информационные ресурсы фонда «Русский мир», Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ, продвигать эту тему в рамках двусторонних межгосконтактов». Вместе с тем президент РФ Дмитрий Медведев поручил «Русскому миру» налаживать контакты со странами БРИКС (группа из пяти развивающихся стран – Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР). «По этому направлению, которое поручено нам как одному из лидеров среди неправительственных организаций, фонду удалось завоевать довольно важный статус благодаря в первую очередь активной позиции и высокому авторитету Вячеслава Никонова, – говорит руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир» Георгий Толорая. – Надо сказать, что по линии «второй дорожки», то есть неофициальных контактов экспертов и дипломатов в личном качестве, по ключевым вопросам международных отношений и проблем, возникающих между странами, иногда удается достичь больше, чем по линии официальных органов. Такие контакты развиваются и в Европе, и в США, но именно азиатское направление, на котором фонд тесно взаимодействует с МИД РФ, стало в последние год-два давать особенно заметную отдачу – проводятся многочисленные встречи, конференции, диалоги». К примеру, в конце сентября Георгий Толорая выступил в Китае на праздновании Международного дня мира и Форуме по вопросам мира и развития Северо-Восточной Азии, в котором участвовали высокие представители правительств Китая, Японии и Монголии, – он говорил о механизмах мирного урегулирования конфликтов в Северо-Восточной Азии, гуманитарного

сотрудничества с Россией, а в октябре выступил в Японии.

В сентябре фонд «Русский мир» и Российская академия наук при содействии МИД РФ создали некоммерческую организацию Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). Комитет будет работать как зонтичная структура, формируя и координируя деятельность исследовательских групп из разных научных центров и регионов России. Со временем к работе планируется подключить и зарубежных специалистов. Главная цель исследований – определить роль стран БРИКС в мировой экономике и политике. Научный совет НКИ БРИКС станет центром выработки стратегии исследовательской и издательской работы этой организации. Председателем президиума НКИ БРИКС избран директор Института Дальнего Востока РАН, академик Михаил Титаренко, а правление НКИ, которое будет вести всю текущую работу, возглавит исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. «Естественно, в разработке стратегии дальнейшего развития БРИКС интеллектуальная составляющая будет иметь большое значение, – сказал Вячеслав Никонов на инаугурационном заседании НКИ БРИКС. – И у России, судя по международным конференциям на эту тему в разных форматах, есть возможность претендовать на значительную роль в выработке идеологии и стратегии развития БРИКС. Конечно, здесь исключительно важна структура «второй дорожки», в которой в личном качестве задействованы эксперты, дипломаты, представители ведомств, и это серьезный резерв для продвижения российской позиции по вопросам общей стратегии».

АЛЕКСАНДР БУРЬ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Планетарный масштаб

На предыдущей Ассамблее Русского мира, прошедшей 3 ноября 2010 года в Москве, Вячеслав Никонов объявил о старте международной акции «Первый в космосе», посвященной 50-летию полета Юрия Гагарина в космос. Ее размах превзошел ожидания, поскольку к акции спонтанно подключились различные организации и объединения по всему миру. И действительно, во всех уголках планеты 12 апреля пели: «Каким он парнем был!»

В рамках акции были организованы фестивали, конференции, телемосты, кинолектории, круглые столы, викторины, конкурсы, тематические уроки, выставки, фотоэкспозиции, закладки аллей. На российском телевидении был показан документальный фильм «Первый в космосе», подготовленный фондом «Русский мир» совместно с телеканалом «Россия 24». В рамках одного только творческого конкурса, объявленного «Русским миром», фонд получил 8500 работ из 40 стран по четырем номинациям: эссе и статьи, фантастические рассказы, рисунки и мультимедийные презентации. Наибольшую активность проявили Россия, Украина, Молдавия, Польша, Киргизия, Эстония, Германия и Латвия. Среди победителей из 15 стран оказались люди разных возрастов и профессий: дети, студенты, преподаватели вузов, журналисты. В число победителей вошли также коллективы некоторых Русских центров и Кабинетов Русского мира. Во всех проведенных мероприятиях представители фонда «Русский мир» подчеркивали, что первым языком, прозвучавшим в космосе, был русский.

В фонде накопилось множество уникальных исторических материалов по теме: фотографий, воспоминаний. Польша передала «Русскому миру» уникальные документальные кадры, которых не было в российских фото- и видеоархивах: они посвящены пребыванию в их стране Гагарина.

«Русский мир» организовал эксклюзивную фото-выставку работ советских фотографов, состоящую из редких снимков отдыхающих космонавтов: в кругу семьи, во время отпуска, в бильярдной, на банкетах, с людьми-легендами эпохи: Эрнестом Че Геварой, Джинной Лоллобриджидой, Александром Твардовским, Дмитрием Шостаковичем.

До сих пор еженедельно в мире в рамках акции происходят события. В течение последних двух месяцев в Индии выпустили CD-викторину «Первый в космосе», в Германии зацвел георгин «Юрий Гагарин» и состоялось награждение победителей викторины «Юрий Гагарин – первый человек в космосе», Звездный городок принял иностранных гостей, открылись выставки во Владивостоке и Испании, в Словении и Венгрии прочитали лекции.

Такой резонанс, по мнению главы фонда Вячеслава Никонова, вызван тем, что «вся планета воспринимает полет Гагарина как свой собственный триумф, поскольку это был прорыв всего человечества из земного притяжения в огромное космическое пространство, фантастический подвиг сотен тысяч людей – ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, – который воплотился в этом старте».

От слов к делу

Одним из самых ярких проектов «Русского мира» в 2011 году стали Русские центры и Кабинеты Русского мира. Сейчас в мире действует 75 Русских центров и 65 Кабинетов Русского мира. В этом году открыто 10 центров, 28 Кабинетов, и готовятся к открытию еще 9 центров и 18 Кабинетов. «Сфера моей деятельности – Западное полушарие, то есть Северная, Южная и Центральная Америка. До конца года мы планируем открыть Кабинеты Русского мира в Сантьяго-де-Чили, а также в Нью-Йорке и Бостоне и довести количество открытых в этом году КРМ до семи. В прошлом году мы открыли шесть Кабинетов, – сообщил директор американских программ фонда «Русский мир» Николай Михайлов. – На подходе также Кабинет Русского мира в Монреале, где сейчас решается последняя проблема – с помещением». Все Кабинеты – аудитории и учебные классы, где происходит знакомство иностранцев с русским языком и культурой, – фонд оснащает современными библиотеками.

– Что касается Азии и Африки, наиболее активны были, как и раньше, наши китайские партнеры, позитивные подвижки отмечаются в Турции, Таиланде, Индии, Австралии, Индонезии, Вьетнаме, обеих частях Кореи, – отметил Георгий Толорая. – Открываются новые центры и Кабинеты в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, фонд оказывает грантовую поддержку немногочисленным в этом регионе русистам, представители региона активно участвуют в стажировках. Сложно продвигаются дела на африканском континенте, так как очень непросто работать напрямую с партнерами, нам активно помогают посольства, МИД,

Россотрудничество. Открыты Кабинеты в Кении, готовится к открытию Кабинет в Замбии, активно работают Кабинеты в Египте. Ну и, по понятным причинам, затормозилась наша деятельность в арабском мире, где невозможно проводить долгосрочные проекты. Хотя нам удалось до начала весенних событий открыть центр в Иордании, и он довольно плодотворно работает.

По словам руководителя региональных программ, формат Кабинетов оказывается даже более востребованным и оперативным, чем центров, поскольку «изучение русского языка в Азии и Африке находится на таком уровне, что открытие центров преждевременно», стоит вопрос о дальнейшем преобразовании Кабинетов в центры. Актуальными для продвижения российской культуры и русского языка остаются разъяснительная и PR-работа, так как два последних десятилетия присутствие России в этих краях было малоощутимым. «В странах этого региона значительно возросло знание о деятельности фонда, внимание к нему, осведомленность, что позволяет преодолеть многие бюрократические препоны и перейти от слов к делу», – сказал Георгий Толорая.

Однако самый необычный Русский центр открылся не в экзотических странах, а на борту учебного парусника «Надежда» – сейчас он бороздит Тихий океан. Он призван укреплять связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. С сентября по декабрь 2011 года «Надежда» посетит Сан-Франциско и Гонолулу, где в ноябре состоится саммит АТЭС-2011 и на борту парусника, как ожидается, побывают президенты России и США. Возвращаться судно будет через Иокогаму, где проходил саммит АТЭС-2010. Во Владивосток парусник вернется к концу декабря, а уже в начале марта 2012 года начнется вторая часть плавания – поход по всем портам стран-участников АТЭС в Юго-Восточной Азии. В порт приписки «Надежда» вернется в сентябре 2012 года, в дни проведения саммита АТЭС.

Помещение Русского центра укомплектовано компьютерной техникой, 500 экземплярами книг по истории и искусству России, произведениями классиков русской литературы, справочно-информационными материалами и видеотекой художественных фильмов. В портах посещения для гостей парусника проводятся викторины, конкурсы, круглые столы с участием представителей общественности и научных кругов, а также другие мероприятия образовательного характера. «Плавание на паруснике – это впечатление на всю жизнь и для тех, кто работает с парусами, управляет судном, и для тех, кому повезет увидеть это феерическое зрелище, – говорит помощник капитана по международным и общественным связям Елена Девятова. – Вы только представьте: почти 3 тысячи квадратных метров парусов несется по волнам порой со скоростью 17–18 узлов, а это значит с хорошим креном! В каком бы иностранном порту мы ни были, палуба корабля длиной 108

метров и шириной 14 метров является территорией России. Нас посещают до 5 тысяч человек в каждом порту. Встречаясь с курсантами, экипажем, побывав на борту судна, наши гости узнают о нашей стране, ее истории, культуре, традициях».

Стажировки и гранты

Уже второй год подряд чрезвычайно востребованными оказываются программы по стажировке Русского мира: обучение русскому языку и методике преподавания для иностранных студентов и педагогов. «Не так давно мы запустили программу «Преподаватель Русского мира» для учителей русского языка в Венесуэле, она давно работает в США, Канаде, Чили, Аргентине», – говорит Николай Михайлов. По отзывам преподавателей, принимавших участие в программе, невозможно переоценить значение таких стажировок. В одном из писем, которые по окончании программы приходят в фонд, Лешек Микрут, преподаватель Университета Марии Кюри-Склодовской (Польша), написал: «Все наши занятия в РУДН проводились на высоком профессиональном, методическом и методологическом уровне, а участие в них принесло всем нам не только удовольствие, но также и большую пользу. Приобретая так нужный нам новый опыт, мы начнем новый год работы с нашими студентами в своих странах и на всех континентах будем послами русского языка, Русского мира. Искренне и от всей души благодарю за совершенствование моих знаний, практического владения вашим родным языком, за возможность побывать в стольких чудесных уголках российской столицы. Без вашей поддержки и помощи не было бы это возможно».

Большинство грантов, как обычно, «Русским миром» было выдано на проекты наших соотечественников за рубежом – прежде всего в тех странах, где проживает много бывших россиян:

АЛЕКСАНДР БУРБЫЙ

на издание учебников, пособий, конференции, фестивали. Но и российские организации фонд также поддерживает. Среди них – Ансамбль народной музыки Дмитрия Покровского, который ездит в фольклорные экспедиции, собирает русские песенные и танцевальные традиции. Коллектив съездил на хутора Октябрьского района Волгоградской области, Волгодонского и Дубовского районов Ростовской области, а также в Бурятию. Фонд Анатолия Лисицына при поддержке «Русского мира» реализовал проект «Школа русской культуры» по подготовке и проведению курсов повышения квалификации для учителей русского языка и литературы школ Западной Украины с русским языком обучения. «Учителя русского языка на Западной Украине не получают должной поддержки со стороны своего правительства, – рассказывает директор российских программ фонда «Русский мир» Светлана Щербакова, – так что им было крайне важно это творческое общение и информация о новейших методиках преподавания». Одним из самых ярких событий, поддержанных фондом «Русский мир», стал сентябрьский фестиваль с элементами научной школы «Поэзия в постсоветском культурном пространстве», организованный кафедрой современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета. Помимо лекций и докладов фестиваль включал в себя поэтические чтения, в которых приняли участие молодые авторы из Казахстана, Белоруссии и с Украины. Фестиваль показал, что традиции как русской поэтической классики, так и авангарда остаются востребованными.

Слово правит миром

На качественно новый уровень вышли и информационные ресурсы фонда: интернет-радио и интернет-телевидение «Русский мир» (www.rtm.fm и www.ruskiymir.tv). Радио получило престиж-

ную Международную премию Попова в области русскоязычного радиовещания. «Наши усилия не остались незамеченными, поскольку мы не только делаем свои программы, но и активно обмениваемся ими с партнерами – радиостанциями других стран, проводим радиомосты с другими русскоязычными радиостанциями Украины, Киргизии, Азербайджана, Канады, Германии, США», – комментирует Елена Архипова, руководитель управления специальных программ и проектов фонда «Русский мир». Сейчас радио «Русский мир» проводит работу по вступлению в Международное объединение русскоязычных вещателей, созданное государственной радиовещательной компанией «Голос России», на волнах которой выходит программа «Русский мир». Вячеслав Никонов отметил, что радиостанция «Русский мир» концентрируется на вопросах, связанных с преподаванием русского языка, пропагандой русской культуры, берет интервью у видных деятелей российской культуры, филологической науки, собирает «Золотые лекции Русского мира» о русской филологии, русской словесности и уже может заявить о себе в интернет-пространстве».

Наиболее популярные радиoprogramмы – «Золотые лекции Русского мира», которые читают ведущие российские лингвисты, «Смыслица» и «Слово правит миром» – их ведут профессора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Также высокой посещаемостью отмечаются рубрики «Русский мир в действии», где Русские центры рассказывают о себе, и «Вести планеты» – программы «народных корреспондентов» из разных стран. «Радио наше стало настолько известным, что само выступает в качестве информационного спонсора, – говорит продюсер радиоканала Любовь Курьянова. – В этом году мы стали информационным спонсором концерта в Кремле, где встретились три легенды: Дживан Гаспарян, Президентский оркестр Российской Федерации и Хор московского Сретенского монастыря». Телевидение «Русский мир» помимо основных программ выпустило три документальных фильма – «Учитель Русского мира», приуроченный к прошлогодней Ассамблее, «Первый в космосе» и «Россия – страна чудес» – путешествие по Камчатке, Арктике, Дальнему Востоку, Сибири, Уралу, Кавказу.

В целом в 2011 году фонд сделал еще один шаг на пути к консолидации огромного мира – «России за пределами России». Как на IV Ассамблее Русского мира подчеркнул Вячеслав Никонов, «после испытаний тяжелого XX века настало время собирать не камни, а людей. Это огромная реальность Русского мира, который оказался разбросанным по всей планете – от Австралии до Аргентины. За пределами России больше, чем в самой России, людей, говорящих по-русски и относящих себя к Русскому миру. Это – еще одна Россия за пределами России». ■

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
И ВЛАСТЬ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ ВЯЧЕСЛАВА НИКОНОВА «КРУШЕНИЕ РОССИИ. 1917», В КОТОРОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ПРОАНАЛИЗИРОВАЛ «ПРИРОДУ РЕВОЛЮЦИИ» С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ.

ПОД «КРУШЕНИЕМ» ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ понимает то, в результате чего «разрушались традиционные формы государственности, страна превращалась из субъекта в объект международной политики, становилась полем боя гражданских, локальных интервенций, несла колоссальные человеческие жертвы, теряла огромные территории, отбрасывалась на десятки лет назад в экономическом развитии – и вставал вопрос о выживании ее как государства и как нации». Таких периодов в нашей стране за всю более чем тысячелетнюю историю было всего четыре: в XIII веке под игом Золотой Орды, в Смуте XVII века, в 1917-м и при распаде СССР в 1991 году. «Если взять последние 500 лет, то в мире есть только две страны, которые эти последние 500 лет провели как суверенные государства, которые полностью контролировали свою внутреннюю и внешнюю политику: Англия и Россия», – сказал Вячеслав Никонов на презентации. По мнению автора, в России «именно в феврале–марте 1917 года было положено начало лавинообразной общественной интеграции». А «понимание природы революций, осознание того, что и почему произошло в 1917 году, – ключ к пониманию российских Крушений, а значит, и к их предотвращению».

Выдающимся произведением назвал книгу Вячеслава Никонова декан исторического факультета МГУ, член-корреспондент РАН Сергей Карпов. Он подчеркнул: «Этот труд ставит вехи в развитии нашего исторического процесса и развенчивает многие предрассудки и предубеждения, которые столько лет довели над нашей историей и историографией. При этом произведение находится абсолютно в русле самой современной историографии вопроса, учитывая новые явления в нашей науке, такие, например, как синергетика. То, что сделал Вячеслав Алексеевич, чрезвычайно трудно сделать. Этого не добьешься подборкой материалов, потому что в данном случае нужно увидеть все явление комплексно». Вячеслав Никонов – известный политолог, руководитель фондов «Русский мир» и «Политика», декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, внук Вячеслава Молотова, а также ученый-историк, ставший самым

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

молодым доктором наук в СССР, защитив диссертацию в 34 года.

Главным новаторством книги о крахе России сам автор считает отказ от теорий, которые объясняют события объективными процессами. «Честно говоря, я не был свидетелем ни одного события, которое было бы вызвано объективными процессами, – сказал Вячеслав Никонов. – Всегда за событиями стояла какая-то логика, которая объяснялась скорее интересами, чем объективными процессами. И второе: мне неизвестны способы измерения степени воздействия объективных процессов на то, что происходит в нашей жизни. Как их измерить?»

Эту позицию оспорил директор Института российской истории РАН Юрий Петров: «Нельзя не видеть, что за таким интересом стоит определенный процесс – эти вещи абсолютно взаимосвязаны. Ведь и интересы появляются тогда, когда созревают некоторые процессы».

Исходя из предложенных «единиц измерения», Вячеслав Никонов сделал выводы: революция 1917 года произошла прежде всего в феврале, и важнейшей ее причиной стал заговор элит, точнее, «целенаправленная деятельность политиков либеральной и социалистической ориентации, которые были поддержаны политически активной частью крупного бизнеса и затем нашли выход на верхушку армии». Революции снизу невозможны без поддержки в верхах, даже при серьезных сбоях в экономике и в период войн. А «единство верхов в России отсутствовало и в начале XX века, и во время Первой мировой войны».

Антисистемная сила

Ведущей социальной группой, которая приближала революцию, Вячеслав Никонов назвал интеллигенцию. «Нигде в мире интеллектуалы не противопоставляли себя власти так, как в России», – сказал он. Их не допускали к государственной власти, да

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

они особенно и не стремились, и таким образом у нас была заложена традиция превращения интеллигенции «в антисистемную силу, которая думала не о том, как улучшить, модернизировать государственный строй, а о том, как его свергнуть».

При этом, считает автор книги, роль партий в событиях февраля 1917 года была небольшой. «Огромную роль в подготовке революций сыграли такие самостоятельные организации, как Всероссийский земский и городской союзы, военно-промышленные комитеты, – сказал Вячеслав Никонов. – Их руководство сосредоточилось в Москве – центре революционных настроений». Начало прямой борьбы военно-промышленных комитетов автор отнес к 1915 году, когда в открытую начали доказывать, что правительство не в состоянии выиграть войну, чем подрывалось народное доверие. О «плохо скрываемых заговорах – думских, аристократических, земгоровских, социалистических, которые уже в полной мере затронули и армейскую верхушку» было известно российским спецслужбам. Но высокопоставленные заговорщики были им неподвластны. В этом и заключался залог успеха революции, по мнению автора книги. Ни бунт запасных батальонов, ни панические настроения в народе не привели бы к свержению режима, если бы легитимацию перевороту дала Государственная дума. С теорией заговоров не согласился Юрий Петров: «Я с трудом представляю, как военные могли спровоцировать февральские выступления в Петрограде. Мне кажется, конспирологический подход к истории может нас завести не совсем в ту сторону». Вячеслав Никонов проанализировал и влияние внешних сил на революционное движение, включая «еврейский след» и «германский». «Евреи действительно были очень активны, – сказал историк, – но они не находились у тех рычагов, которые реально привели к крушению империи. Немецкая разведка работала очень активно по стратегии «апельсиновой корки», отделяя от России Украину, Закавказье, При-

балтику и так далее, но до февраля возможности Германии были ограничены во влиянии на внутренние российские процессы». В целом политика Запада и союзников по отношению к России была как минимум трехслойной. На высшем уровне, где взаимодействовали главы государств, уровень доверительности был высок. Николай II даже стал британским фельдмаршалом, «что потом не помешало англичанам поддерживать Временное правительство и откровенно предать его после февраля». На втором, элитном уровне отношение к России было очень негативным: «ее считали диктатурой, русских – полуварварским племенем, и отсюда – очень плохая пресса о России и ее руководстве». На третьем, общественно-политическом уровне осуществлялась поддержка оппозиции внутри страны, то есть приветствовалась дестабилизация правительства, поощрялись антироссийские силы и настроения. В целом, отметил Вячеслав Никонов, «политика Запада была достаточно традиционной – она редко была другой».

Именно раскол элит и выход в военную верхушку оппозиционеров обеспечили успех переворота, заставили императора отречься от власти, по мнению Никонова. Исходя из того, что историю творят личности, а не массы, автор подробно остановился на образе императора Николая II, которого многие обвиняют в отсутствии воли и как следствие – в потере власти и крушении империи. «Многие современники признавали исключительное самообладание императора, чьи манеры граничили со скромностью, даже робостью, – сказал Вячеслав Никонов. – Но, на мой взгляд, за простотой нрава Николая II скрывалось упрямое мужество, основанное на глубоких убеждениях. Он действительно проявлял нерешительность, когда речь шла о применении силы, и это воспринималось как слабость. А в России, как мы знаем, правителю прощают все, кроме слабости. На мой же взгляд, главная слабость императора заключалась в том, что он был хорошим монархом-венценосцем, монархом-чиновником, но он не был монархом-политиком, чрезмерно уповав на рок и проиграв информационную войну».

В конце презентации автор выразил надежду, что «чтение этой книги подвигнет и к размышлению на тему, как нам стать лучше, как нам сделать нашу Россию вновь или не вновь, может – впервые, процветающей, устремленной в будущее, демократической, сильной, уверенной в себе страной, которая живет в мире с собой и остальным миром».

Исследование «Крушение России. 1917» заканчивается перечислением судеб людей, участвовавших в Февральской революции 1917 года как со стороны революционеров, так и со стороны монархии. «И это чрезвычайно интересно, – заметил Сергей Карпов, – поскольку все нити в итоге сводятся воедино. Вячеслав Никонов чрезвычайно деликатен, тонок и точен в описаниях и оценках. Он блестящий историк, потому что в нем произошел сплав, в том числе генетический, черт политика, ученого-историка, мыслителя и философа. Книга, несомненно, будет иметь большой успех». ■

САМЫЕ
СМЕЛЫЕ ЛЮДИ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

30 СЕНТЯБРЯ В ФОНДЕ «РУССКИЙ МИР» СОСТОЯЛОСЬ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАКРЫТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАЖИРОВКИ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ «СТУДЕНТ РУССКОГО МИРА – 2011».

С 11 ПО 30 СЕНТЯБРЯ В МОСКВЕ ПРОХОДИЛИ стажировку 50 старшекурсников, магистрантов переводческих факультетов и отделений зарубежных вузов из Австралии, Австрии, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Китая, Ливана, Португалии и Южной Кореи. Ребята три недели изучали русский язык, практиковались в литературном и синхронном переводе, посещали столичные музеи, ездили на экскурсии, встречались с лучшими переводчиками зарубежной литературы в России. Мероприятия организовал фонд «Русский мир» на базе Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы при содействии Института перевода. Программа проводится второй год подряд: в прошлом году приглашались зарубежные студенты, готовящиеся стать преподавателями русского языка как иностранного. Некоторые студенты уже работают профессиональными переводчиками, но большинство изучает русский четыре-пять лет. Они обладают тем уровнем знаний, который позволяет пытаться понять русский текст, культуру и даже особенности менталитета и «загадочность русской души» – что является наиболее сложными моментами перевода. «До конца это познать невозможно ни за одну стажировку, ни за десять, – сказал в выступлении на торжественной церемонии заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев. – Буквально вчера в Москву вернулась группа итальянских писателей, которые поехали из Москвы во Владивосток через всю Сибирь на поезде, – просто набраться впечатлений о том, что такое Россия. Но даже и такое путешествие не даст всей полноты картины. Мы сами, прожив здесь десятки лет, посвятив изучению долгие-долгие годы, до конца не знаем нашей мультикультурной, бездонной в отношении познания территории».

Дата закрытия стажировки была выбрана не случайно – 30 сентября отмечается Международный день переводчика. На торжественном мероприятии выступили высокие гости, так или иначе связанные с этой сферой деятельности: заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев, президент Союза переводчиков России Леонид Гуревич, исполнительный директор Института

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

перевода Владимир Скороденко, декан Высшей школы перевода Николай Горбовский, представители французского и немецкого университетов, а также региональные директора фонда «Русский мир» Георгий Толорая, Алексей Громыко. Все они в своих речах касались вопросов актуальности прошедшей стажировки – и слоганом программы стала фраза «Время говорить по-русски».

По словам профессора Университета в Майнце (Германия) Мартина Форстнера, русский язык становится все более актуальным в Евросоюзе по экономическим причинам. «Я представляю немецкие интересы, – подчеркнул Мартин Форстнер. – Германии важно обучать русскому языку свою молодежь, поскольку у нас работает 1600 русских компаний, и они нуждаются в сотрудниках, владеющих русским и немецким. Сходная ситуация сложилась во Франции».

«Русские постоянно пьют чай»

Современному человеку не хватает «более теплой, что ли, общности с представителями других народов», заявил Владимир Скороденко, руководитель недавно созданного Института перевода. Как ничто другое, в этом способна помочь переводная художественная литература. «Я вспоминаю период холодной войны, – сказал он, – тогда, как ни парадоксально, самым действенным способом узнать друг друга и пообщаться была художественная литература. Современную литературу тогда не очень хорошо у нас переводили, и мы узнавали о мире по произведениям XIX века и только отчасти XX». К слову, участники стажировки в своих анкетах написали, что из современных российских авторов им нравятся Виктор Пелевин и Людмила Улицкая. Из современных фильмов – «Стиляги», а из музыки – Земфира, Максим, группы «Любэ» и «Ленинград». Иностранные анкеты всегда читать любопытно. Так, среди самых необычных впечатлений студенты отмечали: «Погода, ожидала хуже», «очень много деревьев», «число иностранных торговцев и рабочих, которые неизвестны за границей», «безопасность»,

«люди – их равнодушие и пассивность», «красота русских женщин». На вопрос, что отличает Россию от других стран, они отвечали: широта, беспорядочность, бюрократия, жизнь в общежитии, гордость, патриотизм, «разница в отношении к знакомым и незнакомым», «русские – самые смелые люди», «люди открытые, как итальянцы», «русские постоянно пьют чай», «люди могут улыбаться, охотно помогают, работяги», «Россия – не Европа и не Азия». Что касается выбора профессии, то ни один из студентов не мечтал в детстве быть переводчиком. Хотели стать преподавателями, скрипачами, кинорежиссерами, врачами, космонавтами, юристами, писателями, актерами, ветеринарами, рыболовами, президентами, полицейскими, бизнесменами, поэтами, дипломатами. Но судьба распорядилась иначе. И выбор ребята сделали по следующим причинам: «нравятся языки и культура», «творческая профессия», «я вел переговоры с людьми, которые держали оружие», «я служу офицером в греческой полиции, мне надо знать языки», «люблю общаться с иностранцами», «чтобы помогать взаимопониманию людей», «открывать новый взгляд на жизнь», «встречаться с интересными людьми», «культуру надо переводить», «это самые полезные работники». Ну а об итогах стажировки прозвучали такие отзывы: «узнали много нового о переводе стихов», «получили опыт, навыки и знания техники перевода литературных текстов», «улучшили разговорный русский», «узнали теорию перевода», «узнали русскую литературу и познакомились с новыми друзьями», «было много практики», «было множество деталей, которые до сих пор я игнорировал и которые подчеркнули всю сложность переводческой работы».

Президент Союза переводчиков Леонид Гуревич отметил одну анкету, где студент написал: «Хочу быть переводчиком в опасных ситуациях». «К сожалению, переводчики часто погибают в локальных конфликтах, – сказал он. – В наш профессиональный праздник я бы хотел сказать добрые слова о тех из моих коллег, которые в данную минуту сидят за книгами, у микрофонов и в тех самых опасных точках, куда кто-то из вас хочет попасть. Сегодняшний день переводчика – особенный в России, потому что в этом году мы празднуем двадцать лет создания Союза переводчиков России, почти столько же лет существует и наш журнал «Мир перевода». То есть оснований для всевозможного рода праздников у нас много».

В ходе торжества высокие гости вручали участникам стажировки памятные грамоты, на больших экранах мелькали фотопортреты сидящих в зале. Праздничное мероприятие закрыл руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир» Георгий Толорая. «Когда-то я переводил, в том числе на высшем уровне, – обратился он к студентам. – Мне остро не хватало тех знаний и тренировок, какие недавно получили вы. Я вам по-хорошему завидую. Надеюсь, вы извлекли из этих трех недель пользу и привезете на родину приятные воспоминания». ■

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ЕГО ЗВАЛИ АЛЕКСЕЙ

Имя Алексей в переводе с древнегреческого означает «защитник». Это одно из самых распространенных имен в нашей стране. И это не удивительно, ведь каждый родитель мечтает, чтобы его сын смог защитить свои взгляды и убеждения, семью, близ-

ких, Родину, словом, чтобы он был настоящим воином по жизни. Алексей Константинович Горшков, руководитель отдела инновационных образовательных проектов фонда «Русский мир», был именно таким человеком. Сразу после армии он окончил Российский университет Дружбы народов по специальности «преподаватель русского языка как иностранного». Все последующие годы жизни Алексей Константинович посвятил пропаганде и распространению русского языка в мире. Об этом свидетельствует его преподавательская деятельность в Италии, Франции, Республике Мадагаскар. Общение со студентами доставляло ему невероятное удовольствие. Он мог часами с упоением рассказывать молодым людям о русском языке и о России. Алексей Константинович организовал Аудиторию Русского мира на базе родного ему РУДН и был ее бессменным руководителем. Этот человек был автором оригинальных методик по обучению русскому языку. Многие наши соотечественники сохранили родной язык в своих семьях за рубежом именно благодаря обучающим программам, созданным Алексеем Константиновичем.

В фонд «Русский мир» Алексей Горшков пришел работать с самых первых дней его основания. Он был автором многих инновационных проектов фонда, принял активное участие в создании интернет-ТВ и интернет-радио, был автором-составителем медиатеки Русского мира, которая направляется во все Русские центры. Алексей Константинович был духовным, глубоким и православным человеком. Словосочетание «Русский мир» было для него не пустым звуком. Всю свою жизнь он работал на благо Родины.

Алексей Горшков был генератором идей в фонде «Русский мир». Всех приходивших к нему в кабинет он встречал улыбкой и никогда не отказывал в помощи. Алексей Константинович Горшков умер 10 октября на 56-м году жизни. Царствие ему Небесное и светлая память.

Коллектив фонда «Русский мир» всегда будет помнить Алексея Константиновича не только как Профессионала с большой буквы, но и как очень доброго, искреннего, душевного, отзывчивого и очень ранимого человека. Сотрудники фонда выражают свои глубочайшие соболезнования родным и близким Алексея Константиновича Горшкова.

интервью

14
СЕРГЕЙ МИРОНЕНКО

НОЯБРЬ • 2011

ПЕРСОНАЛЬНАЯ СТАВКА СЕРГЕЯ МИРОНЕНКО

БЕСЕДОВАЛ
**МИХАИЛ
БЫКОВ**
ФОТО
**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

— СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, детство – это время мечтаний. Кто грезит путешествиями, кто – космосом, кто – чемпионством. Сейчас все больше – банковскими счетами, яхтами и собственными островами. Но трудно представить мальчика, мечтающего стать историком.

– Возможно. Но поверьте, я мечтал стать именно историком. Класе в восьмом эта мечта приобрела совершенно конкретные очертания. Другое дело, что мои представления об истории, не только в школьном возрасте, но и в студенчестве и даже в аспирантуре, когда я уже занимался историей всерьез, все-таки сильно отличались от того, что есть профессия историка на самом деле. Мечта и реальность – это, как говорят в одном черноморском городе, две большие разницы.

Например, я мечтал заниматься историей XIX века и никогда не хотел погружаться в историю советского периода. Несмотря даже на то, что отец профессионально изучал историю КПСС и преподавал ее во 2-м медицинском институте.

– То есть здесь же, на Малой Пироговской улице, буквально напротив здания ГАРФ?

– Именно. Отчасти неточные представления о выбранной профессии связаны и с тем, что в семье занимались и говорили куда больше о медицине, чем об истории. Моя мама и бабушка – медики. И они, естественно, мечтали, что я пойду по этой стезе. Когда я уже пришел работать в Государственный архив, заходил в гости ректор 2-го медицинского академик Юрий Михайлович Лопухин и не раз повторял: «Что ж ты не пошел к нам? Проблем бы не было...» Но когда в детстве я представлял себе, что ста-

В НАШЕ СРЕМТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ МАНЕРА ВЕСТИ РАЗГОВОР НЕСПЕШНО ВЫГЛЯДИТ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ СТРАННОЙ. И МНОГИХ ОТКРОВЕННО РАЗДРАЖАЕТ. В САМОМ ДЕЛЕ, ШУСТРО ОБМЕНЯЛИСЬ ИНФОРМАЦИЕЙ, ТОЧНО ДВА КОМПЬЮТЕРА, И ПОМЧАЛИСЬ ДАЛЬШЕ ПО СВОИМ МАРШРУТАМ. ТАК ВЕДЬ ПРОЩЕ, ВЕРНО?

ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ), ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР МГУ СЕРГЕЙ МИРОНЕНКО РАССКАЗЫВАТЬ ЛЮБИТ. И ДЕЛАЕТ ЭТО КАК РАЗ В ТОЙ МАНЕРЕ, ЧТО БЫЛА СВОЙСТВЕННА ЛЮДЯМ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ: ОБСТОЯТЕЛЬНО, НЕ ТОРОПЯСЬ, С ПАУЗАМИ И АКЦЕНТАМИ. НО ВОТ ЧТО ОСОБЕННО ПРИМЕЧАТЕЛЬНО – СЛУШАЕШЬ И ЛОВИШЬ СЕБЯ НА МЫСЛИ: НИЧЕГО СТРАННОГО И УЖ ТЕМ БОЛЕЕ РАЗДРАЖАЮЩЕГО. НАОБОРОТ, РАЗГОВОР ВЫХОДИТ ЕСТЕСТВЕННЫМ И ОТ ЭТОГО ОСОБЕННО ИНТЕРЕСНЫМ. КАК ХОРОШАЯ КНИГА, ЧИТАЯ КОТОРУЮ НАДЕЕШЬСЯ, ЧТО ОНА НИКОГДА НЕ КОНЧИТСЯ.

ну, предположим, хирургом и буду резать людей, мне становилось нехорошо. Я благодарен маме, что она не стала настаивать на своем и предоставила мне право выбора.

– Итак, выбор был сделан в 1968 году...

– Да, конкурс на исторический факультет Московского университета был в том году 16 человек на место. По тогдашней практике по льготе поступали представители рабочего класса, вчерашние солдаты, отслужившие срочную, люди с рекомендациями от профильных организаций... Школьнику пробиться было невероятно сложно. Помогла школьная золотая медаль. Я сдавал один экзамен – историю.

– Понятно, что сдали. Но на какой балл?

– На пять... И когда я поступил, я ощутил огромную разницу между

школой и университетом. Преодоление этого рва мне удалось с большим трудом. Помню, на первой сессии чуть не получил неуд. Единственную пятерку за ту сессию получил по археологии. Экзамен принимал академик Валентин Лаврентьевич Янин, и делал он это своеобразно. Он предлагал выбрать одну тему и готовиться по ней досконально. Лишь потом возможные вопросы по общей программе. И вот мы с одним товарищем, с которым вместе поступали, выбрали тему «Новгородские берестяные грамоты». Надо было набраться наглости, чтобы сдавать именно эту тему, так как визави – один из лучших специалистов в мире. Академик Янин и берестяные грамоты – это почти синонимы. Но – сдали!

– Сергей Владимирович, переход к университетскому уровню понимания будущей профессии дался с трудом. Но именно об университете вы

отзываетесь всегда с особо теплым чувством...

– После университетского курса и аспирантуры я проработал четырнадцать лет в Институте истории СССР Академии наук СССР. Рядом с крупнейшими учеными-историками. Одно имя академика Милицы Васильевны Нечкиной чего стоит. Но когда я уходил оттуда в ГАРФ, чувства, что покидаю родной дом, не было. Хотя именно там шла интенсивная научная работа, готовились публикации, наконец, докторская диссертация была написана и защищена. Родным домом от истории оставался и остается факультет. Остается Московский университет. Тем более что я никогда не терял с ним связи. Там оставались любимые учителя, среди которых профессор Петр Андреевич Зайончковский. Туда приглашали читать спецкурсы. И когда пять лет назад предложили возглавить кафедру российской истории XIX – начала XX века, я вернулся домой.

– А вы можете объяснить, почему так?

– Я и сам довольно долго размышлял над этим. И пришел к выводу, что, несмотря на идеологические догмы и даже диктат, существовавшие в советские годы, дух настоящей науки на историческом факультете Московского университета никогда не исчезал. Вот в Институте истории все писали коллективные монографии. Академик Греков называл их «братскими могилами». Иными словами, ты, как соавтор в большом коллективе, должен был вписаться в чью-то концепцию. Академик Нечкина была очень... идеологически выдержанным человеком, а я тогда уже весьма скептически относился к советским догмам, которые выдавались за историческую науку, но на самом деле являлись изложением «Краткого курса истории ВКП (б)». Помню, под ее руководством я занимался одним вопросом по истории XIX века. И выяснил, что бюрократия состояла из очень немногочисленного слоя высшей аристократии, не более 2 процентов, и слоя весьма скромно живущих чиновников, 86 процентов которых были вообще безземельными и крепостных крестьян не имевшими. Результатом стал доклад. Так вот, выступаю я с этим докладом,

и вдруг Милица Васильевна встает и уходит из зала. Молча. Я тешил себя надеждой, что причина – не в докладе. Нечкиной было уже за 80, мало ли что? Хотя мои коллеги после выступления хором убеждали: все, крышка молодому историку МIRONENKO. Прошло немного времени, звонит Нечкина, предлагает зайти. Захожу. Милица Васильевна и говорит: «Из вашего доклада я поняла, что вы хотите разрушить марксистскую концепцию русской истории, которую мы создавали десятилетиями». Я сразу и не сообразил, насколько глубоко она поняла вопрос. Как и положено скромному младшему научному сотруднику и притом совершенно искренне, отвечаю, что вовсе не хотел ничего разрушать. «Нет, – говорит Нечкина, – по-вашему, получается, что Россией управляли не помещики?» Справедливости ради замечу, что вопреки моим ожиданиям никаких санкций не последовало. На истфаке доминировал подход: самоценно то, что напишешь имен-

но ты. Причем этот подход чувствовался с первого курса. Твоя точка зрения всегда интересна. Даже если это первая курсовая работа.

– О чем, кстати, была ваша первая курсовая?

– Переписка Ивана Грозного и князя Андрея Курбского. Курсовая у меня сохранилась. И сейчас, образно выражаясь, волосы дыбом встают, когда видишь, насколько наивным с профессиональной точки зрения ты был. Но это был ты, и никто другой!

– В определенных кругах сегодня бытует выражение – «истфаковская мафия». Подразумевается, что выпускники исторического факультета МГУ – это представители некоего закрытого братства. При этом многие из них сделали очень серьезную карьеру не только на поприще науки.

– Во-первых, истфак МГУ, не в обиду другим вузам сказано, был и остается лучшим центром подготовки истори-

ков в стране. На факультете работали и работают большие ученые. Вспомним академиков Ивана Дмитриевича Ковальченко, Леонида Васильевича Милова, Янина... Это ученые, которые открывали новые направления в науке. Их имена останутся в исторической науке навсегда. Так, Ковальченко первым ввел в историческую науку систему количественных методов исследования. Алгеброй, так сказать, поверил гармонию. Янин сделал из прикладной науки археологии науку общегеисторическую. Это он сумел превратить традиционные раскопы в Новгороде в восстановлен-

зайствования, при нищих урожаях страна обладала огромными амбициями. До сих пор ведь нет ответа на вопрос, во что обошлось России «прорубание окна в Европу». В экономических параметрах. Но Милов нашел объяснение причинам создания Петром I бюрократического, полицейского государства. Только так можно было заставить крестьян отдавать последнее ради реализации национальных, имперских амбиций.

Во-вторых, уровень подготовки определяет и дальнейшую судьбу. Отсюда и успешность выпускни-

дой, я состоялся как ученый? Хотя, признаться, принимали меня на работу в Институт истории СССР долго. Не было ставок. И только настойчивость академика Нечкиной помогла добиться результата. Говорят, в этот период при встречах с Милицей Васильевной вице-президент АН СССР академик Федосеев начинал разговор так: «Помню, помню – Мироненко!» Кончилось тем, что на руках у меня оказалась в буквальном смысле выдранная из какой-то тетради или альбома бумажка, на которой было написано, что академик Петр Николаевич Федосеев принял решение увеличить штатную численность Института истории СССР АН СССР на одну штатную единицу младшего научного сотрудника для С.В. Мироненко. Это называлось «персональная ставка».

– Сергей Владимирович, в представлениях любителя истории академик Нечкина – это декабристская тема...

– Начинать в Институте истории пришлось с другого. С внутренней политики в империи в XIX веке. Начало царствования Александра II, его попытка решить крестьянский вопрос. Вопросами внутренней политики я занимался еще в аспирантуре. Кандидатская диссертация называлась очень скучно – «Секретный комитет 1839 года и Указ об обязанных крестьянах». Нечкина предложила тему, которая, честно говоря, меня совершенно не устроила, – «Революционная ситуация в период декабризма». Результатом стала докторская под названием «Политическая борьба в России в первой четверти XIX века». Никакой революционной ситуации в 1825 году, конечно, не было. Последний доклад, который удалось сделать в Институте истории и который я развил как тему уже в 2011 году, был посвящен крестьянской реформе 1861 года. Я убежден, эта реформа была великой. Но – неудачной. Потому что, будь она удачной, не было бы сталинских колхозов. И страна не получила бы еще худшее крепостное право, чем то, что имелося в XVIII и первой половине XIX века. Так вышло, что вплоть до перехода в ГАРФ я занимался темой реформ. Я уверен, что еще Александр I понимал: Россия нуждается в модер-

«Самая большая тайна советских архивов и спецхранов – правдивая история собственной страны. И для народа в целом, и для историков».

ный город и населить его историческими персонажами. Диапазон исследований Милова потрясающий: от X до XIX века. Его книга «Великорусский пахарь» – это книга про русскую жизнь. Я, уже будучи зрелым человеком, защитившим докторскую диссертацию, был потрясен и многое переосмыслил, прочитав книгу Милова. И сам академик, работая над хрестоматией русской жизни, уверен, мучительно преодолевал собственные, не только профессиональные, но и сугубо человеческие стереотипы. Как-то после распада СССР мы встретились с ним случайно на факультете, и Леонид Васильевич говорит: «Ты мне теперь руки не подашь». Я интересуюсь, почему же. А он поясняет: «Я – член Коммунистической партии».

Эта синтетическая книга объясняет, почему при веками не менявшихся орудиях труда и методах хо-

ков истфака. Мне не нравится слово «мафия». Но если говорить о корпоративном духе, то он, безусловно, присутствует. В последнее время он приобрел совершенно зримые очертания. Есть юридически оформленная организация – Ассоциация выпускников исторического факультета. Раз в году мы все встречаемся, на Татьянин день. Но это не «мафия», которая объединяет людей, старающихся в ущерб другим захватывать какие-то позиции в науке, политике, других сферах.

– Природу любви объяснять всегда трудно. Но вам это объяснение в адрес исторического факультета МГУ удалось. В стороне остался Институт истории Академии наук.

– Есть любовь. Но есть и уважение. И как без глубокого чувства уважения относиться к месту и людям, благодаря которым, тешу себя надеж-

низации, говоря современным языком. И самодержавие – тоже. Другое дело, что он не мог эту модернизацию осуществить. Потому что у него не было силы, на которую можно опереться. Не было возможности изменить положение вещей силой. В итоге насилие применил его сын – Александр II. И по отношению к крестьянам, и по отношению к помещикам. «Одним концом – по барину, другим – по мужику», – писал Некрасов. И отсюда вопрос – можно ли насилием добиться положительных результатов?

– Вопрос, который напрямую можно было бы адресовать и лидерам декабристского движения...

– Над декабристской темой довелось работать много и, надеюсь, плодотворно. Самый яркий результат, наверное, это серия «Полярная звезда», главным редактором которой была академик Нечкина.

– Почему вы ушли из академического института?

– Вторая половина 80-х... Проще всего объяснить так: мне стало скучно ходить на работу. Но за этим простым объяснением – множество серьезных и труднообъяснимых вещей. Шел процесс некоего переосмысления и бытия, и науки. Покинула этот мир Милица Васильевна, другие крупные ученые, без которых для меня институт осиротел. Короче говоря, когда в августе 1991 года произошел путч, я для себя решил: если победит ГКЧП, я в институт не вернусь.

– ГКЧП проиграл...

– А мы с Владимиром Петровичем Козловым, тогда ученым секретарем отделения истории Академии наук, а после – руководителем Федеральной архивной службы РФ, перешли в архивную отрасль. Но прежде – долго ходили по Ленинскому проспекту и думали над извечным русским вопросом: что делать? Закончилось тем, что решили: раз все в России новое, то и мы откроем новую страницу в жизни. В первых строках, написанных на этих страницах, сумбура хватало. Ясность пришла, когда был создан – к слову, впервые в стране – Государственный архив и когда мне предложили

стать его директором. Каковым я и являюсь вот уже почти двадцать лет.

– Девяностые годы не баловали науку, культуру, образование деньгами и вниманием. Можно ли назвать день или год, когда вы поняли, что интерес к архивному делу на национальном уровне есть?

– Могу. Это ощущение возникло сразу. Еще в августе 1991-го. Недаром именно тогда появился термин «архивная революция». Началось рассекречивание архивов, а этот процесс интересовал миллионы людей. И тогда же выяснилось, что самая большая тайна советских архивов и спецхранов – правдивая история собственной страны. И для народа в целом, и для историков.

тывать и осваивать новые методы хранения, создавать систему доступа к материалам. Никогда не забуду, как еще сотрудником Института истории пришел в архив с желанием поработать над одним документом по декабристской теме. Оригинал мне не дали. А дали копию. На вопрос, почему так, ответ был потрясающий: «Мы должны сохранить документы для будущих поколений!» А я? Не будущее поколение? С точки зрения декабристов. Вот он я, его представитель, пришел уже! Позже возникла необходимость тотальной компьютеризации процессов. А еще надо было менять психологию самих сотрудников архива, привыкших до 1991 года жить тихо и спокойно.

«У нас хранится более 6 миллионов архивных дел. В каждом усредненно 100 страниц. 600 миллионов страниц самых разных документов о жизни нашей страны...»

– Это типичный пример революции «снизу». Люди пошли в архивы. А что делалось «наверху»?

– Если бы «верхи» не хотели, «низы» до архивных папок могли бы и не добираться. Это очевидно. Но «верхи» способствовали «архивной революции». Ведь дело надо было организовать. А это может только власть. И случились гигантские подвижки. Возьмем только массив документов, связанных с русской эмиграцией. В советский период это были документы специального хранения. Даже ссылки на них при подготовке научных работ и публикаций не позволялись. Многое пришлось делать с нуля. Систематизировать, открывать читальные залы, разраба-

– Что такое Государственный архив Российской Федерации сегодня – узнать нетрудно. Довольно сказать, что у ГАРФ отличный сайт. Сергей Владимирович, можно ли в одном факте спрессовать общую информацию об архиве? Да так, чтоб человек захотел и сайт изучить, и в сам архив приехать?

– У нас хранится более 6 миллионов архивных дел. В каждом усредненно 100 страниц. 600 миллионов страниц самых разных документов о жизни нашей страны...

– Насколько я понимаю, современный архив – это многофункциональная организация. Есть, так сказать, что-то от научно-исследовательского института, музея, библиотеки...

– Архив – это прежде всего архив. Но современный архив включает в себя все перечисленное, а в нашем случае еще и издательскую деятельность, поиск документов, выставочный зал... К сожалению, социальный статус нашей работы невысок. Вспомним выражения «спустить в архив», «архивные крысы», вспомним Коробейникова из романа «12 стульев». Этот статус определяет и низкие зарплаты, и быстрое «старение» архивных специалистов, и многие другие глобальные и повседневные проблемы. Это притом, что ГАРФ включен в список наиболее ценных культурных объектов национального значения. Наряду с Эрмитажем, Большим театром, Кремлем...

– История в разных ее проявлениях занимает настолько много места в вашей жизни, что невольно возникает вопрос: остается ли место для других интересов?

– Я с детских лет любил балет. Тот, советский, классический. Ушли со сцены классики, и интерес испарился. Пришло увлечение оперой. Среди прочих благ новой России для

меня огромное значение имела возможность поездок за границу. Я смог посетить величайшие оперные театры мира. Потом появилась сильная тяга к симфонической музыке. Если учесть, что у меня отсутствует музыкальный слух, для самого загадка, каким образом удастся отличать настоящее музыкальное искусство от остального. Преклоняюсь перед пианисткой Элисо Вирсаладзе. Был период увлечения драматическим театром. Были попытки стать коллекционером. Однажды я понял, что самая лучшая коллекция – это коллекция впечатлений. Где именно, каким образом, с помощью какого инструмента они появляются и накапливаются – это второстепенный вопрос.

– Мы не первый раз разговариваем. И всякий раз я искренне поражаюсь тому, как безукоризненно работает ваша память. В чем секрет? Природа, профессия, специальные тренировки при подготовке на истфаке?

– Полученное во время учебы в университете и аспирантуре, в годы работы в академическом институте – все это подготовило память к интенсив-

ной работе. Но главное – люди, которые окружали и окружают меня все это время. Помню, как мы готовили большую работу о декабристах в Институте истории. Раз в неделю я приходил к Милице Васильевне Нечкиной домой, и как-то раз она спрашивает: «Помните, Сергей Владимирович, как там у Анненского в «Кипарисовом ларце»?» Я тогда Иннокентия Анненского не только не помнил, но и не читал. В чем и признался. «Как, – искренне удивилась Милица Васильевна, – вы не знаете Анненского? И занимаетесь XIX веком?» Общение с такими людьми – это постоянный рост требовательности к самому себе. Постоянное желание помнить знание, которым с тобой поделились другие. Постоянное желание этим приобретенным знанием поделиться. Вот такой обмен знаниями в природе.

Один из декабристов, генерал-майор Михаил Фонвизин, биографией и трудами которого я занимался с особым интересом, в 1849 году как-то записал: «Коммунист говорит – все твое – мое. Христианин – все мое – твое». ■

ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

БЕСЕДОВАЛА
**САША
КАННОНЕ**

В ЭТОМ ГОДУ В РОССИИ ПОЯВИЛСЯ ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА – 6 ИЮНЯ. В КАНУН 212-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА ИЗДАН СООТВЕТСТВУЮЩИЙ УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ. ТАКИМ ОБРАЗОМ ВЛАСТЬ ПОДЧЕРКИВАЕТ СВОЕ ВНИМАНИЕ К РОДНОЙ РЕЧИ. НУЖДАЕТСЯ ЛИ ОНА В ЭТОМ? СВОИМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ С ЖУРНАЛОМ «РУССКИЙ МИР.RU» ДЕЛИТСЯ ПРОФЕССОР ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ВИКТОР ГОЛЫШЕВ.

– Что является критерием оценки? Язык улицы, власть имущих или СМИ?

– Ну, власти у нас, по-моему, правильно говорят, и улица тоже. А с журналистами похуже дело обстоит, поскольку у них поточное производство. Надо много писать, отсюда вал штампов, неграмотность, выражения вроде «озвучил» и т.д. А на телевидении дела совсем плохи. Смотреть и слушать это невозможно. И, боюсь, именно телевидение играет очень большую роль в порче языка.

– А качество перевода на языке скачивается?

– У нормальной литературы тиражи очень маленькие, и на население это не может сильно влиять.

– Вы говорите о художественном переводе – а если взять технический? Торговля, финансы, коммерция, спорт, шоу- и турбизнес, реклама – отсюда, мне кажется, в язык идет основной вал безобразных, небрежно переведенных слов. «Все включено»! Включать можно что-то и куда-то, глагол требует дополнения! В романо-германских языках не требует, а в русском требует. Еще у нас есть падежи, склонения, муж-

ской, женский и средний род, именами отчества, обращение на «вы»...

– С одной стороны, заимствования – это, конечно, нехорошо, потому что у нас всегда получается смесь французского с нижегородским. С другой – появилось много реалий, для которых нет русских слов, и самое простое – их заимствовать.

– Всегда ли так было?

– Нет, не всегда. Количество заимствований зависит от состояния науки. Если она развивается нормально, как это было с русской математикой в XIX веке, почти весь необходимый словарь формируется на русском. А, например, с генетикой ничего нельзя было сделать – официально она у нас не существовала. Но язык с этим справляется. Например, в футболе сначала были одни иностранные слова, а потом началась русификация. Сейчас, правда, из пиджонства опять стали употреблять иностранные слова.

– Вы думаете, к иностранной лексике прибегают из пиджонства?

– Очень часто. Особенно это было распространено в 90-е годы, когда половина объявлений писалась по-русски, половина по-английски. И сейчас тоже: русскими буквами

– ПРЕЗИДЕНТСКИЙ УКАЗ стал своего рода итогом общественной полемики о состоянии современного русского языка. Большинство считает, что состояние это неважное. Что думаете по этому поводу вы?

– Состояние русского языка всегда оценивали как неважное. Сначала его портила советская официальщина, потом торговая. Но, по-моему, это нормально. Язык это переваривает.

английские слова написаны, которые можно по-русски сказать, или, наоборот, английскими – русские, или еще – полслова по-русски, полслова по-английски. Это все жульничество языковое.

– С давних пор в России существует мощная переводческая школа. Что с ней происходит сейчас?

– Хорошие переводчики есть, но поскольку переводных книг стало в

тысячу раз больше, то народа не хватает, и качество перевода страдает. Раньше было иначе: молодым прорваться в эту «мафию» было сложно. Круг «допущенных» был очень ограниченным.

– Перестройка ограничения отменила. Не только переводить – писать и издавать принялись все кому не лень. Это повлияло на языковую ситуацию?

– Если говорить об издателях, то большинство вновь пришедших очень скоро и отмерли. Не выдержали по причине своей необразованности или недостаточной любви к книжкам. В то же время случается и так, что люди приходят со стороны, но быстро ориентируются и в этом деле понимают хорошо. Я часто вижу во главе издательств и бывших физиков, и бывших книготорговцев.

– Но ведь начинается все не с издателей, а с переводчиков. Естественный отбор – это единственная система контроля или существует какая-то структура, которая выполняет эту работу?

– В свое время журнал «Иностранная литература» учредил Гильдию переводчиков России, меня выбрали ее президентом. Но я недолго пробыл на этом посту. В то время мне казалось, что Гильдия ничего не делала, потому что, во-первых, она не была зарегистрирована, а во-вторых, идея, по-моему, была неправильной. В Гильдию входили светила перевода, 100 человек, а я говорил, что нужно создать профсоюз и что все, кто переводит, имеют право в ней состоять. Но другие члены меня не поддержали. Они хотели быть «аристократией», и потому это было мертвое дело. Сейчас Гильдия по-прежнему существует, она обрела официальный статус.

– Аналогичный институт в адвокатском сообществе контролирует деятельность коллег и в случае чего лишает их лицензии. Непрофессионализм, коррумпированность адвоката – это уголовное преступление, опасное для общества. А коррумпирование речи не опасно?

– Следить невозможно. Я не знаю, сколько лиц состоит в Гильдии сегодня. Ну, 200 человек. А переводят тысячи – и как это контролировать? Качество перевода могут контролировать или редактор, или издатель. Сейчас это технически неосуществимо. Очень быстро нужно книжки выпускать, и у редактора нет времени, чтобы из переводчика соки выжимать. Раньше было всего три издательства – «Худлит», «Прогресс» и «Молодая гвардия». А сейчас их тьма. Тогда контроль мог быть ре-

ВИКТОР ГОЛЫШЕВ

альный, сидели редакторы, которые с текстом возились. В этом была некая нормативность, что-то свежее пробить было сложно. Впрочем, сегодня это, уже по другим причинам, кажется, вовсе не возможно.

– Сейчас в Интернете работают группы любителей, которые переводят тексты и телесериалы, в Интернете же размещенные. Они не всегда толком знают язык оригинала, и тем не менее их переводы пользуются спросом, потому что те, кто ими пользуется, за них не платят. Насколько серьезно можно относиться к такой работе?

– Я думаю, нельзя переводить и редактировать, не зная языка. Как-то в молодости мне нужны были деньги, и я взялся редактировать японский перевод. Я сразу понял, что у меня не получается. Вроде все по-русски нормально, но мелкие нюансы, не зная языка, отредактировать невозможно.

– Кажется, сейчас главная беда переводчиков не в том, что они не владеют языком оригинала, а в том, что они не знают своего. Отсюда, в частности, такое количество «лишних» слов – неуклюжих калек с английского при наличии русского аналога. Ведь у 80 процентов всех этих «мониторингов» и «лизингов» аналоги есть.

– А как «мониторинг» будет – «слежение», что ли?

– Почему нет?

– Ну, «мониторинг» красивее... Охота павлиньи перья надевать на себя – это нормальное человеческое желание. Особенно в наше рыночное время, когда, чем ты сильнее щеки надуешь, тем больше тебе цена. Например, все журналисты пишут «нелицеприятный», имея в виду что-то неприятное. На самом деле значение совершенно другое – «беспристрастный, справедливый». Но оторвать их от этого уже нельзя, как нельзя оторвать от «эпицентра», который также неправильно употребляют в 90 случаях из 100. Вместо «центр» говорят «эпицентр». Опять павлиньи перья, красивее хочется сказать.

– А модное сейчас слово «вызов»...

– Ну, это от английского challenge. По-русски это – «задача».

PHOTOXPRESS

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ГОЛЫШЕВ – классик отечественного перевода. Родился в Москве в семье переводчицы Елены Голышевой. В 1961 году окончил Московский физико-технический институт. В 1961–1966 годах – инженер в Институте автоматики и телемеханики АН СССР и Московском институте стали и сплавов. В 1966-м – научный редактор в редакции физики издательства «Мир». С 1966 года профессиональный переводчик. В 1970 году принят в Союз писателей СССР. В 1991-м вел курс западной литературы в Бостонском университете. С 1992 года преподает художественный перевод в Литературном институте им. Горького. Член общественного редсовета журнала «Иностранная литература». Друг Иосифа Бродского. Имеет литературные награды. Автор переводов произведений Роберта Пенна Уоррена, Уильяма Фолкнера, Натанаэла Уэста, Джона Стейнбека, Уильяма Стайрона, Торнтон Уайлдера, Кена Кизи, Джорджа Оруэлла, Уильяма Кеннеди, Чарльза Буковски, Трумена Капоте, Ричарда Райта, Видиадхары Сураджпрасада Найпола, Ивлины Во, Тома Вулфа, Уильяма Гасса, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Стивена Винсента Бене, Редьярда Киплинга, Эдуарда Вилсона, Дешилла Хэммета и других. В Литературном институте руководит семинаром переводчиков с английского языка.

ВИКТОР ГОЛЫШЕВ

– Да, но, в отличие от русского слова «задача», русское слово «вызов» опять же требует дополнения. Вызов на дуэль, на работу, вызвать «скорую помощь» и пр. Мне кажется, перенос иностранных слов без оглядки на русскую грамматику нарушает логику языка. И это настоящая беда, потому что ломает лингвистическую структуру.

– Согласен. Но это вина ооновских переводчиков и политиков. Ну некогда им разбираться в тонкостях. Они уже в эту трясиину попали и в ней существуют – во всех этих «озвучаниях» и «озабоченностях».

Это, я думаю, скоро в словарь войдет – точно так же, как «одевать *на* себя» вместо «надевать» или слово «адекватный» без дополнения («адекватный» – «не адекватный» не может быть вообще, но может быть «адекватный» – «не адекватный» *чему-то*). Впрочем, и словарь, по-моему, уже не работает. Он же должен обновляться, но никто этим не занимается. Например, англо-русский словарь еще в Интернете есть, но бумажных не выпускают. Последний вышел в начале 90-х, но по нему нельзя работать, он устарел. К тому же если раньше, чтобы Фолкнера переводить или Хемингуэя, не надо было знать, какой фирмы этот стул, то теперь надо, потому что теперь все связано со скрытой рекламой. Безумно много частных названий стало в литературе, и без Интернета переводить это невозможно. А бумажные словари делать некому. Денег не платят – кто будет пыхтеть? Недавно я купил словарь синонимов английского языка. Там было 300 гнезд и примерно шесть или семь авторов. Даль в одиночку составил словарь. Эти – вшестером или всемером. Я его выбросил в помойку. Им пользоваться нельзя.

– Перестройка что-то дала переводу?

– Ну конечно дала. Все же имеет обратную сторону. Появилась возможность напечатать то, от чего мы были вакцинированы насмерть. В советские годы было очень много книг, которые нельзя было даже в библиотеке взять – они в спецхране стояли. Причем в большинстве своем это были совершенно «невинные» вещи. Потом их выбросили в общее пользование.

Перестройка дала освобождение мозгов. Зашоренные все были. Сейчас, правда, стали слишком «расшоренные», но, я думаю, это вторичное дело. Деморализация происходит не на языковой основе, а на воровстве, на социальной несправедливости. С одной стороны, свобода, с другой – дикий рынок.

с языком, и она бы это регулировала не путем санкций, а просто кривясь, грубо говоря. Но поскольку эти люди в большинстве своем сейчас мало значения имеют, в отличие от политиков и богачей, то слушать их никто не будет: «А чё ты мне такое указываешь, ты получаешь 25 тысяч!»

«Можно хорошо знать язык и переводить плохо. Оттого очень редко настоящие стихи бывают переводные. Это не факт поэзии, а, скорее, факт образования: нужно же знать, что пишут другие».

– То есть то, что происходит в языке, это отражение общественной ситуации?

– Да. Пришли люди, которые плохо владеют языком. Они и раньше не очень хорошо говорили. Язык начальства всегда был казенным языком, казенный язык был у телевизора. А сейчас он еще и сильно неграмотный.

– А можно что-то сделать или язык сам себя регулирует?

– Саморегуляция не означает, что дело надо пустить на самотек. Вероятно, этим должны озаботиться носители языка. Но как это осуществлять, по каким параметрам? Ну как запретить кому-то называть себя «фьючерсной компанией»? Я думаю, должна быть некая влиятельная группа людей, которую шокирует плохое обращение

— Кстати, о людях. Мне кажется, в разные эпохи «во главе языка» стоят разные социальные группы. Сейчас это кто?

– Они и стоят – нувориши и политические выскочки. Когда слушаешь старых эмигрантов, удивляешься, как хорошо они говорят по-русски. Язык чистый, верные интонации. Почему? Их речь определяло дворянство, образованное мещанство. А сейчас – я даже не знаю, кто определяет. Средства массовой коммуникации. В 90-е годы все сделали приклатненными. Жаргон пошел повсеместно, началась похабщина, шутки ниже пояса, общее падение нравов и вкуса. Я думаю, со временем это все осядет, хотя «нижние» шутки всегда привлекательны. Мне очень интересно, на кого ориентируются книжные издатели и телевизор. Они думают, что

на простой народ. Но нет никакого так называемого простого народа. Народ весь простой, кроме шизофреников. А они построили для себя некую низкопробную модель населения и ей как бы угождают. Как-то знакомый режиссер пригласил меня в Театр Сатиры. Сам смотрит спектакль, смеется, а мне говорит: «Понимаешь, вот в зале 500 человек – они этого не понимают». Вот ужас в чем состоит: ты умный, а все дураки! Я театр плохо знаю, но меня это удивило: создатели спектакля заранее уверены, что публика не поймет, они делают свою работу для скотины.

– Сегодня любой человек может найти текст в Интернете, перевести его, и этот перевод будет прочитан. Вы член Союза писателей с 1970 года. Ваш путь к читателю был столь же короток?

– Никакого пути вообще не было: как захотел, так и начал переводить. Просто пока я студентом был, это служило мне приработком. Первый перевод мы сделали с приятелем, с которым учились в Физикотехническом институте. Это был рассказ Сэлинджера, которого тогда у нас в стране совершенно не знали. Я не помню, по-моему, «Над пропастью во ржи» на русском раньше появился, но наш рассказ год лежал, его никто не хотел печатать. В конце концов он вышел, и это была моя первая официальная публикация. Потом я устроился на работу, потому что, пока переводишь, надо иметь деньги, и реально начал, уже не работая, переводить году в 1966-м. В 1970-м меня приняли в Союз писателей.

– Вы так хорошо владели языком?

– Думаю, я и сейчас им не владею толком.

– Впрочем, для переводчика важнее знать русский, чем тот, с которого переводишь. Ахматова переводила даже с древнеегипетского.

– К сожалению, да. Но со стихами другая история. Там личность переводчика играет большую роль. Можно хорошо знать язык и переводить плохо. Оттого очень редко настоящие стихи бывают переводные. Это не факт поэзии, а, ско-

рее, факт образования: нужно же знать, что пишут другие. А переводы с древнеегипетского – этим кормились поэты. Любой, кто умел писать стихи, пробавлялся переводами с казахского, таджикского, армянского, и это очень редко хороший продукт был. Кого-то из поэтов создавали – вроде Расула Гамзатова. Но я не уверен, что и с ним все было нормально.

– Мы говорили об отрицательном воздействии иностранных заимствований. Но есть ведь и положительное? Они обогащают язык?

– В профессии переводчика существуют какие-то табу?

– Врать не надо, желательно по-русски выражаться. Врать не надо – это означает, что не следует подминать книжку под себя. Но это не табу и не установка, потому что я не могу сказать, что это сознательно происходит. Просто когда ты не можешь справиться и знаешь, что тут можно пару слов выбросить, не по себе становится.

– А у вас было, что, поняв, что не справляетесь, вы отказывались от перевода?

«Пока мог, я переводил то, что хотел, и мои предложения почти всегда принимались. Сейчас это практически невозможно, потому что издатели сами выбирают и покупают права. При этом они уверены, что на хорошей литературе денег они не получают».

– Да, *необходимые* – обогащают. К ним мы привыкнем, как привыкли к Эйфелевой башне. Другое дело, что речь очень уплощается. Мы все время дальше от природы уходим, и она становится менее эмоциональной. Не в смысле гнева и ругани – с этим как раз все в порядке. У нас же даже в критике театральной и литературной «опустить» – сладкое дело. На Западе в прессе так себя не позволяют вести. Однако это, я думаю, не языковое дело, а этическое. Такой способ цивилизации. Там, в Англии, лицемерят, а мы больше ругаемся, больше врем.

– Один раз. Как ни странно, это детектив был, Хэммет. Я начал переводить, потом сообразил, что я жаргон понимаю, а по-русски его изложить не могу, потому что по-русски он сразу переносит тебя куда-то в Одессу, к уркам. Я бросил. Потом, правда, через несколько лет перевел. Замечательно все получилось. Просто не надо было за каждым словом гнаться, должен общий тон быть. Кроме того, я отказываюсь от всего, что мне по-человечески не подходит. Вон они лежат, эти книжки. Один писатель – пожилой автор, другой – молод, но в письме обоих доминирует мрачность какая-то стар-

РИА НОВОСТИ

обычных расценок. Язык Роулинг нормальный, написано грамотно, аккуратно, достаточно пресно, чтобы это имело широкий спрос, но с довольно мудреной психологией. Автор прекрасно осведомлена о всяких волшебных делах, знает устройство английских школ, понимает их атмосферу. В общем, там много ингредиентов, которые вместе дали успех, причем реальное знание предмета здесь важнее, чем литературные способности. А вот что мне совсем не нравится, так это элемент паранойи, который есть в книжке. Все время зло присутствует.

– Но главную роль в успехе поттерианы, конечно же, играет пиар...

– Ну да, издатели знают, на что ставить. В какую-нибудь нормальную книжку они деньги вкладывать не будут, потому что, как ее ни раздуй, ее все равно не продашь. Еще одно немаловажное слагаемое успеха – фильмы. Книжка, по которой снят фильм, всегда будет лучше продаваться.

– То есть при выборе книги деньги для вас не играют роли.

– Нет. Во-первых, это не такая большая разница. Ну переиздадут, может, раза два – тираж все равно будет маленьким. А во-вторых, за эти деньги ты должен сидеть с тем, что тебе не нравится. Есть люди, которые, может, не так нервно относятся к литературе. Им более или менее все равно, что переводить. Это кто как устроен. Но большинство тех, кого я знаю, не переводят что попало.

– С 1992 года вы преподаете в ЛИНТИНСТИТУТЕ, выпустили уже немало студентов. Что вы можете сказать о новых русских переводчиках?

– Они меняются, и очень сильно. Мне кажется, последние четыре года большинство студентов стали более деловыми, собранными, чем, скажем, десять лет назад. Они все вовремя и правильно делают и, не потеряв художественной жилки, стали более целеустремленными и четкими. Но им, мне кажется, чего-то все-таки не хватает. Какой-то возвышенности, романтизма... ❧

ческая. Иногда даже трудно сформулировать, что подходит, а что нет. Но для меня это важно.

– На состояние языка влияет качество литературы, которую кто-то решил перевести, ввести в обиход русского языка?

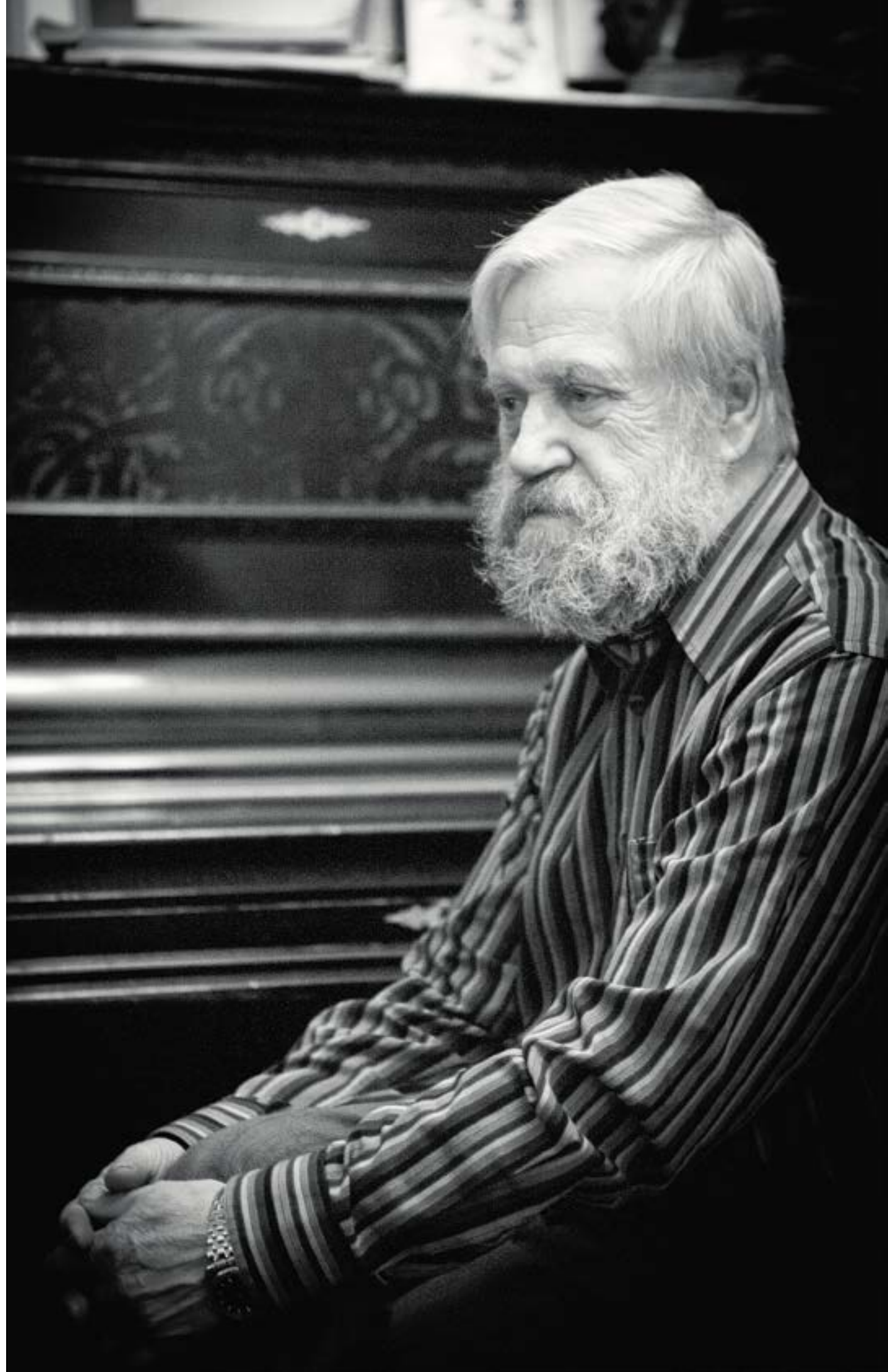
– Думаю, влияет. Во всяком случае, раньше влияло.

– Я об этом спрашиваю потому, что на протяжении более чем полувека вы обращались только к лучшим образцам английской и американской литературы.

– Да, пока мог, я переводил то, что хотел, и мои предложения почти всегда принимались. Сейчас это практически невозможно, потому что издатели сами выбирают и покупают права. При этом они уверены, что на хорошей литературе денег они не получают. А я знаю, что перевожу то, что «шлягером» не будет. «Шлягером» будет какая-нибудь другая вещь – «Гарри Поттер», например.

– А как вам «Гарри Поттер»?

– Да никак. Я участвовал в переводе пятого тома. Там неплохие деньги платили в отличие от

«ПРАДЕД ВСЕГДА ПРИГЛЯДЫВАЕТ ЗА НАМИ»

БЕСЕДОВАЛА
**ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА**
ФОТО **АЛЬБИНЫ
ЛЕБЕДОВОЙ**

ПЕТЕРБУРЖЕЦ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРАВНУК ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО. ЕСЛИ БЫ ПРАДЕД УСЛЫШАЛ ИСТОРИЮ ЖИЗНИ СВОЕГО ПОТОМКА, ТО ВПОЛНЕ МОГ БЫ СДЕЛАТЬ ДМИТРИЯ АНДРЕЕВИЧА ОДНИМ ИЗ ГЕРОЕВ СВОЕГО РОМАНА.

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ ПОХОЖ НА ВЕЛИКОГО предка даже внешне. Он встречает нас у пригородной станции, так как почти до самых холодов живет на даче. Сходящие с перрона дачники приветливо улыбаются немолодому уже мужчине – Дмитрия Андреевича здесь многие хорошо знают, правда, не как «правнука», а как соседа, который может подвезти на своем микроавтобусе от станции до дома. С наступлением осени Дмитрий Андреевич живет на даче по большей части в одиночестве, хотя летом, по его словам, в доме не протолкнуться: приезжает сын Алексей с женой и четырьмя детьми. У Достоевского три внучки и годовалый внук, носящий громкое для всего мира имя – Федор Достоевский. Но и осенью скромный деревянный домик Достоевского часто принимает гостей: сюда и исследователи жизни и творчества Федора Михайловича приезжают посоветоваться с его потомком, и журналисты навещают, в том числе из-за границы. Всех своих гостей Дмитрий Андреевич принимает по-простому и очень дружелюбно.

– Дмитрий Андреевич, скажите, для вас это бремя или счастье – быть «правнуком»?

– Это очень сложный вопрос. Свою жизнь делю на две части: первая – это моя личная жизнь, которую я должен прожить, чтобы не было стыдно ни перед собой, ни перед другими. А вторая часть – это моя принадлежность к великому классику. И мне важно, что, если ночью меня разбудит кто-то и спросит: мол, а как Достоевский относился к тому-то? – мне надо проснуться и ответить. Потому что можно предположить, что этот человек через меня разговаривает с Федором Михайловичем. А для этого я должен не только знать его произведения и жизнь, но и уметь своей голо-

вой что-то подумать. Зато мой предок позволил мне обнаруживать вокруг себя широкий круг людей, что мне очень нравится. Мне кажется, это у Достоевских наследственная черта. Ведь когда я окончил школу, я осознанно не стал поступать в институт, а решил рвануться в гущу жизни, чтобы набраться как можно больше умений и впечатлений. Я до сих пор себя хорошо чувствую и с потомками дворян, с которыми мне не раз приходилось общаться, и с горькими пьяницами... К каждому получается найти подход.

– Произведения своего предка вы, наверное, читали чуть ли не с колыбели?

– Нет, я даже в школе не изучал Достоевского! Тогда его произведений в школьной программе не было, случайно ведь Ленин назвал Федора Михайловича «архискверным писателем». И с 1934 по 1947 год Достоевского просто не издавали. Так что я приходил к его романам самостоятельно, уже в хрущевскую оттепель. И до сих пор считаю, что Достоевский приходит к читателю только тогда, когда тот делает определенное усилие, а не через школьную программу. Потому что тексты у него сложные для восприятия, надо переступить какую-то ступень и довериться ему. У меня так и произошло. Я забывал, что генами к Достоевскому принадлежу, становясь обычным читателем. Я был воспитан по-советски, поэтому с ним мысленно спорил, не принимая поначалу то, что он описывает.

– Насколько известно, ваша ветвь – прямые потомки Федора Михайловича?

– Да, наша семья – единственные прямые потомки по мужской линии. Ведь из четырех детей Достоевского и Анны Григорьевны только двое прожили взрослую жизнь – дочь Люба и сын Федор. Вот Федор Федорович – мой дед. Я иногда вожу экскурсии по Музею Достоевского в Петербурге для русских и для иностранцев, они любят спрашивать: а что в вашей семье сохранилось от Федора Михайловича? И не верят, когда я объясняю, что практически ничего. Ведь

ДМИТРИЙ ДОСТОЕВСКИЙ

Достоевские очень тяжело вошли в 1917 год. Анна Григорьевна, вдова писателя, до революции издала 11 полных собраний сочинений и получала хорошие деньги, которые делила между двумя детьми. А национализация наследия Достоевского привела к тому, что она умерла в Ялте от голода. Мой дед закончил жизнь в полной нищете, его могила пропала, ее до сих пор не могут найти. Кстати, сразу после смерти Анны Григорьевны исчезла рабочая рукопись «Братьев Карамазовых», которую она наравне с другими бумагами мужа бережно хранила много лет. Над этой пропажей до сих пор льют слезы исследователи. Дочери Любе повезло больше, чем ее брату, — она уехала за границу и, перестав получать деньги от матери, оказалась в нищете, но ей помогли, организовали пенсию. Моя бабушка, невестка писателя Екатерина Петровна, тоже бедствовала: будучи дворянкой, она не могла устроиться на работу. Во время войны она получила ложное (как потом оказалось) известие, что ее единственный сын — мой отец — погиб на фронте. Остаться в России ей было небезопасно, в профашистских изданиях появлялись русскоязычные статьи, подписанные именем «Екатерина Достоевская». И хотя моя бабушка была патриотично настроенной женщиной и не могла являться автором статей, НКВД разбираться бы не стал. Поэтому она уехала за границу, умерла во Франции в 1957 году. А мой отец вернулся с фронта, и в 1945 году родился я. Как говаривал мой отец, все наше «достоевское» имущество было отдано большевикам в «добровольно-принудительном» порядке.

— С материальным имуществом все понятно, но ведь большевики не могли отобрать «генетическое наследие»? Черты характера, талант, привычки...

— Мы очень многое несем от своих предков. В моем случае это хорошо прослеживается, потому что есть исследователи, которые изучают творчество Достоевского через его бытовое окружение, привычки и семью. Выясняется много схожих вещей. Например, я потомственный кофеман. Федор Михайлович очень любил кофе, хотя в то время кофе не был таким популярным напитком, как чай. Еще Достоевские всегда лю-

Федор Федорович Достоевский. Сына великого писателя ждала тяжелая судьба: после революции он умер в нищете, а его могилу на Ваганьковском кладбище до сих пор ищут исследователи

из личного архива Д. ДОСТОЕВСКОГО

ДМИТРИЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Д. ДОСТОЕВСКОГО

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Д. ДОСТОЕВСКОГО

Андрей Федорович Достоевский, внук писателя, считался погибшим в Великой Отечественной войне, но оказалось, что ему чудом удалось избежать смерти

Бабушка и дед по женской линии (по линии матери Дмитрия Андреевича)

били сладкое. Я-то вовремя еще умерил свой пыл, а вот мои внучки пошли в своего предка – очень любят конфеты! Не хочется признаваться, но и страсть к курению – тоже в генах. Ведь классик был заядлым курильщиком. Хотя вот уж кому от папирос стоило отказаться! У него же была эмфизема легких, страшная болезнь, которая его и сгубила...

Моя жена уверена, что я своей вспыльчивостью (но и отходчивостью) похож на Федора Михайловича. По воспоминаниям прабабушки, он всегда взрывался, если что-то происходило не так, как ему хотелось. Но Анна Григорьевна быстро нашла ключик к тому, как его успокаивать. Она даже писала в письмах, что это можно советовать всем молодым, вступающим в брак: не подбрасывать поленьев в разгорающуюся ссору, а искать в ситуации что-то смешное. Таким образом, у Федора Михайловича не оказывалось новых аргументов в споре, и на глазах Анны Григорьевны он выпускал воздух, как воздушный шар, становясь сразу очень милым – каждый раз Достоевского заедала совесть, что он повысил голос на свою любимую женушку.

– Брак Федора Михайловича и Анны Сниткиной был счастливым, несмотря на большую разницу в возрасте...

– Анне Григорьевне было 19 лет, а Федору Михайловичу уже 43, когда они поженились. У Достоевского долго не получалось завести семью. Когда его заинтересовала первая женщина и он захотел познакомиться поближе, то от нервозности во время объяснения он просто упал в обморок! Эта история разнеслась по всему обществу, из-за чего молодой Федор Михайлович очень переживал. Потом каторга, какие там могли быть женщины! Когда он вернулся, он много к кому проявлял интерес, но каждый раз вместо предложения руки и сердца случался сильный эпилептический припадок. Конечно, это пугало девушек, и они ему отказывали. Встреча с Анной Григорьевной – это Божья милость. 19-летняя девчонка пришла к 43-летнему мужчине как стенографистка и сумела (за 26 дней!) понять, что это – ее судьба. Полюбила его и поставила себе задачу вытянуть его из тяжелого финансового положения, в котором Достоевский тогда находился.

– Но ведь в то время он был уже известным писателем...

– Во-первых, он был весь в долгах за своего умершего старшего брата, Михаила, – тот оставил после смерти закрытый властями литературный журнал «Эпоха» и убыточную табачную фабрику. Во-вторых, от своего писательства он получал небольшие деньги, его издавали неохотно. Ведь, с одной стороны, он до конца жизни оставался «поднадзорным полиции» и «бывшим политическим преступником», а с другой – издателей пугала реакция публики на его произведения. Например, когда в одном из литературных журналов появилась сцена убийства старухи-процентщицы и бедной Елизаветы, то в Петербурге начались демонстрации студентов у Казанского собора с лозунгами: «Среди русского студенчества убийц нет!» (Тогда Достоевский писал: «Дураки! Они не знают, что я весь роман вытянул из криминальной заметки в газете».) Но такие реакции настораживали издателей. Анна Григорьевна писала, что только после «Братьев Карамазовых» он стал за «лист» получать столько же, сколько Толстой. А ведь Достоевский был старше, чем Лев Николаевич, да и к тому же он – чуть ли не единственный из писателей того времени – жил только на деньги от издания книг.

– Федор Михайлович – фигура мифическая. Вам, наверное, часто приходится развенчивать расхожие мифы о его характере или пристрастиях?

– Например, есть смешная история, связанная с его адресами в Петербурге. Подавляющее число квартир Достоевского было в угловых домах. Специалисты выдвигали красивые теории о том, что в угловых квартирах происходит активизация экстрасенсорных восприятий, есть какие-то энергетические линии... Звучало это все интересно, но я «генами чувствовал», что мой прадед был гениальным человеком вне зависимости от места жительства. А потом обнаружилось, что просто угловые квартиры сдавались дешевле: из-за двух внешних стен их было труднее отапливать. Никакой мистики.

– И многое вы «генами чувствуете»? – Достоеведы еще часто спрашивают у меня, является ли Достоевский

мне во сне. Такое редко, но случается. В тех случаях, когда мне надо решить какой-то жизненный вопрос, я получаю «подсказки» прадеда. Я верующий человек и четко ощущаю его наблюдение. Причем раньше мне казалось, что он наблюдает именно за моей жизнью как за жизнью своего потомка, но потом выяснилось, что и у других людей такое же ощущение: Федор Михайлович за ними смотрит. Просто он переживает за весь русский народ, будучи там, наверху. Ведь он писал, что человека надо «образить», чтобы образ Бога в нем появился. Неслучайно, кстати, мне многие священники признавались, что именно через Достоевского они открывали себе дорогу в церковь. Не только православные, но и католики!

– Сейчас очень любят говорить о пагубной страсти Достоевского к азартным играм. Это ведь не миф?

– Вы знаете, это очень сложная материя. Он ведь играл не для удовольствия. У него была идея фикс, что однажды он выиграет необходимую сумму, чтобы отдать сразу все долги и чувствовать себя свободным. Хотя и сознавал, что этим заниматься нельзя, и ощущал свой колоссальный грех. Причем при открытии казино, когда он еще не попадал под действие азарта, он скрупулезно все записывал, действовал расчетливо и, как правило, выигрывал. Но потом чувства его захлестывали, и он не мог справиться со своим азартом. А домой приходил с чувством глубокого опустошения, еще раз убеждаясь, что зарабатывать на жизнь он должен только писательством. И всегда за его проигрышами следовал период плодотворной работы. Анна Григорьевна это заметила и даже иногда (как сама писала, «из практических соображений») специально посылала его «сыграть»! Но у Достоевского ведь хватило сил порвать с игрой навсегда. Его жена писала, что когда брат Андрей, поселившись в Петербурге, приходил с семьей к ним в гости и после чая они садились играть в дурачка «на копейку», то Федор Михайлович брал стул и мрачно садился в углу, не прикасаясь к картам.

– А вы тоже азартный человек?

– Мне однажды пришлось играть в Баден-Бадене, в том же казино, что и прадед. Снимали фильм «Через сто

лет по следам Достоевского» с моим участием, и директор казино пригласил меня после съемок поиграть. Случилась мистическая история: мне ночью не спалось, у нашего режиссера я взял почитать «Игрока» и открыл на той странице, где описана как раз система игры. Я взял бумажку и переписал. А потом с помощью этой «шпаргалки» выиграл неплохую сумму! Так что слухи о том, что у Достоевского была своя система игры, в моем случае подтвердились. Хотя сам он из-за азартности натуры следовать ей, видимо, не мог.

– Ваша жизнь достойна отдельного романа Федора Михайловича. Это правда, что в вашей трудовой книжке записано более 20 разных профессий?

– Если быть точным, то 21 специальность! Я выучивался на какую-то специальность, получал высший разряд и хотел заниматься чем-то другим. Неудивительно, что работодатели, видя мою трудовую книжку, внимательно заглядывали мне в глаза: а не пьяница ли я? В советское время таких, как я, называли «летунами» и не приветствовали. Но глаза у меня были ясные, умные, и алкоголиком я не был. Из-за большого количества профессий у меня в подкорке появилась мысль, что я никогда не пропаду. Так и вышло: в страшный 91-й год я занимался ремонтом электронной аппаратуры, но наша контора развалилась. Я поехал в Германию на открытие Общества Достоевского, а потом там остался на заработки, нашел работу (так как неплохо знал немецкий, а ремонт электроники и там был востребован) и получал 80 марок в день. Это немало, поэтому я без конца слал посылки родным в Петербург. А на заработанное смог купить первый свой автомобиль! Еще я работал алмазчиком – наносил алмазные грани на хрустальные вазы на заводе художественного стекла. Может быть, у кого-то в буфете до сих пор стоят мои работы – они обычно шли «высшим сортом». Тут тоже не обошлось без генов – ведь художественный талант был еще у Федора Михайловича, он чудесно рисовал на полях своих рукописей.

– Одно время по городу ходил слух, что правнук Достоевского работает вагоновожатым.

– Действительно, трамваю я отдал восемь лет – это одна из самых любимых моих специальностей. В моей трамвайной книжке было написано: «Знает все маршруты парка». Хотя в первый год, я считаю, Федор Михайлович надо мной подшутил: я ездил по так называемому комсомольско-молодежному маршруту №34, который ныне не существует, по всем местам Достоевского. Мимо его дома, мимо Петропавловской крепости, где он сидел. Работа при кажущейся монотонности очень увлекательная – я из своей кабины наблюдал за жизнью города. Знакомые окна, квартиры. Где-то ребенок родился, здесь люстру поменяли, тут шкаф появился. Жил я напротив трамвайного парка, поэтому даже мой 5-летний Лешка играл «в трамвай»: ставил на подоконник мясорубку, крутил ручку, на стулья сажал бабушек-«пассажирок» и объявлял остановки.

– А почему же вы ушли из трамвайного парка?

– Я бы не ушел, но случился неприятный случай: у моего трамвая отказали тормоза. И я летел как снаряд, набитый людьми. Тогда все закончилось удачно, но ощущение, что это может повториться, мешало мне работать дальше.

– От вас часто слышишь: «Федор Михайлович помог». Вы так шутите или на самом деле предок помогает?

– Один раз Федор Михайлович спас мне жизнь. В Год Достоевского – в 1981 году – у меня обнаружили рак. Меня оперировали, я лежал в онкологической больнице. Вокруг умирали люди. Я убежал домой к молодой жене, не доиграв в шахматы с человеком, а когда возвращался, то оказывалось, что моего соперника уже нет в живых. Потом, когда я читал «Раковый корпус» Солженицына, все это было мне знакомо. Я вывел тогда главную формулу выживания: человек должен быть деятелем! Если человек сдавался, то он умирал очень быстро. Я тогда очень зауживал женщин: бежишь через их отделение к телефону-автомату, чтобы позвонить домой, а у них в палатах все вяжут, вышивают... А в мужских палатах сплошное уныние. У меня было важное занятие – я «курировал» шестерых мальчишек, облуживал

именно Достоевский в этом романе показал, из какого материала вырастает террорист. Сейчас, когда мир тонет в терроризме, эта книга необходима прежде всего молодежи.

Но, кстати, не только японцы чтят Достоевского. Интересная сценка была в Неаполе год назад на международной конференции по Достоевскому. Организаторы стали объявлять, где пройдет следующая конференция, и решили, что опять где-то в Западной Европе. Тут на подиум выскочил бразильский исследователь и возмутился: когда же наконец конференция пройдет в Латинской Америке?! «Мы тоже знаем Достоевского и имеем школу его изучения!» – говорил он. Чтобы не обижать латиноамериканских коллег, было решено следующую конференцию провести... на родине писателя в Москве. Против этого никто возражать не стал.

...За разговором время пролетело незаметно, пришла пора возвращаться в Петербург. А правнук Достоевского занялся прерванной нашим визитом работой: Дмитрий Андреевич мастерит кухонный гарнитур для семьи сына Алексея и его дочерей.

– На выходные Алексей приедет, будет помогать. Сейчас он дома, хотя летом работает на Валааме капитаном монастырского флота. Водит корабль, принадлежащий Валаамскому монастырю. Я всегда считал, что сын сам должен прийти к пониманию, что он – следующий потомок Достоевского и, когда я умру, будет нести эту обязанность и передавать знания о великом предке своим детям. Ни к чему его не принуждал, он просто наблюдал за моим отношением, за моими действиями. И так и вышло: однажды он вместо меня (я тогда был болен) поехал в Омск на одну из конференций. Вместо меня он летал и в Лос-Анджелес на Фестиваль Достоевского. И он выступал там очень достойно. Хотя у него свое суждение о творчестве Достоевского, он ведь человек другого поколения. А теперь вот и сына родил. Причем мы думали назвать малыша Иваном, но духовник Алексея на Валааме посоветовал имя Федор. Так и решили. Так что теперь у нас есть Федор Достоевский, и за наш род Федор Михайлович может быть спокоен. ●

ченных на подводной лодке и «спящих» в гражданскую больницу, чтобы они не портили статистику. Они иногородние, к ним никто не приезжал, они бродили по коридорам, как сомнамбулы. Я организовал свой клуб, мы собирались по вечерам в подвале больницы, слушали на магнитофоне Высоцкого, разговаривали. Причем я сначала назвал наш клуб «Метастазы», считая, что клин клином вышибают и бояться болезни не надо. Но главврач попросил «нехорошее» название убрать. Так появился наш «Клуб памяти Высоцкого». В клуб и медсестрички молодые приходили, даже знаю, что между ними и моими мальчишками пары образовались. Но я вышел раньше из больницы, не взяв телефонов, так и не знаю дальнейшей судьбы этих ребят. Они до сих пор для меня живы...

– Но чем же здесь помог Достоевский?
– Федор Михайлович организовал – другого слова и не подобрать – приезд в Ленинград господина Киноситы, известного переводчика Достоевского в Японии. Когда он узнал, что в больницу по-

пал правнук Достоевского, то пообещал сделать все, чтобы достать самое новейшее в Японии лекарство. И действительно достал! Оно меня и спасло. Я уверен, это Федор Михайлович мне помог. Когда уже позже я был в Японии, я попросил Киноситу, чтобы мы поехали в фирму, где производилось это лекарство. Я никогда больше с таким удовольствием не кланялся на их японский манер, как тогда! Очень мне хотелось их поблагодарить за мою спасенную жизнь, ведь иначе я мог бы умереть в 35 лет.

– Кстати, говорят, у японцев вообще особое отношение к Федору Михайловичу.

– Это правда. В Японии Достоевский официально принят в пантеон национальных героев. Если я приезжаю, например, в Германию с выступлением о Достоевском, то они радуются, если придет 50 человек. В Японии же на моих докладах собираются сотни людей. Я как-то выступал там на радио и был в шоке – ведущий сказал, что «Бесы» вышли недавно миллионным тиражом! Оказывается, по мнению японских ученых,

«Я ЗНАЮ, ЧТО ЛИСТЬЯ ШУРШАТ!»

**ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА**
ФОТО АНТОНА
БЕРКАСОВА

...ПО КОРИДОРУ ШКОЛЫ ИДУТ ПЕРВОКЛАССНИК С УЧИТЕЛЕМ. ТРУДНО ПОНЯТЬ, КТО ИЗ НИХ БОЛЬШЕ РАДУЕТСЯ. «ПОСЛУШАЙТЕ, КАК ОН НАУЧИЛСЯ ПРОИЗНОСИТЬ ЗВУК «С»!» – УЛЫБАЕТСЯ ПЕДАГОГ. «СССС», – С ГОТОВНОСТЬЮ ДЕМОНИСТРИРУЕТ УЧЕНИК. И ЭТО – ТОЛЬКО НАЧАЛО.

В ЭТОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ школе слово «глухонемой» воспринимают как обидное. Потому что в школе-интернате №1 для глухих детей говорить умеют все.

Детище Марии Федоровны
«Первая, первая в нашей России, первая школа глухих. Та, что была на Гороховой раньше, теперь на усадьбе Ланских», – поют дети и учителя слова своего гимна во время торжественной линейки 1 сентября. Это – не преувеличение: школа действительно появилась 205 лет

назад и была первым в России учебным заведением для глухих детей. – Датой основания считается 15 декабря 1806 года, – рассказывает директор школы Наталья Крутицкая. – В этот день в Павловске на средства императора Павла I и императрицы Марии Федоровны было открыто первое Опытное училище

Императрица Мария Федоровна и не предполагала, что ее милосердное начинание даст начало российской сурдопедагогике

глухонемых в России. До этого глухонемыми никто не занимался – их не учили говорить, не давали им никакой профессии, они жили в своих семьях на правах убогих или работников. Началось все с того, что Мария Федоровна, прогуливаясь в парке, встретила глухонемого мальчика, который оказался племянником одной из ее фрейлин. Сострадавшая императрица предложила поспособствовать его судьбе – отправить учиться в Германию или Францию, где тогда уже существовали подобные заведения. Но фрейлина не захотела разлучаться с племян-

ником. Тогда было решено создать школу в России.

Сначала в училище было всего семь учеников. Это были дети обеспеченных родителей. Подбором персонала Мария Федоровна занималась сама – учителей выписывали из-за границы, потому что в России никто не имел представления, как общаться с глухонемыми. Первым директором школы был французский педагог по фамилии Жоффре, выпитый из Парижского института глухонемых. Детей обучали русскому и французскому языкам, Закону Божьему, истории, арифметике. Все

уроки преподавались мимически и письменно.

– Потом учеников стало больше, в училище попадали дети различных сословий, – рассказывает Наталья Крутицкая. – В школе ввели трудовое обучение, дети из богатых семей обучались каллиграфии и живописи, остальные – столярному, токарному и переплетному делу. Девочек же учили рукоделию, шитью и стирке тонкого белья.

Два века – срок для любой школы не маленький. Немудрено, что здесь есть свой музей, а нынешние ученики знают все основные вехи на пути развития своей альма-матер.

– Дело еще и в том, что школа стала колыбелью российской сурдопедагогике, – объясняет директор. – У нас в музее есть рукописные учебники, методику обучения придумывали сами учителя. Студенты Смольного института приходили сюда на практику, жили вместе с учениками, обучались у них жестовой речи.

Директор-ключник и Россия без бороды

Кстати, эта традиция существует до сих пор – все учителя в школе владеют жестовой речью, то есть «родным языком» своих учеников. Иначе невозможно, ведь учитель всегда должен быть в курсе, о чем говорят дети между собой.

– Иногда я иду по коридору и вижу: ученики подтягиваются, показывая друг другу жест – сложенными указательным и средним пальцами по боку, – объясняет Наталья Крутицкая. – Это они оповещают друг друга, что идет директор. Кстати, жест чисто российский, сложившийся исторически. Ведь в дореволюционных школах директор был в первую очередь ключником и хозяйственным. Вот жест и показывает ключи, висящие у него на боку. А вот в Англии слово «директор» совсем по-другому выглядит: английские ученики поднимают большой палец вверх, ведь директор – это первый человек в школе.

Вообще, история каждого жеста очень интересна. Например, слово «Россия» обозначается для несведущего человека довольно странно: надо пальцем провести по подбородку. Оказывается, это пошло еще

ШКОЛА-ИНТЕРНАТ №1

с петровских времен, когда император чуть ли не насильно брил бороды своим приближенным. А жест «учитель» тоже появился до революции: пальцами показать два ряда пуговиц на камзоле, который тогда был для учителей обязательной формой. Ни пуговиц, ни камзолов давно нет, а жест остался.

– Язык жестов – живой, он постоянно обновляется новыми понятиями, поэтому многие слова мы впервые узнаем от наших учеников, – смеется Наталья Михайловна. – Я всегда говорю учителям: не надо стесняться, если вы не понимаете своего ученика! Нет ничего хуже, чем делать вид, что все понял, и молча кивать. Лучше остановите его, переспросите, попросите объяснить. Нередко и я не понимаю, что мне хотят сказать, вместе лезем в словарь жестов. Есть и сленговые словечки... Их тоже надо знать. Часто доходит до того, что учителя на педсовете сами «перешептываются» жестами.

– Даже я, когда вызываю в чем-то провинившегося ученика к себе в кабинет, то сначала спокойно говорю вслух и артикулирую, – говорит Наталья Крутицкая. – Но если надо что-то эмоционально объяснить или отругать, то я перехожу на жесты. Хотя никогда не употребляю никаких уничижительных «выражений» в жестовом языке. Да я их и не знаю!

И в классе – хотя на уроках учитель всегда говорит вслух, четко артикулируя слова, – нередко приходится прибегать к «визуальным» эффектам. К концу занятия, когда дети устали и перестают слушать внимательно и, отвлекаясь, начинают потихоньку жестикулировать между собой, можно на мгновение выключить свет, тогда дети сразу устремляют взгляд на учителя: «Что случилось?» Или активно машут руками, чтобы привлечь к себе внимание.

– Учитель в обычной школе просто может повысить голос, но у нас такие меры не действуют, – улыбаются педагоги из школы №1. – Хотя можно и звуком обратить на себя внимание – например, постучать ногой по полу, тогда дети ощутят вибрацию. Вообще, у нас учитель должен быть хорошим артистом – дети ведь не слышат тембр голоса, инто-

На переменах дети шумят не меньше самых обычных школьников...

...Правда, многим услышать товарища помогает слуховой аппарат

нацию, а всю информацию воспринимают глазами. Поэтому так важна мимика лица. А парты в классе стоят подковой, а не рядами, чтобы каждый ученик мог без помех видеть учителя и своих одноклассников.

Правила выживания в большом городе

Но если учителю не так просто освоить язык жестов, то ученику научиться понимать разговорную речь и говорить самому в разы сложнее.

В классе парты стоят полукругом, чтобы губы учителя мог видеть каждый

Каждый школьник по несколько часов в неделю занимается с сурдопедагогом, который «ставит» ему все звуки.

– Очень сложно объяснить глухому, чем, например, «б» отличается от «п», ведь губы складываются и в том, и в другом случае одинаково, – говорит Наталья Крутицкая. – Один из способов – прикладывать руку ученика к горлу учителя, чтобы при звонком звуке «б» тот чувствовал вибрацию, которой нет при глухом «п». А как трудно объяснить разницу между «л» и «ль»! Это выматывающая и долгая работа, зато как радуются оба – и ученик, и учитель, – когда какой-то из звуков наконец-то «покорен»!

Каждому малышу, «победившему» тот или иной звук, прикрепляют к парте значок с буквой – чтобы учитель знал, какой звук с него уже можно спрашивать. К средним классам дети осваивают всю азбуку, теперь их задача – произносить слова и фразы четко и внятно, выстраивать правильное дыхание.

– Правда, с непривычки слышащие люди не всегда понимают иногда сбивчивую речь глухих, – говорят педагоги. – Поэтому мы всегда со-

ветуем своим ученикам в городе носить с собой блокнот и ручку – если тебе что-то надо спросить, а прохожие не понимают, то всегда можно написать. Вообще, есть несколько правил «выживания» неслышащих в большом городе, которые мы обязательно проходим на уроках ОБЖ. Например, вести себя так же, как повели себя слышащие, даже если не совсем понятно, что они делают. В метро вдруг остановился вагон и все пошло в определенном направлении – надо идти за ними, значит, люди получили указания по звуковой связи. Самую большую опасность для глухих представляет оживленное дорожное движение. Ведь дети не услышат звук приближающегося автомобиля, визг тормозов, гудки – все те звуки, которые заставляют обычного ребенка резко остановиться.

– У нас все дети знают правила дорожного движения, – говорят учителя. – Но этого недостаточно. Особенно сейчас, когда у каждого появился мобильный телефон. Многие утыкаются в них, набирая сообщения и забывая смотреть по сторонам... Каждый урок мы твердим, что это смертельно опасно!

Музыку слушают руками

Многие представляют себе школу для глухих миром тишины, где лишь изредка раздаются голоса слышащих учителей. Реальность же совершенно иная: не только в коридорах, но и в классах всегда очень шумно. На уроках дети часто повторяют за учителем его фразы, используя каждую минуту, чтобы потренироваться в разговорной речи. На переменах дети тоже не молчат, например один ученик с верхнего этажа кричит вслед спускающемуся по лестнице другому ученику.

– Он же знает, что на его товарище надет слуховой аппарат, поэтому громкий звук он обязательно услышит и поднимет голову, – объясняют учителя. – А потом уже можно оставшееся и жестами объяснить. Слуховые аппараты есть у большинства учеников. Большие наушники носят в начальной школе, а в стар-

Компьютерный
класс – любимое
место подростков

ших классах предпочитают маленькие незаметные гарнитуры, так как «наушники портят прическу». Детей на протяжении всех школьных лет вводят в мир звуков, которые, казалось бы, им не дано услышать.

– У нас огромная фонотека, – рассказывает Наталья Крутицкая. – Через мощные наушники на специальных уроках ученики учатся различать звуки природы – гром грозы, шелест деревьев, шум моря, пение птиц. Мы обязательно ставим им звуки большого города – сирену, звон трамвая, сигналы машин. Вы спросите, зачем все это нужно? Но ведь мир звуков очень расширяет кругозор. К примеру, у нас в парке перед школой (здание интерната расположено в бывшей усадьбе Ланских, на территории – красивый старинный парк) я вижу уче-

ника, который ногами раскидывает опавшие листья. «Я не слышу звука, но я знаю, что они шуршат», – говорит он.

Среди друзей школы есть и Музыкальное училище имени Мусоргского. Казалось бы, что может быть общего у студентов-музыкантов и неслышащих детей? Сначала их объединил общий проект – дети слушали музыку... руками.

– Мы знакомили учеников с музыкальными инструментами, ведь много звуков передается через вибрацию, – говорят учителя. – Поэтому дети прикладывали руки к звучащему пианино, аккордеону. Звуки «тяжелых» инструментов, например барабана, наши дети могут почувствовать и так. На этом наша дружба с музыкантами не завершилась. Они преподнесли нам царский подарок – профессионально исполнили и записали наш школьный гимн, который обязательно поют и дети, и учителя. Но и мы можем им в чем-то помочь: например, они теперь сдают зачет по театральному мастерству не педагогу, а нашим ученикам! Студенты должны

показать сценку с помощью мимики и пластики так, чтобы наши дети поняли, о чем идет речь. Если сценка угадана верно, то студенты получают зачет.

Песни вместе с Ваенгой

Музыка играет в жизни многих глухих школьников большую роль – куда большую, чем можно было бы предположить. Например, школьная студия «Поющие руки» известна уже не только в Петербурге. Дети действительно «поют руками» – они выбирают песни (от классических до песен Земфиры) и «переводят» их на язык жестов. Получается смесь музыки и замысловатого танца рук, который не только объясняет глухим слушателям, о чем сейчас поется в песне, но и завораживает слышащих своей плавностью и красотой. Девочки из кружка уже не раз выступали на одной сцене с Еленой Ваенгой.

– Певица заметила наших учениц и взяла их к себе в программу, – рассказывает Наталья Крутицкая. – Две-три песни девочки «переводят» на сцене красивым же-

Те звуки, что мы привыкли слышать сами, дети узнают на уроках – с помощью мощных наушников и богатой фонотеки

стовым языком. Вы не представляете, как это сложно! Ведь Ваенга поет не под фонограмму. Может вдруг сделать паузу в неожиданном месте, а девушки же этого не слышат. Поэтому они внимательно следят за своим координатором в зрительном зале, которая прислушивается к словам песни и дирижирует. Когда у певицы был концерт в Кремлевском дворце и на сцену вышли наши девочки, в зале случайно оказалась одна сурдопедагог. Увидев номер с жестовым пением, она чуть не прослезилась: «Вы не представляете, как много это значит – глухие выступают в Кремле!»

«Никаких мыслей об инвалидности!»

Многие европейские сурдопедагоги не до конца понимают, почему в России так стремятся связать мир слышащих и мир глухих. В Европе даже не стараются научить неслышащих детей говорить, а на уроках слова обычного педагога переводит на язык жестов специальный переводчик.

– Там очень сильно развита социальная защита, – говорит Наталья Крутицкая. – У нас же уметь говорить и понимать – необходимость, если ты не хочешь оказаться на обочине жизни с мизерной пенсией. Мы всегда убеждаем наших детей, что они не

инвалиды, как они иногда, прибедняясь, себя называют. Мы сразу их одергиваем: «Вы же здоровые, красивые люди, перед вами открыты все пути!» И обязательно приглашаем в школу тех неслышащих (многие из них, кстати, наши выпускники), которые добились в жизни успеха. Так, недавно приходил чемпион Сурдоолимпийских игр, рассказывал о своих спортивных достижениях. Да и среди наших учеников есть уникалы: к примеру, шестиклассница Валя Апевалова, которая уже стала кандидатом в мастера спорта по художественной гимнастике, занимается вместе с обычными детьми. Хотя на каждой тренировке с девочкой работает и ее мама – ведь Валя не слышит музыки, такт ее мама отсчитывает на пальцах. Когда Валя выступает со своими номерами на наших школьных праздниках, то даже старшеклассники рот от удивления открывают. Зато мысли о собственной «инвалидности» сразу отпадают!

В школе-интернате №1 точно так же ходят в театры (хотя сопровождающему учителю приходится переводить на язык жестов все диалоги героев), в музеи на экскурсии (особенно в Русский музей, где много портретов основательницы школы, императрицы Марии Федоровны). – Мы не хотим, чтобы наши дети замыкались в своем собственном мирке, – говорят учителя. – Многие взрослые глухие живут замкнуто, встав раз и навсегда в позу обиженного: мол, слышащие нами не интересуются, ну и нам этого не надо. Но встать в такую позу проще всего, сложнее самим сделать первый шаг навстречу – шаг в мир слышащих. Мы постоянно помогаем нашим детям делать эти шаги, создавая эффект «кругов на воде». Вот спели наши ученики с хором Аничкова дворца – и дети из хора узнают о том, что существует жестовое пение, расскажут об этом в своих школах... Увидел кто-то концерт Ваенги и посмотрел на глухих не как на обиженных природой, а совсем по-другому – с уважением и восхищением. Последние годы общество в принципе стало добрее относиться к тем, кто отличается от обычных людей. Мы стараемся сделать все возможное, чтобы эта тенденция укреплялась и глухие и слышащие «услышали» друг друга. ■

ВАЛЕНТИНА
ЕРЕМЕЕВА

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ПОМОРЫ – люди суровые, упрямые, сильные и сметливые. А зажиточный крестьянин Василий Дорофеевич Ломоносов еще и оригиналом славился: первым в крае построил и оснастил на европейский манер двухмачтовое судно «Святой архангел Михаил», на котором и ходил по Двине и Белому морю. Местные «галиот» сей прозвали «Чайкой». Неплохой, видно, кораблик получился...

Когда единственному сыну Михаилу исполнилось 10 лет, Василий Дорофеевич начал брать его с собой в море. Да и к закупкам соли для своих промыслов мальчика охотно привлекал: считает и читает хорошо, пишет быстро. Что правда, то правда: первые учителя Михаила – сосед Иван Шубной и приходской дьячок Сабельников – надвигаться на способности юного Ломоносова не могли. Сначала обучение шло на псалмах да житиях святых. А потом Михаил углядел в доме соседей Дудиных «Грамматику» Мелетия Смотрицкого и «Арифметику» Леонтия Магницкого и не отставал от Дудиных до тех пор, пока те ему их не отдали. Книжки эти Ломоносов вызубрил наизусть и не раз вспоминал с благодарностью, называя их «воротами своей учености».

ГЕНИЙ

ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД
В ПОМОРСКОЙ ДЕРЕВНЕ
НА КУРОСТРОВЕ,
ОМЫВАЕМОМ ХОЛОДНЫМИ
ВОДАМИ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ,
РОДИЛСЯ ЧЕЛОВЕК,
СТАВШИЙ ДЛЯ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ ТЕМ ЖЕ, ЧЕМ
ЛЕОНАРДО И ГАЛИЛЕЙ
БЫЛИ ДЛЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ
ИЛИ КЕПЛЕР И ЛЕЙБНИЦ –
ДЛЯ НЕМЕЦКОЙ.

«ПОЧЕМУ ЛОМОНОСОВ
ТАК ВЕЛИКОЛЕПЕН?
СОЗНАВАЛ СВОЮ
СИЛУ, «ЧУЯЛ СИЛУШКУ
В ЖИЛАХ». ОН БЫЛ
ПОЛОН САМООЩУЩЕНИЯ
ГЕНИЯ», – ПИСАЛ О НЕМ
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФИЛОСОФ
И ПУБЛИЦИСТ ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ РОЗАНОВ.

PHOTOKPRESS

В поисках знаний

«...Имеючи отца, хотя по натуре доброго человека, но в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами: для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных местах и терпеть стужу и голод», – вспоминал Ломоносов. На Ирине Семеновне, своей третьей супруге, Василий Дорофеевич женился в 1724 году. Мачеха (родная мать Михаила умерла, когда ему исполнилось 9 лет) сразу невзлюбила пасынка, настраивала отца против

сына, который мечтал не об уловах и урожаях, а о знаниях и книгах. Эта жажда заставляла его искать новых учителей и новые источники мудрости. Он даже примкнул на какое-то время к беспоповцам (при общинах старообрядцев в те времена нередко создавались школы, в которых преподавались грамматика и риторика), но довольно быстро понял, что это не то, что ему нужно.

Неизвестно, как долго Ломоносов вынашивал планы уйти в Москву, зато известно, что стало толчком к побегу. Отец задумал женить 19-летнего сына, а Михаил понимал, что если это случится, то придется ему навеки распрощаться со своими

мечтами об образовании. А тут случилась оказия: из Холмогор в столицу как раз отправлялся обоз с мороженой рыбой. Дождавшись, когда все в доме заснул, надев две рубахи и нагольный тулуп, Ломоносов рванул вслед за обозом. Догнал лишь на третий день, отмахав около 70 верст! Через три недели он был уже в Москве. А в январе 1731 года 19-летний переросток, выдав себя за дворянского сына, появился в московской Славяно-греко-латинской академии, располагавшейся в Заиконоспаском монастыре. Здесь в первых четырех классах ученики осваивали чтение и письмо по-старославянски и по-латыни, а также географию,

арифметику, историю и катехизис. В следующих двух классах изучались приемы стихосложения и красноречия, а в двух последних – философия и богословие. У большинства на полный курс академии уходило не менее десяти лет. Ломоносов прошел его за пять. Ни насмешки, ни скудная стипендия – десять рублей в год, – ни соблазны, окружавшие молодого помора в столице, не смогли перебить его тяги к знаниям: он постоянно входил в тройку лучших учеников. В 1734 году руководство Славяно-греко-латинской академии направляет Ломоносова на год в Киево-Могилянский коллегиум, славившийся своими преподавателями

и библиотекой, совершенствоваться в философии, физике и математике. Именно в Киеве любознательный студент увлекся изучением древних русских летописей, стал работать над теорией поэзии и ораторского искусства. Там же он был поражен «киевской мусией» – чудесными мозаиками Софии Киевской, которые в будущем подтолкнули его к поискам рецептов производства цветных стекол...

В начале 1735 года только что вступивший в должность президент Петербургской Академии наук Иоганн Альбрехт фон Корф провел через Сенат проект организации при академии «семинарии» для одаренных мо-

М.В. ЛОМОНОСОВ

лодых дворян. Несмотря на то, что к тому времени уже выяснилось, что Ломоносов не дворянского, а простого крестьянского рода, руководство Славяно-греко-латинской академии за дарования и прилежание включили помора в число тех, кого направили для продолжения обучения в Петербург – в Академию наук. А уже через год петербургские академики отправляют группу студентов, в том числе и Михаила Ломоносова, в Германию – совершенствоваться в математике, физике, философии, химии и металлургии. После трехнедельного путешествия русские студенты прибыли в Марбургский университет. Здесь началась совсем другая жизнь! Жалованье в сорок раз больше московского, а наук разных, а профессоров авторитетных – учись не хочу. Вот что писал Ломоносов в Петербургскую Академию, рапортуя о своих занятиях в Марбурге на втором году учебы: с 9 до 10 утра – экспериментальная физика, с 10 до 11 – рисование, с 11 до 12 – теоретическая физика, с 12 до 15 – перерыв, с 15 до 16 – метафизика, с 16 до 17 – логика. Сверх того Михаил изучал французский, брал уроки фехтования и танцев и как всегда очень много читал. Изучал «Основы химии» голландца Германа Бургава и труды англичанина Роберта Бойля. Потом Ломоносов напишет, что именно тогда им овладело страстное желание исследовать мельчайшие частички вещества посредством физики, химии и математики.

Марбургский профессор Христиан Вольф был в восторге от своего талантливой ученика из России, поощрял его самостоятельные опыты в лаборатории и отослал в Петербург самый лестный отзыв о Ломоносове, упомянув лишь один недостаток – пристрастие к разгульной жизни. Но тут уж ничего не поделаешь, толпы студентов бесчинствовали на улицах Марбурга, напивались, дрались, приставали к девушкам – таковы были традиции, а Ломоносов и тут выделялся из общей массы буйным нравом и физической силой. После трех лет учебы в Марбурге Ломоносов направляется во Фрайбург изучать химию, металлургию и горное дело. Здесь он пытается ставить самостоятельные опыты в химической

лаборатории, но профессор Иоганн Генкель насмехается над ним, и Михаил самовольно покидает Фрайбург. Более года он скитается по Европе, а в 1741 году возвращается в Россию.

Уникум

Талант ученого может проявляться по-разному: кто-то изо дня в день, ставя опыты и делая вычисления, сосредоточенно преследует одну загадку природы и хочет одного – чтобы не мешали, не отвлекали. А для кого-то, напротив, наука – ветвящееся древо задач, которые надо раздать ученикам и последователям, вырастить научную школу. Ломоносов – единственный в своем роде – мог и то, и другое, и третье, и много чего еще.

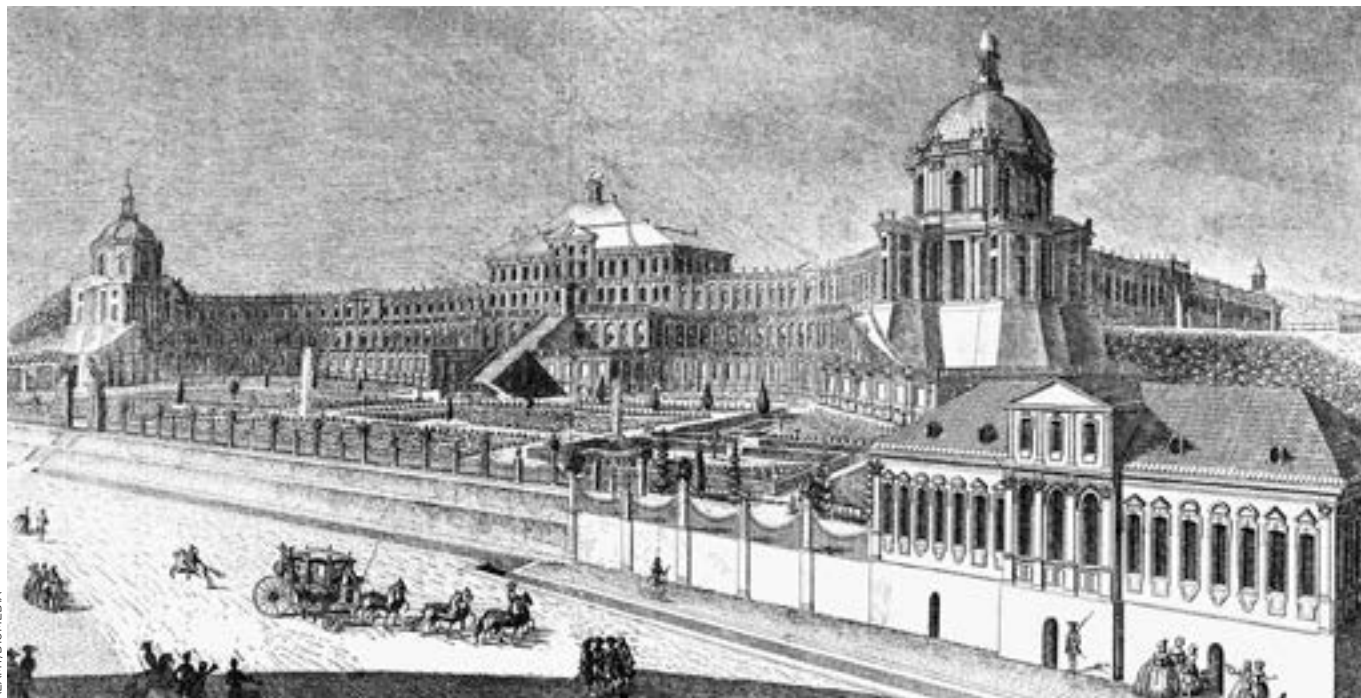
В России Ломоносов получает сначала должность адъюнкта, а в 1745 году становится профессором Петербургской Академии наук, занимается исследованиями в области физики и химии, преподает, добивается разрешения читать публичные лекции на русском языке, организует, а луч-

ше сказать, «пробивает» химическую лабораторию при академии.

История создания химической лаборатории поучительна и характерна не только для тогдашней, но и для нынешней России. Первое предложение об организации лаборатории ученый подал в 1742 году. Он писал, что при всех европейских академиях такие лаборатории есть, в них можно «упражняться как в химической практике, так и в теории, с присовокуплением физики и натуральной минеральной истории». А главное – учить студентов, давать им практические навыки. Ответа из академической Канцелярии не последовало. Через полгода Ломоносов вновь обращается в академию по тому же поводу. И опять – тишина. Проходит еще два года, и ученый подает в академию очередное предложение о создании химической лаборатории, но и этот проект лег под сукно. Только 1 июля 1746 года был подписан указ императрицы о построении химической лаборатории. Однако и после этого дело

ИТАР-ТАСС

ALAMY/DIONEDIA

не сдвинулось. Лишь в августе 1748 года был заложен первый камень здания химической лаборатории по проекту Ломоносова, строительство завершилось к 12 октября 1748 года. В новой лаборатории Ломоносов и его ученики занимались проблемами химии, металлургии, геологии, разрабатывали новые составы стекла и фарфора. Если у вас есть посуда кузнецовского фарфора, то, значит, и в вашем буфете хранится частичка наследия великого ученого.

Много времени уделяя преподаванию и прикладным вопросам, Ломоносов не оставлял размышлений о мельчайших частицах вещества. Что, если именно вращения и колебания этих частиц ответственны за температуру тела? Общепринятая теория гласила: существует теплород – невесомая материя, приток которой вызывает нагревание, а убыль, наоборот, охлаждение тел. Подобная же теория – существования особой электрической материи – объясняла все наблюдаемые электрические явления. Ломоносов был первым, кто не соглашался с теориями теплорода и электрической материи, предположив, что внутри всех тел происходят разнообразные движения разнообразных мельчайших частичек. Чем быстрее движутся частички – тем температура выше, замедляются – тело остыва-

ет. Механическая теория теплоты Ломоносова не только избавляла ученых от неуловимого теплорода, она подтолкнула физиков к развитию молекулярно-кинетической теории, которая была впоследствии и экспериментально, и теоретически проработана и приобрела законченный вид к середине XIX века. Так что великий провидец торжества своих идей не увидел.

Еще тяжелее было изгнать из физики «электрическую материю», эксперименты с электричеством были небезопасны. Во время одной из попыток оценить «электрическую силу» грозового разряда погиб профессор Георг Вильгельм Рихман – соратник и друг Ломоносова. И сразу же посыпались требования прекратить «кошунственные» опыты Ломоносова и Рихмана. Михаилу Васильевичу и тут пришлось воевать, доказывать, что прекратить изучение электричества – значит нанести ущерб славе и престижу России.

Продолжая поиски более безопасных методов измерения «электрической громовой силы», Ломоносов придумал что-то вроде автоматического регистратора величины грозового разряда. Дальнейшие эксперименты привели его к мысли о применении громоотводов – металлических вертикальных кон-

струкций: «Такие стрелы на местах, от обращения человеческого по мере удаленных, ставить за небесное дело почитаю, дабы удаляющая молния больше на них, нежели на головах человеческих и на храминах, силы свои изнуряла».

В долгом противостоянии с академической Канцелярией стало очевидно, что руководство академии, состоящее в основном из иностранцев, о развитии высшего образования в России не радует. Тогда как у Михаила Васильевича душа болела о том, что «природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых». А кто будет осваивать богатства необъятной Сибири? Позиция Ломоносова была категорична: учить надо способных детей всех сословий и, как бы ни сопротивлялись академики-иностранцы, учить именно на русском языке. О роли Ломоносова в развитии и продвижении русского языка надо говорить отдельно.

На своем языке

Дискуссии на тему «физики – лирики» теряют всякий смысл перед многогранными талантами Ломоносова. Еще в Марбурге он начал писать стихи. Ода «На взятие Хотина» была замечена императрицей. Но Ломо-

носов – не тот человек, чтобы тихо радоваться, найдя удачную рифму и получив высочайшее одобрение. Он видит в русском языке объект научного анализа. Теория литературы, правила стихосложения, литературные стили, связь церковно-славянского и разговорного русского языка – этой сферой исследований Ломоносов увлечен не меньше, чем физикой. Он пишет: «Я не могу довольнo о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным в себе купно природную и соответственную версификацию иметь может».

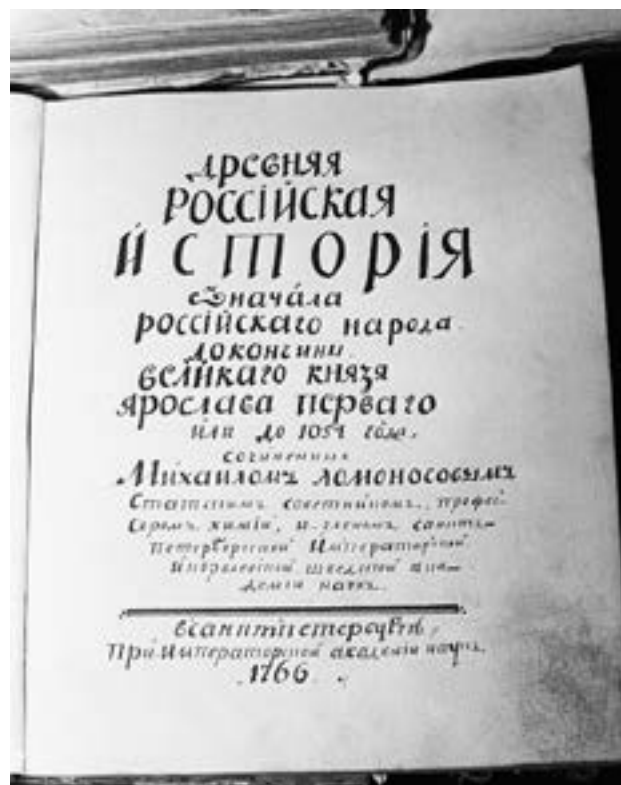
В 1755 году Ломоносов издает «Российскую грамматику», в посвящении книги великому князю Павлу Петровичу он пишет слова, которые войдут потом во все хрестоматии по русской литературе и учебники русского языка, слова, которые многие поколения школьников будут учить наизусть. «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелями, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того крепость и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова верой и правдой служила нашим школярам целое столетие. Кроме того, им были написаны: «Письмо о правилах российского стихотворства», статья «О качествах стихотворца рассуждение», «Краткое руководство к красноречию» и множество других научных работ и стихотворений – блестящих образцов стройной и внятной русской речи.

Императрица Елизавета Петровна благоволила Ломоносову, чувствовала в нем дух такого же великого реформатора, каким был ее отец, и очень хотела, чтобы Михаил Васильевич занялся еще и историей. Ломоносову и самому было интересно, и, несмотря на немыслимую загруженность, он принимается за «Краткий

российский летописец с родословием» (1760 год), затем за «Древнюю Российскую историю от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года», которая будет опубликована в 1766 году, уже после кончины автора. Попутно он пишет ряд работ об оздоровлении народа и улучшении экономики: «О размножении и сохранении российского народа», «О истреблении праздности у российского народа», «О исправлении нравов и о большем народа просвещении», «О исправлении земледелия», «О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств», «О лучших пользах купечества», «О лучшей государственной экономии» и т.д.

В 1758 году Ломоносова назначают начальником Географического департамента при академии. Он пишет работу «Испытание причины северного сияния и других подобных явлений», составляет «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Северный морской путь, задуманный Ломоносовым, уже много лет служит народному хозяйству России. Мечта осуществилась.

ИТАР-ТАСС

Опережая свое время, Ломоносов пишет «Слово о рождении металлов от трясения земли» (1757 год), объясняет различные геологические и географические явления постоянным изменением состояния земной коры. Он пытался связать существующий в настоящее время земной рельеф с происходившими ранее подвижками земных слоев, землетрясениями и извержениями, выдвигал собственные гипотезы о происхождении вулканов и возникновении рудных жил.

Что там Земля! Ломоносов своим неутомимым разумом пытается проникнуть в глубины Вселенной: «...открылась бездна, звезд полна; звездам числа нет, бездне дна». В мае 1761 года, наблюдая прохождение Венеры по солнечному диску, впервые в истории астрономии он приходит к выводу, что у Венеры есть атмосфера. Впоследствии астрономы, вооружившись более точными приборами, подтвердили эту догадку.

Просвещать народ

Как глава Географического департамента, Ломоносов прежде всего был озабочен подготовкой квалифицированных специалистов для

судоходства и разрабатывал проект международной Мореплавательной академии.

Как советник академической Канцелярии, он боролся за широкий охват образованием всего населения страны, за пополнение Академии наук русскими научными кадрами. Ломоносов видел, что население России почти поголовно неграмотно, живет в дикости и надо выстраивать систему народного образования. Только повсеместным распространением культуры и просвещения можно улучшить положение народа. Для этого надо открывать школы и гимназии по всей стране, привлекать к обучению трудолюбивых и сообразительных детей, независимо от сословной принадлежности: «...к наилучшему прохождению школьных наук приобщаются чаще всего мальчики из простонародья, более же знатные чуждаются этих знаний». Разумеется, преподавание в системе народного образования должно вестись на русском языке. Но учебников на русском языке в России практически не было, и Ломоносов сам пишет учебные пособия по геологии и риторике, переводит с латинского учебник физики.

Важнейшей частью просветительской работы Михаил Васильевич считал популяризацию науки. Блестящий оратор, он как никто мог увлечь аудиторию, в своих публичных лекциях рассказывал о последних достижениях естествознания, демонстрировал опыты, старался раскрыть самую суть научной методологии познания: «...из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения – есть лучший всех способ к изысканию правды».

Ломоносов выдвигает «Проект переустройства Академии наук», в котором предлагается выделять и поощрять талантливых школьников и студентов, чтобы особо одаренные подростки могли учиться в гимназиях, а потом и в университетах за казенный счет. Он полагает, что одного на всю страну Петербургского университета, основанного в 1724 году, явно недостаточно. Надо развивать дальше российское высшее образование, надо открывать университет в Москве. Проект по предложению Ломоносова был представлен императрице Елизавете Петровне, и указ об основании Московского университета был подписан. В соответствии с планом Ломоносова в Московском университете было

три факультета: философский, юридический и медицинский. Профессора должны были читать лекции не только на латыни, как это было принято тогда, но и на русском языке.

Торжественное открытие Московского университета состоялось 7 мая 1755 года. Ко дню открытия университета теперь приурочена ежегодная конференция «Ломоносовские чтения» – смотр научных достижений студентов, аспирантов, преподавателей.

Никогда не пугало и не останавливало Михаила Васильевича то, что приходится делать сразу десятки дел: читать лекции, писать научные трактаты, ставить опыты по физике и химии, хлопотать о пенсии семье несчастного профессора Рихмана, погибшего от грозового разряда, участвовать в закладке фарфорового завода, выступать публично и «сочинять разные стихи и проекты».

И все-таки пришло время, когда его могучий организм начал сдавать. Все реже раздавался в стенах академии громкий голос, в его бумагах появилась такая запись: «Я не тужу о смерти: пожил, потерпел, и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют».

Михаил Васильевич Ломоносов скончался 15 апреля 1765 года в возрасте 54 лет. Он похоронен в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры.

В Москве, в университетском сквере на Воробьевых горах, точно посередине между физическим и химическим факультетами, стоит памятник основателю МГУ Михаилу Васильевичу Ломоносову. У подножия памятника кипит студенческая жизнь: листают книги, iPod'ы, переписывают конспекты, объясняются в любви. Нынешние студенты шпагами не размахивают, они совсем не буйны, а по марбургским меркам так и во все благопристойны. К тому же половина из них – девушки.

Сегодня в Московском университете уже не три, а 39 факультетов, 40 тысяч студентов, фонд научной библиотеки – 9 миллионов томов, собственное издательство и типография, школа-интернат, в которую приезжают учиться талантливые ребята со всей России.

Думается, Михаил Васильевич взирал на свое детище с удовольствием. И с гордостью. ■

УПАДОЧНЫЙ РЕНЕССАНС

АННА
ГАМАЛОВА

ЗОЛОТО – СОЛНЕЧНОЕ,
СЕРЕБРО – ЛУННОЕ. ЗОЛОТО –
БОГАТСТВО, СЕРЕБРО –
ИЗЫСКАННОСТЬ. СЕРЕБРЯНЫЙ
ВЕК В РОССИИ ОКАЗАЛСЯ
БОГАЧЕ ЗОЛОТОГО: ЗОЛОТОЙ –
ЧУТЬ ЛИ НЕ ЕДИНОЛИЧНО
ПУШКИНСКИЙ, СЕРЕБРЯНЫЙ –
ВСЕОХВАТНЫЙ.

С КАЖДЫМ ГОДОМ ОН ВСЕ ГЛУБЖЕ ПОГРУЖАЕТСЯ В ИСТОРИЮ – вот уже за вековой рубеж перевалили 1910-й, год смерти Толстого, и 1911-й, убийство Столыпина, Амундсен на Южном полюсе, дело Бейлиса... Большое видится на расстоянии: с вековой дистанции становится заметен колоссальный масштаб явления, которое мы обозначаем как «предреволюционные годы» в истории – и как Серебряный век в литературе.

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Время, вперед

Откуда вдруг взялся такой неожиданный расцвет искусства и поэзии в России, по-прежнему наглухо застегнутой на все пуговицы, скованной форменным мундиром? Почему в Европе модернизм связывают с концом века, *fin de siècle*, а в России – с «началом века», можно даже не говорить какого: наш как-то не воспринимается в этой роли. Вроде бы мы и конец тысячелетия застали, и начало нового – а расцвета почему-то нет как нет. Может быть, стоим слишком близко, а через столет все станет заметнее?

Серебряный век – не только поэзия и проза – целая полоса общественной жизни. Современники считали ее упадком, декадансом, разложением; самым пронизательным, однако, и тогда было ясно, что это не увядание, а цветение, не упадок, а «ренессанс», по выражению Николая Бердяева.

Нет, конечно, XIX век тщательно позаботился об этом расцвете.

XIX был веком здравых суждений, общественной пользы и практичности: он опутал весь мир цепью железных дорог, связал регулярными паровозными маршрутами, отменил рабство, продлил жизнь, придумал антисептики, ввел санитарию и гигиену – и резко увеличил население Земли. Планета из огромной пешеходной стала компактной, страны оказались ближе друг к другу, люди – понятней, национальные культуры – прозрачней, новости – быстрее. XIX век с его телеграфом, фотоаппаратом, кинематографом, промышленной революцией основал современную городскую цивилизацию и впервые вывел на историческую арену человеческие массы. Впервые появился не узкоаристократический, а довольно крупный слой грамотных людей, возросли тиражи, появилась читательская аудитория, с которой стало возможно взаимодействовать. Размножились газеты и журналы; выставки, публичные

лекции и кинозалы стали привлекать толпы народа. Появилась та самая почва, на которой только и возможен расцвет искусства и словесности. Они и кинулись в рост, как пальма *Attalea Principes* в знаменитой притче Гаршина – безумного предшественника наступающих времен.

XIX век, вырвавший монополию на творчество из рук аристократии, наследующий Просвещению с его идеалами, озабоченный утилитарными целями, заменивший Бога наукой и надрывно призывающий к социальным реформам, к концу своему стал уж совсем непоэтичен – только стон Надсона и тоска Случевского звучали пронзительной нотой в торжественном, машинном, маршевом шествии промышленного века. XX век не хотел говорить о богатстве и бедности, социальной справедливости и несправедливости – его интересовали понятия более фундаментальные: жизнь и смерть, красота

и уродство, любовь и ненависть. Даже суровая реалистическая проза стала у Бунина экзистенциальной, а у Андреева – и реалистической перестала быть, перешагнув грань между реальным и символическим. XX век в своем начале устремлялся не к земному, а к вечному – и требовал поэзии о самой сути жизни. Нам кажется сейчас, что вся поэзия, вся литература в Серебряном веке была такая – модернистская, поднятая над земным или поднимающая земное до трансцендентного. А это был самый краешек, острие времени, вершина айсберга – штучное, экспериментальное, сверхновое искусство. А снизу плыл огромный массив позитивистской, привычной культуры уходящего века – с уныло-гражданской лирикой и народническими повестями из жизни крестьянства. И с точки зрения этой приземленной культуры все происходящее на острие было чудь и блажь, дикость и вырождение – декаданс, одним словом.

Земное и небесное

Старая Европа в самом деле переживала кризис. Стало понятно, что начинается новый, непривычный мир с другими порядками и законами, совсем непохожий на то, что было раньше. Древняя, устоявшаяся в крепких жанровых канонах, традиционная европейская культура затрещала по швам под напором новых людей, новых веяний и настроений.

А рамки оставались прежними: те же люди, тот же политический строй, те же законы, та же мораль, те же способы познания мира – хотя и они уже уперлись в пределы рационального. Затрещали и эти рамки. Граница между добром и злом, правдой и ложью, моральным и аморальным, умным и глупым стала постепенно размываться и стираться, пока не стерлась окончательно в постмодернизме, полноправном наследнике модернизма. Все эти финдесъеклевские «цветы зла» и «богодьяволы» к концу XX века логично

вылились в пресловутое «снятие бинарных оппозиций» – вплоть до размывания фундаментальных границ между жизнью и смертью или мужчиной и женщиной.

В новых условиях, при стертых границах, оказалось, что герой – не тот, что прав, а тот, что силен; не важно, что ты изображаешь, – важно как; важен не вектор чувства, не стремление к добру или злу, а только сила, последовательность, яркость этого стремления. Настало время героев-одиночек, противостоящих толпе. «Сверхчеловеки стали бродить стадами», сказал Петр Пильский в ядовитой статье о знаковом литературном явлении нового века – романе Арцыбашева «Санин», воспевающим (точнее – скучно объясняющим, как это хорошо) силу одиночек, животную жажду жизни и секса.

Дух времени и новая философия овладевали одиночками, толпами одиночек, потом массами, размывались на копейки, становились

уличной модой. Недаром модерн оказался не только самой необычной, но и самой коммерциализированной эпохой в искусстве, временем взлета бытовой культуры: соборы в нем редки, а пепельницы или сахарные щипчики с характерными изгибами очертаний – неисчислимы. Эта эпоха – первая, которая сделала предметом искусства рекламный плакат и слоган, окончательно смешав высокое с низким.

Незнакоумка

Поэты сознательно смешивали грех и святость, земное и небесное. Встреченная уличная женщина становилась Незнакомкой, загадочным образом женственности – и через пару

месяцев все уличные женщины таинственно рекомендовались незнакомками: «Я уесь Незнакоумка, хотите познакоумиться?» – цитировал Юрий Анненков девушку Ванду у ресторана «Квисисана».

Самое удивительное в людях той эпохи – готовность жить согласно принципам или их отсутствию. Жить необычно, жить сильными чувствами – этого требовал дух времени. Жизнь под серым российским небом, в привычное межсезонье три четверти года, была так насыщена хандрой и скукой, что требовала прорыва к яркому, удивительному, солнечному – и жизнетворцы рвались к иным небесам, как гаршинская пальма.

В русском интеллигентском быту появились хитоны, пеплосы и диадемы, мистерии и балы-маскарады; жизнетворцы перебирали маски, выискивая для себя подходящую. Подошедшая иной раз прирастала, а цирковой клюквенный сок («истекаю я клюквенным соком», кричит паяц у Блока) оказывался настоящей кровью, что давным-давно заметил еще Ходасевич. И золотые туфельки, и смазные сапоги были одинаково свойственны этому времени; хоть желтая кофта фата, хоть черное траурное покрывало – все это были составные части образа, в котором жизнетворцы пребывали день и ночь. Демоническая женщина Нина Петровская, к примеру, но

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

сила черное платье, черные четки и черный крест; загадочная Черубина де Габриа послала в журнал стихи на бумаге с траурной каймой, переложенной сухими цветами. Растиражированный подражателями, образ этот дошел до трафаретной пошлости – такова «демоническая женщина» у Тэффи: «Она носит черный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой «для цианистого калия, который ей непременно пришлют в следующий вторник», стилет за воротником, четки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке». Было бы смешно, когда бы не было так грустно: платить за свою маску, позу, литературную игру, волшеб-

ные галлюцинации приходилось жизнью. Поэтому в жизни стрелялись, травились, нюхали эфир и кокаин, кололи морфин, спивались, сходили с ума и топились в Мойке. У русского Серебряного века – целый мартиролог тех, кто не дожид до великих потрясений эпохи. Они стирали не только грань между жизнью и игрой, но и между жизнью и смертью, слишком легко перешагивая из бытия в небытие. Многие и запомнились не творчеством своим, от которого мало что сохранилось, а образом, врезавшимся в коллективную память: от легендарного Александра Добролюбова до сумасбродной Паллады Богдановой-Бельской. В жертву

легенде, образу приносились жизни и состояния – все на ветер, все растратить; но зато фиалки и подснежники в зимнем Петербурге, но зато вилла «Черный лебедь», но зато «жил на всю катушку».

Пальма росла, росла, проломила стеклянную крышу и вырвалась на мороз, от которого и погибла.

Все всерьез

Говоря о Серебряном веке, трудно удержаться от соблазна перечислять длинные списки имен, одно другого звонче: вот художники, вот скульпторы, вот поэты такие, а вот сякие – благо они не скупилась на пышные названия и торжественные манифесты. Вот композиторы, вот танцовщики – плеяды достойнейших имен и поразительных достижений. И почти за каждым именем – трагическая судьба, биография, изломанная несчастной любовью, болезнью, ошибками, перепаханная вкривь и вкось XX веком. «Начало века» не скупилось на страшные события. Серебро ярнее светилось на черно-красном фоне эпохи: японская война, 9 января, революция 1905 года, еврейские погромы. Глухая реакция: «стольпинские галстуки», эпидемия самоубийств, политические убийства, разгон Государственной думы. Наконец – Великая война, которую затмила собой революция, разом положившая конец мрачным, прекрасным и опасным играм с жизнью и смертью. Теперь все стало всерьез.

И все-таки серебро светится – не стальным, а теплым, эльфийским светом. Время осталось в веках цветным, а не серым, летящим, а не тонушим; и не соловушеская недотыкомка символ его, а врубелевская Царевна-Лебедь – сама прозрачность, сама печаль, сама красота и жизнь.

И вроде бы все в нашем веке повторяется – и земля сжалась в малый шарик, опутанная Интернетом, любовью человек – на расстоянии клика мышкой. И социальные реформы не привлекают... Может, и в нашем времени через сто лет потомки найдут что-то прекрасное и упоительное – то нам неведомо. Но помнить, что за свои слова приходится платить судьбой, стоит и в наш жидкокристаллический век. ■

АЛМАЗ В СЕРЕБРЕ

**МИХАИЛ
БЫКОВ**

АЛЕКСАНДР БЛОК РОДИЛСЯ 28 НОЯБРЯ 1880 ГОДА. В ПЕТЕРБУРГЕ. УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ 7 АВГУСТА 1921-ГО. В ПЕТРОГРАДЕ. ТУТ ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С РОКИ ЖИЗНИ РУССКИХ ПОЭТОВ – это вообще отдельная тема. Пушкин – 37, Лермонтов – 26, Некрасов – 56, Есенин – 30, Маяковский – 37, Цветаева – 49. Это только первый ряд. Особая гордость. Блок прожил 40. Не 41, как предпочитали излагать учителя словесности в советских школах. Именно – 40. Это важно. Это рубеж. Это знак.

И еще: у Блока довольно современных, что появились на свет и покинули его в одном и том же месте. Географически. Но по остальным параметрам место рождения и место смерти для них оказались разными. Тут – Петербург. Там – Петроград. Блок – не исключение. И это важно. Потому как это тоже – рубеж и знак.

Мемуаристы, литературоведы, критики, биографы – это о другом. Будучи замкнутым человеком, Блок жил открыто, не таясь. Воспоминаний о нем осталось в достатке. Записных биографов – тоже. Везунчиков в своем роде. Не стремился Александр Александрович к подвигам. Прожил интеллигентно. Без роковых тайн. Строчки поэта изучены и препарированы вдоль и поперек. Каждая строфа пронумерована и оцифрована.

Отдельно – любители «жареного» и «желтого». Пьяницы с глазами кроликов, красный граф Алексей Толстой с Бессоновым, южная казачья кровь жены Любови Дмитриевны. Тесть Дмитрий Менделеев – не еврей ли? «Испысывание» после 1909-го, потеря рассудка, сифилис, самоубийство. И, конечно, «Двенад-

цать». Не дает покоя вопрос – почему все-таки впереди Иисус Христос? Ищут, ищут, ищут...

Да без толку, по большому счету. Загулы и романы – это, в принципе, порядок вещей. Не только среди поэтов. Остальное – не доказывается, хоть тресни. А если кое-что, прежде всего состояние рассудка в последние месяцы жизни, и окружено некоторыми смущающими фактами, что с того? Трудно было ему.

И только эти «Двенадцать»... До сих пор идут. И кто там впереди – не разберешь уже.

Так что обойдемся без биографов и литературных критиков. Уж пусть не взыщут. Блок, при всех своих романтических и символических скитаниях по стране Поэзии, ежесекундно пользовался – без этого никак! – родовой кровью. Текла по его венам и артериям мекленбургская кровь. Северная. Предок прибыл в Россию служить по медицинской части при дворе царя Алексея Михайловича. И Александр Александрович слыл за довольно организованного, пунктуального человека. А такой не мог не вести дневник.

Дневник Блока, в отличие от дневника последнего императора, Николая II, также разменявшего Петербург на Петроград, – не ежедневные систематические записи о событиях и погоде. Он довольно обрывочен, схематичен, эмоционален и заполнялся от случая к случаю. Зато сразу видно – были случаи! И северная тевтонская кровь смешивалась с русской. С той самой скифской.

Все это к чему? Если кто хочет о стихах – читайте стихи Блока. В самом деле, что еще надо? Ежели кому угодно о самом Блоке – заглянем в его дневники. Им можно доверять. В 1915 году 15 октября (ст.ст.) Александр Александрович записал: «И уж во всяком случае, я очень честен».

Странно, но отрочества и юности у Блока не было. Так случается у тех, кто начинает писать стихи в пять лет. И кто окружен литературой и наукой с рождения. Хрестоматийный мальчик со скрипкой (книжкой, микроскопом) – какое тут отрочество и юность?

Дед поэта – Андрей Николаевич Бекетов, ученый-ботаник, ректор Петербургского университета. Бабушка Елизавета Григорьевна Бекетов-

ва – знаток языков и переводчик. От Дарвина и Брэма до Бичер-Стоу, от Флобера до Жорж Санд. Оба, судя по записям самого поэта, влияли на него в юные годы весьма сильно. Одно из наиболее ярких воспоминаний детства – привычка деда обращаться к крестьянам купленного им поместья Шахматово под Клином в Тверской губернии по-французски: «Ну что мой маленький друг...»

Блок вспоминает об этом. Но без удивления. Такие были люди. И они жили рядом. Вплоть до 1902 года, когда умерли с разницей в три месяца. Блоку уже шел 22-й.

Отец Александр Львович к литературе был довольно холоден. Занимался юриспруденцией, профессорствовал в Варшавском университете. И сын поступил на юрфак Петербургского университета. Но отношение Блока к этой профессии исчерпывается одной дневниковой фразой: «Юридический факультет, как и прежде, не памятен». Написано в 1918-м. А еще спустя много лет он отчетливо помнил противный озноб, бивший его на экзаменах по причине полного незнания предмета. И так – три года, три курса.

Предок Иван Блок получил русское дворянство из рук Петра Великого. Офицером не был, служил лейб-медиком. С другой стороны, кто при Петре Алексеевиче не был офицером, если уж попадался ему под руку? Насколько равнодушен был Александр Блок к юридической науке, настолько же ему претила и военная служба – основная стезя русского дворянства.

И так слабое влияние отца закончилось в 9-летнем возрасте. Мать вы-

шла замуж за гвардейского офицера Кублицкого-Пиоттух. Блок пишет: «Семнадцать лет моей жизни я прожил в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка». Радости – никакой! В другом месте – «Я валялся в казармах, в квартире верхнего этажа, читая массу книг и томясь».

Наконец в сентябре 1916 года Александр Александрович запишет принципиальное: «Я не боюсь шрапнелей. Но запах войны и сопряженного с ней – есть хамство. Оно подстерегало меня с гимназических времен и вот – подступило к горлу. Запаха солдатской шинели не следует переносить... Эта бессмысленная война ничем не кончится. Она, как и всякое хамство, безначальна и бесконечна, безобразна... Интеллигент? Безусловный. Со всем хорошим и всем плохим, что несет это состояние. Но и – дворянин. Что позволяет столь разительно отличаться от талантливых поэтов и писателей, но плебеев, ворвавшихся в литературный мир России в начале XX века. И – строками. И – поведением. И – самооценкой. И – тянуться к таким же, как сам. Пусть поначалу счастливым, но потом издерганным мистическими поисками. Пусть де-

кадентствующим напропалую, от письменного стола до постели. Пусть бравирующим на грани пошлости претензиями на человеческую и творческую смелость. Но – своим!

Андрей Белый, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Вячеслав Иванов, Николай Пяст... Как так получилось, что, несмотря на разность талантов, взглядов и судеб, все они – а помимо того еще десятков другой фамилий – воспринимаются все же скопом? Если не кривляться перед зеркалом собственной образованности. Если – честно?

Серебряный век... Нет, не творческий монолит. Скорее, Ноев ковчег, в котором каждой твари по паре. И время такое – надо спастись и спасать. Как уместен тут вопрос из другого времени и другого мира – из Голливуда. Но в исполнении ученика школы Станиславского – Роберта Рэдфорда. «Когда Ной строил ковчег? До потопа, до потопа».

Эти – не строили. Они ждали. Некоторые из них – ломали построенное прежде. И Блок, вопреки дворянскому воспитанию и бекетовской интеллигентности, возражал резко. Даже оскорбительно. «Не меньше вашего

Александр Львович Блок (1852–1909) и Александра Андреевна Бекетова (1860–1923), жених и невеста в Шахматове. Фото Д.И. Менделеева. 1878 год

Андрей Николаевич Бекетов, дед А.А. Блока. Шахматово, 1898–1902 годы

А.А. БЛОК

ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как и строительство, и так же традиционно, как оно... Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете». Это – Маяковскому, летом 1918-го! И о том же в феврале 1921-го, за полгода до смерти: «Перед нашими глазами с детства как бы стоит надпись: огромными буквами написано: ПУШКИН... Имена основателей религий, великих полководцев, завоевателей мира, пророков, мучеников, императоров – и рядом это имя: Пушкин».

Блок против пиратов, сбрасывающих хлам с корабля истории. Категорически!

Если требовала жизнь и убеждения, поэт не щадил никого. Не только из новеньких, вроде футуристов, – «Бурлюки, которых я не видал, отпугивают меня», записано в феврале 1913-го. Но и прежних. Друзей-символистов. Товарищей-мистиков. Единомышленников. Или – не «едино»? И были они вообще друзьями, товарищами, единомышленниками в варварском смысле слова?

Июнь 1909-го: «Без Бугаева (Белого) и Соловьева обойтись можно».

Октябрь 1911-го: «Все эти вечера читаю «Александра I» (Мережковского). Писатель, который никогда никого не любил по-человечески – а волнует. Брезгливый, недобрый, рассудочный...»

Апрель 1912-го: «Утверждение Гумилева о том, что «слово должно значить только то, что оно значит», как утверждение – глупо. Но понятно психологически, как бунт против Вяч. Иванова...»

Октябрь 1912-го: «Пяст живет, сцеля зубы, злится и ждет лучшего. Он послал рассказ... в «Русскую мысль». Много никуда негодного... чего не видит. Стихов не пишет. «Западник». Апрель 1919-го. «Я получил корректуру статьи Вяч. Иванова о «кризисе гуманизма» и боюсь читать ее».

Май 1921-го. «Начало дневника З.Н. Гиппиус. Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво, но – своекорыстно».

Как можно было любить его после этого и считать первым? Вслух не каждый признавался, но во внутренних диалогах оспаривать первенство было крайне сложно.

Блок оценивал не только персоналии. Он тяготел к обобщениям, вы-

А.А. Блок.
Октябрь
1918 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ражавшимся, правда, в довольно эксцентричной форме. Трудно спорить с тем, что любимым знаком препинания поэта было тире. Оно укорачивало путь.

«Есть два рода литературных декадентов: хорошие и дурные. Хорошие – это те, которых не стоит называть декадентами... Декадентство – упадок. И упадок состоит в том, что иные или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов затемняют смысл своих произведений, причем, некоторые сами в них ничего не понимают...». Такова реакция 21-летнего Блока на новое течение в русской литературе на стыке веков, к которому и он имел прямое отношение. В 1906 году Блок – еще молодой человек. Как раз оканчивает курс на филологическом факультете Петербургского университета, на который перевелся с юридического. На круг вышло девять лет учебы. Стихотворений уже много. Сотни. Уже за спиной «Стихи о прекрасной даме», перед глазами – поклонение и фанатизм влюбленности. Время, когда уже родились строфы «Девушка пела в церковном хоре» и «Незнакомки». А он в дневнике – вот о чем: «Религия и мистика». И вывод, который не мог понравиться друзьям по оружию:

«Мистики – очень требовательны. Религиозные люди – скромны. Мистики – себялюбивы. Религиозные люди – самолюбивы».

Проходит менее двух лет, и Александр Александрович разносит в пух и прах и церковь, и интеллигенцию. То есть – самого себя. Литературные течения, споры, поиски несуществующего, интриги, зависть, страх – все есть вокруг. Нет понимания того, что, если не объединиться в простых и ясных истинах, не сложить силы для того, чтобы выбраться из приближающегося тупика, – все кончится. И Россия кончится.

Но сама-то Россия вовсе так не думала. Она осиливала столыпинские реформы, оправлялась после нелепой русско-японской войны, поднимала проценты экономического роста, придавив на время революционную дурь Пресни. И все это – правда.

Тогда почему же Блок задыхался и постепенно исписывался, о чем сам себе и признавался в дневниках? Как это, большой поэт, лидер, олицетворение нового – и тупики? Профессиональной карьере нет и десяти лет! Личная жизнь? Конечно. Не без этого. Вернее – почти без этого. Поэт не может только думать. Он должен чувствовать. Это – питательная среда. Это – импульс!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Похороны
А.А. Блока
на Смоленском
кладбище
в Петрограде.
Справа –
Андрей Белый,
рядом со
священником –
мать поэта,
А.А. Кублицкая-
Пиоттух.
10 августа
1921 года

Экономический рост, конечно, прекрасно. Но вот парадокс: когда приходит время счета для всех, исчезает интерес к душе каждого. Еще в начале 1907 года Блок отмечает: «Стихами своими я недоволен с весны. Стихи уж писал так себе, полунужные. Растягивал. В рифмы бросался». В рифмы бросаются, когда они не приходят сами.

А вот совсем страшное, 1909 год. «Думаю о том, что вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чуждых для меня, политиканства, хвастливости, торопливости, гешефтвахерства. Источник этого – русская революция, последствия которой могут быть и становятся ужасными...». Два года минуло, как умер в 9-дневном возрасте их с Любовью Дмитриевной сын Митя.

Вывод: надо отказаться от литературного заработка и найти другой способ жить. Эта мысль повторяется спустя шесть лет, когда уже идет Великая война и Россия временно не справляется с нею. «Если бы те, кто пишет и говорит мне о «благородстве» моих стихов, захотели посмотреть поглубже, они бы поняли, что в тот момент, когда я начинал «исписываться» (относительно – в 1909 году), у меня появилось отцовское наследство; теперь оно иссякает и положение мое может сделаться критическим, если я не найду себе заработка. Трудом литературным прожить среднему и требовательному писателю, как я, почти невозможно».

Успешный Блок, обожаемый Блок, независимый Блок! Преувеличивал, утонул в депрессии, потерял веру в себя? И что прикажете де-

лать остальным, если так холодно жестоко, так сурово судит себя человек, написавший когда-то: «Я послал тебе черную розу в бокале // Золотого, как небо, ай»? Про черную розу, воля ваша, – все, что угодно. Но вторая строка – это не под силу среднему, хотя и требовательному, писателю. До сих пор спорим об этом небе, ведь миллионы других средних писателей написали бы – да и писали наверняка – «золотого, как солнце». Блок в прозе не только дневники писал. Изредка – статьи. Он как-то составил собственную биографию. Начал в 1911 году. Закончил – в 1915-м. Все?

Нет, не все. 17-й год не мог не сказаться на настроении и создал надежду. Казалось бы, кто угодно, но только не этот тонкий и требовательно-злой, умный и наблюдательный, привыкший к рафинированному быту и повседневному вниманию человек способен на такие слова: «Октябрьский переворот все-таки лучше февральского». По всему Блок должен был бы сказать иначе – февральский хуже октябрьского...

А он – вон как!

Но это ненадолго. Блок ошибся. Как и многие тогда. Весна 1921-го: «В Москве зверски выбрасывают из квартир массу жильцов... Я иногда дремал на солнце у Смоленского рынка на Новинском бульваре».

Теперь – все!

Очень верно схватил суть Маяковский, он умел. В некрологе на смерть Блока Владимир Владимирович написал о последней встрече с Александром Александровичем. В Москве, на поэтическом вечере. Блок читал ста-

рые стихи. Маяковский подвел черту: «Дальше дороги не было».

Знаете, что удивительно?

Мережковский умер в 1941 году. Зинаида Гиппиус – в 1945-м. Андрей Белый – в 1934-м. Михаил Кузьмин – в 1936-м. Вячеслав Иванов – в 1949-м. Ахматова – в 1966-м. Бальмонт – в 1942-м. Клюев – в 1937-м. Ходасевич – в 1939-м. Мандельштам – в 1938-м, Пастернак – в 1960-м. А уж Бурлюк – в 1967-м.

Исключений почти нет. Вот, пожалуй, Хлебников, которого так хвалил при жизни Блок, ушел в 1922 году. «Старый символист» Брюсов – в 1924-м... И – Гумилев, которого большевики расстреляли в 1921-м. Но тут – иной случай. Тут – насилие, смерть, которой не ждали и к которой не готовились.

Каждый сыграл отведенную ему роль, внес лепту, положил на алтарь... Потом медленно сошел на нет. Кого-то до сих пор любят, а то и боготворят. Кого-то иногда почитывают. На чьих-то могилах давно выросла катаевская трава забвения.

А как же «алмазный мой венец»?

На чьей голове сверкает драгоценными искрами? Пусть не прямо, но сказано же в книге Валентина Катаева, сильного писателя следующего поколения: «Думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи». Александр Блок – это явление. Это – состояние. Но это еще и – понятие. Всегда трудно сравнивать великих. Надо ли – другой вопрос. Но сравниваем, что поделаешь.

Пушкин – не только эпохальное, но и понятийное. Лермонтов – уже нет. И Тютчев – нет. И Есенин. Хотя в каких мерных системах можно измерить их гений? А соответствие миру? Или – несоответствие?

Все, служившие Серебряному веку русской поэзии и умершие после Блока, являются частью этого Серебряного века. Они все – из него. И все они – в нем. Но только Блок и есть Серебряный век. Плоть от плоти. Дух от духа.

В преддверии Рождества 1914 года Александр Александрович написал в дневнике: «Совесть как мучит! Господи, дай силы, помоги мне». И Господь помог. Забрал к себе, но только после того, когда все уже было сказано. ❀

ИЗБА ДЛЯ ФРАНЦУЗА

**ДМИТРИЙ
ИВАНОВ**
ФОТО **МАРИИ
ВОРОБЬЕВОЙ**

КОГДА ЗАХОДИТ РЕЧЬ О РУССКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЕ, В ВООБРАЖЕНИИ ВОЗНИКАЮТ ХРАМЫ КИЖСКОГО ПОГОСТА, ДОМА ВОЛОГОДСКИХ КРЕСТЬЯН, МУРМАНСКИХ ПОМОРОВ. НО РУССКИЕ ИЗБЫ МОЖНО ОТЫСКАТЬ И В ПАРИЖЕ. ПОЧТИ ПОЛТОРА ВЕКА НАЗАД ИХ ПРИВЕЗЛИ НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ, ГДЕ ОНИ ПРОИЗВЕЛИ ФУРОР. С ТЕХ ПОР ОНИ ТАК И ОСТАЛИСЬ В СТОЛИЦЕ МОДЫ И СТИЛЯ.

ВЕСНОЙ 1867 ГОДА В ПАРИЖЕ царил необычайное оживление – столица Франции принимала участников и гостей Всемирной выставки. Готовилось это амбициозное предприятие с размахом. Главный павильон в виде огромного эллипса из стекла и железа был выстроен на Марсовом поле. Вокруг располагалось еще 200 выставочных построек, под сельскохозяйственную часть экспозиции отвели отдельную территорию. В выставке приняли участие едва ли не все европейские стра-

ны, государства Азии, Америки, Африки. Получила приглашение и Россия: император Наполеон III, желая сближения с нашей страной, направил личное послание Александру II. Русский самодержец отнесся к этому предложению благосклонно. Обилие и разнообразие экспонатов, демонстрировавшихся на Марсовом поле, производило на посетителей огромное впечатление. Здесь можно было увидеть произведения живописи и скульптуры, сельскохозяйственные орудия, изумительные кружева, ювелирные украшения, редкие книги, изделия из кожи, посуду из фарфора, великолепные ткани, продукцию горных и железоделательных заводов, оружие на любой вкус. На территории выставки работали фа-

брики и мастерские, знакомившие посетителей с различными производствами. В сельскохозяйственной части была устроена образцовая ферма, где демонстрировались процессы приготовления сыра, масла, хлеба, обработки пеньки, изготовления корзин и выделки кирпича. Особой популярностью пользовалась Галерея машин, представлявшая последние достижения науки и индустрии. На ее площадях публика увидела первую динамо-машину, сталеплавильную печь, локомотив Стефенсона, телеграф Морзе, изделия, полученные методом гальванопластики. В отдельном павильоне разместился макет Суэцкого канала, строительство которого тогда подходило к завершению. На открытых площадках странам–

участникам выставки было предложено возвести образцы национальных жилых и общественных зданий. В итоге альпийские деревни соседствовали с китайскими пагодами, рядом с голландской усадьбой возвышались турецкие минареты, а неподалеку от английских коттеджей располагались мавританские домики.

Русский павильон

Россия на Всемирную выставку привезла продукцию металлургических заводов Демидовых, винтовки тульских и ижорских оружейников, сабли и шпаги Златоустовской фабрики, чугун Александровского завода, изделия Санкт-Петербургского монетного двора. С большим успехом прошла демонстрация работ академика Бориса Якоби, положивших начало гальванотехнике. С восторгом была встречена экспозиция художественного раздела, где выставались полотна русских живописцев, ювелирные украшения, мозаики, выполненные для Исаакиевского собора. Один из очевидцев, посетивших Марсово поле, писал: «Русским отделом выставки заинтересовано большинство публики. В так называемой «Русской улице» масса посетителей с каждым днем становится гуще и гуще... Около рельефных мозаик Петергофской гранильной фабрики и работ Мозаичного заведения Императорской Академии художеств – постоянно толпа зрителей. Отовсюду слышатся похвалы... Витрина, в коей выставлены драгоценные камни из Кабинета Государя Императора, весь день окружена зрителями». Никогда не пустовал и русский трактир, в котором юноши и девушки, одетые в русские национальные костюмы, подавали гостям щи, осетрину, икру, кулебяки, кахетинские и крымские вина. Публика отдала должное и выступлению ор-

кестра петербургского Кавалергардского полка, приехавшего в Париж на состязание военных оркестров. Весь российский павильон был выстроен в неорусском стиле, который тогда только входил в моду. Здания, напоминавшие боярские палаты, украшенные затейливой резьбой и орнаментом, привлекали всеобщее внимание и настолько пришлись по вкусу парижанам, что местные плотники и архитекторы даже зарисовывали работы русских мастеров. Не было отбоя от желающих посетить русские избы. Одну из них на выставку привез петербургский купец Василий Громов. Избу эту без единого гвоздя построила плотницкая артель из Владимирской губернии. Больше похожая на лубочный деревянный дворец с богатым резным декором, она привлекала посетителей экзотической красотой. К избе примыкали крытый двор, флигель, пристройки. Ее интерьер копировал обстановку крестьянского жилища – кровать с пологом, лубочные картинки по стенам, киот с образами, русская печь, чугушки, горшки, чашки. В пристройках были выставлены охотничьи и рыболовные снасти, экспонировались манекены, одетые в национальные костюмы народов, населяющих Россию. Французская пресса писала о достоинствах русского жилища, а архитектор Альфред Норман отметил: «Орнаментация русской избы полна такой прелести, что большинство художников и людей со вкусом по-

спешили отдать ей полную справедливость, а что до конструкции, то она также очень любопытна и заслуживает изучения...»

Впрочем, наибольшее впечатление на участников и гостей выставки произвела конюшня русского императора. Это был огромный, выдержанный в неорусском стиле деревянный терем, покрытый резьбой, с наличниками, выступами, перехватами, колонками, резными конскими головами. «В подобных хранилищах не жила у нас не только лошади, но, пожалуй, и сами бояре...» – не без иронии писал художественный критик Владимир Стасов, осмотревший выставку. Посетители были поражены не только роскошью царских конюшен, но и великолепными лошадьми, доставленными в Париж с Императорских конезаводов. Коней каждые четыре часа выводили на площадку, и всякий раз собиралась толпа, чтобы увидеть орловских рысаков, казачьих и черкесских скакунов, малорослых финских лошадок. Император Александр II, прибывший в мае 1867 года в Париж для осмотра выставки, получил от международного жюри высшую награду, Гран-при, – за труд и содействие по улучшению пород лошадей на российских конных заводах.

Вообще, первое участие России во Всемирной выставке оказалось довольно успешным. Около 500 российских экспонентов получили различные награды и премии. По

Вид на Главный павильон Всемирной выставки в Париже (внизу)

Конюшня императора Александра II на выставке, впоследствии ее фрагменты стали избами (справа)

Иллюстрации 1867 года

ПЬЕР Д'ОРЖЕВАЛЬ

окончании выставки большинство павильонов и наиболее крупные экспонаты распродавались на месте. Несколько изб купил французский предприниматель Альфонс Ланье. Приобрел он и конюшню, фрагменты которой также были превращены в деревянные избы. Русским домам пришлось поменять адрес – Ланье перевез их с Марсова поля на бульвар Босежур, что неподалеку от Булонского леса. С той поры минуло без малого полтора века, уже мало кто помнит о Всемирной выставке, а русские избы все так же изумляют всякого, кто заглянет на виллу Босежур.

Во владениях барона

Отыскать в Париже русские избы оказалось делом непростым. Мы обошли бульвар Босежур вдоль и поперек несколько раз, но поиски ни к чему не привели. Местных жителей наши вопросы о старинных избах приводили в полное недоумение. Однако неприметный вход на виллу Босежур нам в итоге все-таки показали – за небольшой калиткой начиналась засыпанная гравием дорожка, ведущая вглубь двора. Калитка оказалась закрыта, никаких изб с бульвара видно не было. Но нам повезло – во дворе появился пожилой человек. Он шел по дорожке и вел за собой на поводке небольшую собачку. Подойдя к калитке, спросил: «Вы, наверное, хотите увидеть русские избы? Откуда вы?» Узнав, что мы журналисты из Москвы, наш собеседник открыл калитку: «Я проведу вас».

Мы пересекли двор, повернули за угол дома и вдруг прямо перед собой увидели терем, словно перенесенный из русских сказок в Париж какой-то неведомой волшебной силой. Крашенные бревна, рубленные «в лапу», поднимались ровными изысканными стенами. Деревянное кружево наличников обрамляло окна, резной орнамент вился вдоль фронтонов и крыши. А сама крыша сияла на солнце разноцветной майоликовой плиткой. Увиденное было столь необычно, что мы не сразу смогли обратиться к нашему проводнику с вопросом: «А вы не знаете хозяина дома? Кто в нем сейчас живет?» Он улыбнулся: «Знаю. Это – я». Так мы познакомились с удивительным человеком – бароном Пьером д'Оржевалем, который волей случая

Памятник истории и архитектуры – изба на вилле Босежур

стал нашим гидом по вилле Босежур. Он показал нам еще несколько домов, оставшихся от Всемирной выставки. Они тоже были очень интересны, но все же не производили такого впечатления, как «терем» барона.

Д'Оржеваль пригласил нас в гости. На следующий день мы сидели в его маленьком садике возле дома и слушали историю о том, как французский барон занимался реставрацией русской избы.

– Этот дом я купил в 1997 году, – рассказывал нам д'Оржеваль. – Я тогда ничего не знал о его истории. Но, приехав на виллу Босежур, почувствовал, что судьба дома необычна. Стал интересоваться, наводить справки и оказалось, что это – часть русской императорской конюшни с выставки 1867 года. Но дом находился в плачевном состоянии. Большая часть деревянного декора оказалась утрачена, первый этаж, где прежний владелец устроил гараж, был обезображен бетонными плитами, едва ли не вся черепица на крыше пришла в негодность. И это несмотря на то, что еще в 1992 году этот дом был внесен в реестр исторических памятников Франции. Я захотел вернуть ему прежний облик.

Начались розыски в архивах, музеях, библиотеках. Барон раскрыл обильную папку, и мы увидели мно-

гочисленные гравюры, журнальные статьи и документы, относящиеся к Всемирной выставке 1867 года. Перед нами предстали деревянные русские павильоны, царские конюшни с великолепными лошадьми, полные посетителей лавки, торгующие разнообразным товаром.

Кто-то из друзей, узнав о намерении барона заняться реставрацией, познакомил его с пожилым русским архитектором, живущим в Париже. Тот подарил д'Оржевалю альбом об историческом центре Томска, застроенном в середине XIX века деревянными домами. Барон был совершенно покорен красотой деревянного Томска, он увидел, как могли выглядеть дома на вилле Босежур, и это окончательно убедило его в необходимости реставрации.

Три долгих года шла подготовка к работам по восстановлению фасада. В архивах были найдены оригиналы чертежей, по которым строился дом. Затем разрабатывался проект реставрации, еще полгода ушло на его реализацию. Все работы проводились под жестким контролем Министерства культуры Франции. Комиссия из 20 человек следила за точностью исполнения проекта, подбором стройматериалов, проверяла квалификацию архитекторов и рабо-

Владелец
русской избы,
парижанин барон
Пьер д'Оржеваль

чих, занятых на реставрации. Много хлопот доставил деревянный декор дома. Найти во Франции специалистов, способных воссоздать сложный орнамент, оказалось непросто. Лишь одна небольшая мастерская в Нормандии, занимающаяся реконструкцией деревянных храмов, взялась выполнить необычный заказ. Барон хотел, чтобы дом был восстановлен в первоначальном виде, поэтому проводилась научная реставрация, исключая какие-либо привнесённые элементы. Допущен был лишь один компромисс: на конек не стали устанавливать огромные, двухметровые, резные украшения из-за опасения, что их может снести сильным порывом ветра. Усилия оказались не напрасны – в 2000 году за реставрацию фасада барон д'Оржеваль получил премию Ассоциации старинных домов Франции.

Затем наступила очередь крыши. Доподлинно неизвестно, как именно были крыты избы, привезённые на виллу Босежур в 1867 году. Но тогда местный архитектор перекрыл их цветной черепицей. Барон д'Оржеваль считает, что это неслучайно. Занимаясь подготовкой к реставрации, он изучал русскую архитектуру и не раз видел церкви и другие здания, крыши которых были выкрашены в четыре цвета – черный, желтый, красный, зеленый. В этих цветах выполнены и крыши домов на вилле Босежур. «Побывав в России, я понял, что это царство цвета, – говорит д'Оржеваль. – В русской архитектуре очень важен цвет. Это почти не знакомо французам, и они это не всегда могут оценить». Черепица на крыше его дома со временем потускнела и превратилась в пористую губку, пропускающую дождь. Для реставрации требовалось изготовить и заменить 1000 разноцветных глазурованных черепиц. И снова начались долгие поиски мастерской, готовой выполнить эту работу. Она

была найдена на юге Парижа. Когда последняя плитка черепицы была уложена на крышу, дом засиял своей первозданной красотой.

С этой реставрации начиналось знакомство барона д'Оржеваля с Россией, о которой он когда-то мало что знал. Со временем его интерес к русской архитектуре, истории, живописи, литературе превратился в настоящую страсть. Д'Оржеваль дважды побывал в России, ездил по деревням, осматривал деревянные избы и храмы. Он стал знатоком всего, что касается участия России во Всемирной выставке 1867 года.

– Важно понимать, что эти избы – не просто дома, перевезённые из России, – объясняет барон д'Оржеваль. – Ведь для каждой страны, показывавшей на выставке образцы своей архитектуры, это был способ как-то заявить о себе, сообщить что-то окружающему миру. И послание России заключалось в том, что это мощное евроазиатское государство, обращающееся к своим корням. Об этом говорит вся нарочитость, преувеличенность декора, использование восточных мотивов, некая «сказочность». Несколько лет назад в парижском Музее Орсе проходила выставка русского декоративного искусства позапрошлого столетия. Там были макеты церквей, других зданий. И там я увидел тот самый неорусский стиль, которым жила Россия во второй половине XIX века. Это было время возврата к собственным традициям, к древнерусскому и народному искусству. Причем не только в архитектуре, неорусский стиль проявил себя в литературе, живописи, философии и даже в политике. В поисках идентичности Россия обращалась к своей истории. И мой дом – одно из воплощений этой идеи.

Все это барон рассказывал нам в своем небольшом садике, в котором он постарался высадить растения, типичные для наших дачных мест, – лесную герань, гортензии, плетистые розы. Надо было прощаться. Напоследок мы поинтересовались: как живет парижанину в русской избе?

– Здесь очень уютно, – ответил барон. – Мне кажется, у каждого дома должна быть своя душа. Думаю, восстановив прежний облик своего дома, я вернул ему душу. Наверное, он доволен. ■

А.Н. АПУХТИН

ЛЮБОВЬ И КРОВЬ

**АННА
ГАМАЛОВА**

ЧТО МЫ ПОМНИМ ПРО АПУХТИНА? «ПАРУ ГНЕДЫХ», ПОЖАЛУЙ, – И ТО МАЛО КТО ПОМНИТ, ЧТО ЭТО ЕГО СТРОЧКИ. ЕЩЕ «СУМАШЕДШЕГО» – «ВАСИЛЬКИ, ВАСИЛЬКИ»... «ВАСИЛЬКИ» РАСТЕРЯЛИ АВТОРСКИЕ СТРОКИ И ПОПОЛНИЛИ ДЕВИЧЬИ АЛЬБОМЫ И ПЕСЕННИКИ В КАЧЕСТВЕ ЖЕСТОКОГО РОМАНСА. ТАКИМ АПУХТИН И ОСТАЛСЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – АЛЬБОМНЫМ И РОМАНСОВЫМ ПОЭТОМ ВТОРОГО, А ТО И ТРЕТЬЕГО РЯДА.

ПОЭТОВ В РОССИИ ТАК много, что читатель, как разборчивая невеста, может позволить себе выбирать между исключительным и выдающимся. Многие из тех, кто традиционно считается у нас звездами не первой величины, могли бы в одиночку составить гордость иной национальной культуры. Строка в энциклопедии, два-три стихотворения в хрестоматии – вот и все место в анналах. Апухтин с его салонными экспромтами и любовными стихами, расхвачанными на романсы, на первый взгляд кажется несерьезным, мелким для почетного звания «русский поэт». Сама фигура толстого барина в халате, пишущего «о счастья былом» на фоне ступающих сумерек русской истории – войн, терактов, цареубийств, – кажется не трагической, а комической. А откроешь том стихотворений – и замрешь где-нибудь над строчкой: «Но разум понимает, // Что в сердце есть у нас такая глубина, // Куда и мысль не проникает...»

Как хотите, не салонная это поэзия.

Будущий Пушкин

Род Апухтиных очень древний, но не очень богатый. Отец будущего поэта, Николай Федорович, был отставным майором и жил в своем имении Павлодар в Калужской губернии. Там и прошло детство Алексея Николаевича. Мать его, Мария Андреевна, в девиче-

Алексей
Николаевич
Апухтин
[1840–1893].
1850-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стве Желябужская, любила и сильно баловала сына, мальчик был к ней очень привязан. Учился он, как и подобает дворянскому недорослю, дома. Он рано полюбил читать, предпочитая стихи, которые быстро и легко запоминал наизусть, и уже к 10 годам знал на память множество стихотворений Пушкина и Лермонтова – и пробовал писать собственные стихи.

В 12 лет, в 1852 году, он покинул Павлодар: мальчика увезли в Петербург – поступать в закрытое, элитное Училище правоведения, которое готовило кадры для Министерства юстиции. Попал он туда не в лучшие для училища, да и для страны, времена: шел четвертый год «мрачного семилетия» – послед-

них лет жизни Николая I. Царь, испуганный революцией 1848 года, стал закручивать гайки, истребляя дух крамолы, – и Училище правоведения, которое окончил один из самых ярких петрашевцев, Головинский, было сочтено рассадником смуты. Прежнее начальство сняли, назначили нового директора, гражданский персонал заменили военным, насадили военную дисциплину. Домашнему, начитанному, поэтичному мальчику было не так уж легко на казарменном положении. Учился он, однако, лучше всех – был первым учеником в классе, получал одни пятерки, со временем стал редактировать рукописный журнал «Училищный вестник». Писал стихи, и они быстро

принесли ему славу «будущего Пушкина»: дошедшие до нас первые стихотворные опыты юного Апухтина, еще подражательные, демонстрируют тем не менее вполне уверенное владение стихом. В 1854 году директор училища А.П. Языков сам попросил едва ли 14-летнего Лёлю Апухтина написать стихи памяти адмирала Корнилова и посодествовал публикации стихотворения, которое автор назвал «Эпаминонд», в газете «Русский инвалид». В следующем году та же газета опубликовала еще одно стихотворение Апухтина – «Подражание арабскому». С его одой на рождение великой княжны Веры Константиновны ознакомили самого государя.

Стихи, которые он писал для себя, не для публикации, почти повзрослому крепко сделаны и отличаются настроением уныния, тоски, разочарования. Пожалуй, это даже нормально для меланхолического подростка, оторванного от дома и погруженного в казенную, казарменную жизнь. «Скучно!» – восклицает он в стихотворении «Май в Петербурге»; он томится в городе и вспоминает любимую деревню. Его терзала тоска и мучила бессонница, упоминания о которой проскальзывают в его стихах всю жизнь. Окружающие не очень понимали, отчего ему так плохо, на что он так жалуется. В стихотворении «Сегодня мне исполнилось 17 лет...» юный автор приводит упрёки товарищей: «И в эти-то года такой тоской бесплодной // Звучит элегия твоя!» Жалобы на разочарование, разбитые мечты и тоску о счастье былом в стихах подростка только на взгляд взрослого скептика могут показаться комичными: это чуть ли не самое трудное время в жизни – смятение, тоска по всему, что было хорошего в детстве, пугающая необходимость быть взрослым...

Впрочем, в дальнейшем лирика Апухтина такой и осталась: печальной, тоскующей, вспоминающей... «Унынье превозмочь // на шумном празднике не мог я...» «И вот я здесь один, с измученной, усталой, // Разбитой душой...» «Под гнетом жгучей, тягостной печали // Я сел на старую скамью, // А листья надо мной, склоняясь, шептали // Мне повесть грустную свою».

Императорское училище правоведения. Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки

Группа выпускников Училища правоведения (А.Н. Апухтин в 3-м ряду четвертый справа, у колонны, П.И. Чайковский в 1-м ряду шестой справа). Санкт-Петербург, 29 мая 1859 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Н. АПУХТИН

Слава и молва

Слава молодого поэта бежала впереди него: еще во время учебы он познакомился с лучшими писателями своего времени – Толстым, Тургеневым, Некрасовым, вошел в круг Панаевых. Тургенев предсказывал ему блестящее будущее, да, собственно, многие вокруг были уверены, что он станет большим поэтом. Он и сам считал литературу своим главным занятием: знал наизусть множество стихов русских поэтов, читал немецкую и французскую поэзию – и, как положено молодому поэту, мечтал о славе.

*Ты помнишь, как, забившись
в «музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной...
Искусство было наш кумир.
И жизнь для нас была обвешана
мечтами. –*

Это он много лет спустя написал композитору Чайковскому. Петр Чайковский и Алексей Апухтин подружились еще в Училище правоведения и всю жизнь были дружны – гостили друг у друга, переписывались. Апухтин посвящал Чайковскому стихи, Чайковский написал несколько романсов на слова Апухтина. Закончилась эта дружба только со смертью поэта.

В 1859 году Алексей окончил училище с золотой медалью. Способного юношу взяли на работу в Министерство юстиции, в тот же департамент пошел служить и Петр Чайковский. Кажется, хороший старт для будущей карьеры – но ни того, ни другого правоведение особенно не интересовало: оба мечтали об искусстве. В том же году умерла мать Апухтина, нежно любившая его и нежно любимая им. «Посвящение» к его циклу «Деревенские очерки» – это безрадостные размышления над материнской могилой. Он рассказывает, что стремился к будущей прекрасной жизни, что обманулся, что научился ненавидеть – и теперь медлит и не знает, что делать.

Модест Чайковский, брат композитора, ставший первым биографом Апухтина, писал: «Все родственные и дружеские отношения, все сердечные увлечения его жизни после кончины Марьи Андреевны были только обломками храма этой сыновней любви». В цикл

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Модест Ильич Чайковский (1850–1916), русский драматург, оперный либреттист, переводчик, театальный критик; младший брат П.И. Чайковского

вошли «деревенские» стихи Апухтина, написанные годом ранее, поздней весной и летом 1858 года. Стихи очень простые по форме, очень певучие – для 18-летнего юноши удивительно хорошо сработанные и зрелые. Не только их автор сто-

Санкт-Петербург,
Министерство юстиции –
А.Н. Апухтин служил здесь
в 1859–1862 годах

ит на распутье – кажется, на нем стоит вся страна, настоящая героиня «Деревенских очерков», собирательный образ родины с ее запутанными, бесконечными дорогами, с унылыми народными песнями, с усадьбами, где в саду цветут розы и поет соловей, а у окна просиживают ночь влюбленные. Все это вечное, как традиция, – и все-таки есть в этой неизменности какая-то трещина, прозрение иного будущего, иных песен:

*Так вот и кажется, с первым призывом
Грянут оне из оков
К вольным степям, к нескончаемым
нивам,
В глубь необъятных лесов.
Пусть тебя, Русь, одолели невзгоды,
Пусть ты – унынья страна...
Нет, я не верю, что песня свободы
Этим полям не дана!*

Стихи эти, столь созвучные времени ожидания больших перемен, увидели свет в 1859 году в журнале «Современник». Молодой Апухтин вообще довольно созвучен демокра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.А. Жедринский
(1851–1892),
товарищ прокурора
Петербургского
окружного суда,
А.Н. Апухтин,
П.И. Чайковский,
Г.П. Карцев,
двоюродный
племянник
П.И. Чайковского.
Санкт-Петербург,
17 марта 1884 года

Апухтин – погруженный в себя философ, меланхолик, интроверт; чистый лирик, не пассионарий и не революционер; он за свободу для всякого человека, но не интересуется политическими и экономическими теориями, не хочет ниспровергать, мстить и разрушать. Он вовсе не был равнодушен к политике: в том же 1861 году он среди 16 сотрудников Министерства юстиции подписал прошение в защиту арестованных за политические выступления университетских студентов. И от идеи служения он не отказывался, но понимал под ней не хождение в народ и не подрыв основ строя, а служение вечным идеалам «под бременем креста». Стихи, написанные им в дальнейшем, свидетельствуют о серьезном отношении автора к христианской вере: вне опыта христианства ни «Года в монастыре», ни «Моления о чаше» написать было бы нельзя. С другой стороны, не был он и христианским аскетом – напротив: вел обычную для молодых холостых дворян жизнь, в которой много места занимали балы, рестораны, цыганский хор и так далее.

В 1862 году он вместе с Чайковским и несколькими правоведами влип в крупный скандал, происшедший в ресторане «Шотан». О сути скандала мало что известно, но, как писал Модест Чайковский, и Петр Чайковский, и Апухтин «были ославлены на весь город в качестве бугров». Бугры, на тогдашнем жаргоне, – активные гомосексуалисты. И Училище правоведения, и его выпускники имели в те годы довольно дурную славу в этом смысле; о репутации Чайковского, которого мы, разумеется, «любим не за это», можно даже не упоминать. Поскольку Апухтин состоял в тесной дружбе с Чайковским, молва, само собой, причислила его к партнерам композитора. Разбираться в сексуальной ориентации Апухтина совершенно неинтересно. В его лирике любовь сама по себе довольно неконкретна, абстрактна – просто любовь, как просто ночь, просто страдание, просто соловей; там же, где он рассказывает любовную историю, обычно присутствуют мужчина и женщина.

П.И. Чайковский
в шубе
А.Н. Апухтина.
Москва, 1867 год

тическим тенденциям: и обличение жестокого города мы находим в его стихах, и сострадание крестьянам, и надежды на падение рабских оков (поэтому по стихам прошла цензура – скажем, строки об оковах из публикации вообще выбросили). Кажется, юный поэт нашел свой журнал, а журнал нашел перспективного автора. Но сотрудничество не сложилось. «Современник» быстро разочаровался в Апухтине, и уже в 1860 году в статье, подводившей литературные итоги года, Иван Панаев написал, что надежды не оправдались. В 1861 году поэт ответил демократическим литературным кругам стихотворением «Современным витиям», в котором резко отмежевывается от нигилизма бывших соратников: «Я устал от ваших фраз бездушных, // От дрожащих ненавистью слов! // Мне противно лгать и лицемерить, // Нестерпимо – отрицаньем жить... // Я хочу во что-нибудь да верить, // Что-нибудь всем сердцем полюбить!» Стихи эти он опубликовал в журнале «Время», который издавали братья Достоевские.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Н. АПУХТИН

Мимо времени

Ресторанный скандал и дурная слава имели вполне конкретное последствие: Апухтин уехал из Петербурга в провинцию, поселился в своем имении в Орловской губернии и стал чиновником особых поручений при губернаторе. От литературной жизни отошел, политикой не интересовался и даже стихи почти перестал писать. Семь лет он вообще ничего не публиковал, а может быть, даже не писал. Все 60-е годы, бурные, кипящие, сформировавшие целое поколение «шестидесятников», прошли мимо него, не оставив на его творчестве ни малейшего следа: он так и остался тихим камерным лириком. Он трепетно относился к литературному творчеству, долгое время считал для себя невозможным зарабатывать им на жизнь – все равно что продавать любовь за деньги; он не считал себя профессиональным литератором и с гордостью называл себя дилетантом. Борьба литературных группировок внушала ему отвращение. Он писал Чайковскому в 1865 году: «...Никакие силы не заставят меня выйти на арену, загромажденную подлостями, доносами и... семинаристами!» Ему, родовитому дворянину, разночинская литература была чужда, вопросов современности он предпочитал не касаться. Литературным идеалом для него был Пушкин, которого он любил с раннего детства – и о котором прочитал в 1865 году две публичные лекции в Орле «О жизни и сочинениях Пушкина».

Это был редкий случай, когда Апухтин счел необходимым вступить в литературную полемику: он отвечал Писареву на его статью «Прогулка по садам российской словесности», опубликованную в «Русском слове»: в ней автор несколько раз резко отзывался о Пушкине. Апухтин бросился на защиту и по горячим следам, через несколько дней после выхода журнала, прочел свои лекции. В эти годы он довольно часто резко отзывался о демократах-шестидесятниках, с которыми связан его громкий дебют в «Современнике». Нет, он не перестал сочувствовать угнетенному крестьянству, напротив, его новая поэма, «Село Колотовка», – совершенно шестидесятническая, почти некраковская по духу. Однако новая, по-

Санкт-Петербург,
Миллионная улица,
куда А.Н. Апухтин
переехал незадолго
до своей кончины

А.Н. Апухтин.
Шарж
неизвестного
художника

зитивистская эстетика, которую утверждали демократы, была ему совершенно чужда. Возможно, поэтому он оказался не только вне литературной борьбы, но едва ли не вне литературного процесса.

В 1865 году Апухтин вернулся в Петербург и поступил на службу в Министерство внутренних дел. Министерство время от времени посылало его в командировки – то по стране, то за рубеж. В конце 60-х он побывал во Франции, Германии и Италии; итальянскими впечатлениями продиктована чудесная, торжественно-сумрачная поэма «Венеция». Ездил он и самостоятельно, не по казенной надобности – побывал на могиле любимого Пушкина, съездил вместе с Чайковским в монастырь на Валааме.

В конце 60-х Апухтин вдруг стал много и легко писать, хотя публиковался по-прежнему мало; его стихи и поэмы ходили по рукам в списках. В них уже видна рука мастера: легкость слога, мощное поэтическое дыхание, самостоятельность, глубокая лиричность. Но он по-прежнему не считал нужным печататься – и, хотя работал над своими стихами очень много и профессионально, казался обычным светским человеком. В свете его ценили за остроумие, за изящность экспромтов и эпиграмм; он охотно шутил, писал много смешных стихов, слыл хорошим

рассказчиком, ходил в театр, играл в любительских спектаклях – как-то странно даже, что этот светский лев, этот обаятельный толстяк мог по ночам мучиться бессонницей, тосковать и так остро и лично воспринимать рассказ о евангельских событиях: «О, если б я мог // В саду Гефсиманском явиться с мольбами, // И видеть следы от Божественных ног, // И жгучими плакать слезами!» Стихи Апухтина становились все более популярными у читателей. Легкие, певучие, полные замечательно чеканных формулировок – они сами просились на музыку, и композиторы охотно писали ее; так началась слава Апухтина как романсового поэта. И впрямь, лирика его очень годилась именно для русского романса – с его классической рифмой «любовь – кровь», с его надрывом, со-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жалением о невозвратных годах, несбывшихся мечтах и невозможном счастье. Со временем все это стало очень востребовано, поскольку после времени надежд и оптимизма в обществе почти всегда приходит время разочарования и сожаления – и несвоевременные, неактуальные стихи вдруг находят путь к сердцу читателя. В 70-х его если где и публиковали, то в «Чтеце-декламаторе» – апухтинские стихи не только пели, но и охотно читали с эстрады. Публиковаться по-настоящему он стал только в 80-х, и то нужда заставила: Апухтин стал испытывать денежные затруднения. В 1886 году вышел в свет (немалым для того времени тиражом – 3 тысячи экземпляров) первый сборник Апухтина, который принес ему настоящую славу и десять раз переиздавался.

Он жил по-прежнему уединенно, в стороне от любых литературных баталий. Все больше толстел и терял подвижность, шутил над своим ожирением. Его по-прежнему мучили жестокая меланхолия, бессонница и навязчивые мысли. Но если в 70-х его ламентации вызывали в публике мало сочувствия, то в 80-х даже его более ранние стихи стали восприниматься как современные. Он и сам понимал эту болезненную странность наступившего времени – и сам написал о ней в поэме «Из бумаг прокурора». Это история самоубийцы, написанная на основе реальных документов; вопрос о том, что заставляет человека свести счеты с жизнью, живо интересовал Апухтина как художника – а может быть, и как человека... И вот какую характеристику времени он

дает в поэме: «Не я один ищу спасения в покое, – // В эпоху общего унынья мы живем. // Какое-то повеет ли больное – // Зараза нравственной чумы – // Над нами носится, и ловит, и тревожит // Порабощенные умы».

В 80-х Апухтин оказался настолько ко двору, что Блок даже назвал их «апухтинскими»: здесь сам тип апухтинской личности – слабый, изнемогающий под бременем жизни, чувствительной, ущемленной, слабовольной – оказался главным типом эпохи, а поэт – певцом целого поколения. Впрочем, в нем еще слишком сильна была пушкинская традиция, слишком сильно восхищался он художественной мощью своих великих друзей – Чайковского и Толстого, чтобы измельчать до Надсона, перейти от благородных страданий к унылым слабодушным стенаниям. Однако и меланхолия его была слишком сильна, и воля к сопротивлению слишком слаба, чтобы перепрыгнуть через себя и встать наравне с ними, гением рядом с гениями; кажется, не осилил он, не поднял свой талант на ту ослепительную высоту, которая была ему предназначена, – не справился, потух.

И проза его – легкая, стремительная, настоящая «проза поэта» – осталась невостребованной и непрочитанной, хотя и в ней он осторожно ставит вопрос о смысле жизни, о том, что происходит с человеком во время серьезного душевного перелома, жизненного кризиса, о чем он думает и что чувствует на грани жизни и смерти.

Но даже такой – не победивший, не восторжествовавший над жизнью, ненормально толстый и слабый – Апухтин остался великим подспорьем для меланхоликов любой эпохи, потому что, как и Чайковский, помогает перелить страдание и тоску в поэзию, поднять их от бессловесного угрюмого уныния в музыку – а значит, подняться над собой и преодолеть их силой гармонии.

Умер он тяжело. У него началась водянка, он уже не мог лежать – задыхался, поэтому только сидел в кресле, в нем и спал. И почти не говорил, только читал и читал Пушкина – вслух, наизусть. Это была последняя радость жизни, доступная ему до последнего дыхания. ❷

БУДНИ ЗВЕЗДНОГО ДОМА

ДМИТРИЙ
ИВАНОВ
ФОТО АНДРЕЯ
СЕМАШКО

ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКОЙ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ДАВНО СТАЛИ СТАРИННЫЙ КРЕМЛЬ, ЗНАМЕНИТАЯ НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА И ВЕЛИКОЛЕПНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. А НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД В ГОРОДЕ ПОЯВИЛАСЬ ЕЩЕ ОДНА УНИКАЛЬНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ – ПЕРВЫЙ В РОССИИ ЦИФРОВОЙ ПЛАНЕТАРИЙ.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ПЛАНЕТАРИЙ – один из старейших в нашей стране. Он открылся вскоре после войны – в 1948 году. В ту пору наличием планетария могла похвастаться лишь столица. Изначально «звездный дом» размещался в Алексиевской церкви Благовещенского монастыря. Когда в 1991 году монастырь возвратили Нижегородской епархии, соседство храма науки и храма веры стало неудобным. Отношения между планетарием и монастырем сложились напряженные, но, к чести обеих сторон, до коммунальных склок дело не дошло. Городские и областные власти решили, что у планетария должно быть собственное здание, причем оснащенное такой техникой, которая делает путешествие среди созвездий почти реальным.

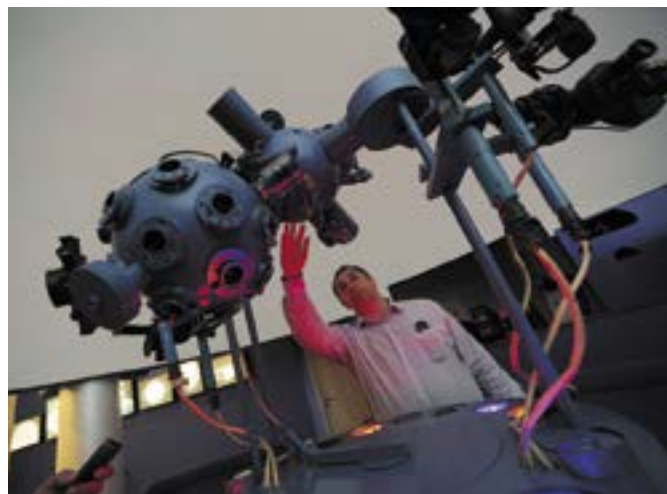
К тому моменту в России планетариев не строили уже несколько десятилетий. Но – лиха беда начало.

Новое здание возвели за полгода. Правда, в декабре 2005 года открылись только небольшие лекционные залы «Планета» и «Астрономия». В первом из них разместили мультимедийную, а также аудиосистему, позднее – оборудование для демонстрации стереофильмов.

Из Алексиевской церкви в новое здание переехал оптико-механический проектор, с помощью которого посетителям прежнего планетария демонстрировали созвездия. Его установили в Малом звездном зале «Астрономия». В этот зал мы пришли в сопровождении директора Нижегородского планетария Александра Сербера. Под небольшим куполом установлен проектор – два полых звездных глобуса. «Внутри каждого из них находятся электролампы, свет которых проецируется на купол, создавая картину звездного неба Северного и Южного полушарий, – объясняет наш гид. – Собственно, это и есть планетарий.

Именно так подобные приборы называют уже почти девяносто лет».

В Малом звездном зале обстановка уютная, почти домашняя. Когда гаснет свет и глаза постепенно привыкают к темноте, а на куполе появляются знакомые очертания созвездий, то кажется, будто ты оказался во дворе собственного дома, освещенного лишь мерцанием звезд. «Мы проводим здесь обзорные экскурсии по звездному небу для небольших групп посетителей до 35 человек, – говорит Александр Сербер. – Проектор позволяет увидеть созвездия в любой точке Земли в любое время года. Можно посмотреть, каким звездное небо будет в Нижнем Новгороде или на Южном полюсе сегодня вечером или через полгода. На 5-метровый купол Малого зала проецируются изображения около 6 тысяч звезд, видимых невооруженным глазом. Но все же главная достопримечательность нашего планетария – Большой звездный зал».

Звездные глобусы
зала «Астрономия»

В Большом
звездном зале
нередко проводят
концерты
классической
музыки

Путешествия по цифровому небу

На большом куполе Нижегородского планетария по несколько раз в день разыгрывается настоящая звездная феерия. Благодаря компьютерной анимации на глазах у зрителей оживают древние мифы Эллады и созвездия превращаются в античных героев: Персей спасает от морского чудовища Андромеду, куда-то спешит охотник Орион, сражается со Львом Геркулес.

– Большой звездный зал открылся 4 октября 2007 года, в день 50-летия запуска в космос первого искусственного спутника Земли, – рассказывает Александр Сербер. – Покупать импортную систему и программное обеспечение оказалось нам не по карману. Тогда планетарий обратился к нижегородским специалистам, и они блестяще справились с поставленной задачей, создав систему визуализации «Аргус «Цифровой планетарий». Это первая и пока

единственная в России разработка такого рода. Нисколько не уступая в качестве зарубежным аналогам, она на порядок дешевле.

Большой звездный зал – это 175 зрительских мест, купол диаметром 16,6 метра, 6 проекторов с компьютерами и один общий управляющий компьютер, синхронизирующий работу остальных. Когда зал открылся, во всем мире лишь 5 процентов планетариев были цифровыми. Так называемые полнокупольные фильмы для них производили европейские и американские компании, и были они недешевы. В Нижегородском планетарии решили наладить собственное производство полнокупольного видео, нашли местных специалистов и создали свою «фабрику грез» – отдел цифровых технологий, который вместе с методическим отделом занялся созданием программ для детей и взрослых. Конечно, поначалу это были фильмы довольно простые, с ограниченным набором

спецэффектов и незатейливой компьютерной анимацией. Но сейчас их качество выросло настолько, что появилась возможность выйти со своей продукцией на российский и международный рынки. Ждут этого и коллеги из планетариев России и СНГ, ведь проблема у всех одна – обновление репертуара. По сей день Нижегородский планетарий – единственный планетарий России, где создаются полнокупольные фильмы. – Дело это очень сложное и трудоемкое, – объясняет Александр Сербер. – Фактически надо снять фильм, который можно показывать на полусферическом куполе, а не на прямоугольном экране. При этом используются компьютерная анимация, 3D-графика, панорамная фото- и видеосъемка, записывается дикторский текст, создается оригинальная музыка, делается аранжировка. Над созданием наших фильмов работает довольно большой коллектив – методисты, режиссер, редакторы, специалисты по компьютерной графике и анимации, звукооператор. Сначала устраиваются прослушивания сценария и закадрового текста. Прежде чем попасть к зрителю, фильм проходит серию внутренних просмотров и обсуждений, на которые мы обычно приглашаем астрономов и астрофизиков из нижегородских научных институтов. На создание одного фильма продолжительностью 40–50 минут уходит от полугода до года. Поэтому мы выпускаем не более одной-двух программ в год, репертуар обновляется медленно. Например, последнюю програм-

Новое здание
Нижегородского
планетария

му для взрослой аудитории мы выпустили два года назад.

Но обо всех сложностях забываешь, едва оказываешься в Большом звездном зале. Когда начинается путешествие по Солнечной системе и из черноты космоса прямо на зрителей надвигаются громадные диски планет, возникает ощущение, будто видишь все это через иллюминатор космического корабля. Ракета мчится среди галактик и туманностей и так стремительно приближается к звездным скоплениям, что невольно захватывает дух. А потом на зрителей обрушивается метеоритный дождь, и вздох восхищения прокатывается по залу. Вокруг бушует настоящий вихрь падающих «звезд» — только успевай загадывать желания.

Ежегодно посмотреть на эти чудеса в Нижегородский планетарий приходит более 100 тысяч зрителей. Приезжают не только из окрестных городов, но и со всего Поволжья — из Кирова, Чебоксар, Муром, Йошкар-Олы, бывают гости из Москвы и Санкт-Петербурга и из-за рубежа. Обычно за один день сотрудники планетария проводят пять-шесть сеансов в разных залах, а во время школьных каникул

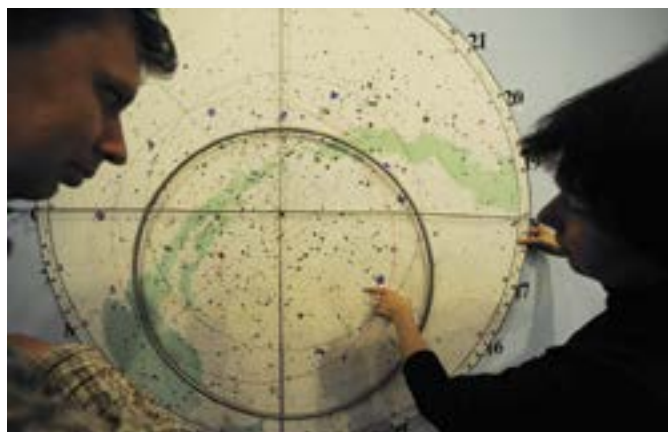
Большой звездный
зал всегда полон
зрителей

порой и этого бывает мало, и тогда количество сеансов увеличивается до десяти. Однако многочисленные гости приезжают не только для того, чтобы попутешествовать среди созвездий и планет. Есть в Нижегородском планетарии и нечто такое, что позволяет любому желающему в буквальном смысле оказаться на месте космонавта.

Наука стыковки

Зал «Космонавтика» никогда не пустует. Здесь рассказывают о нелегкой работе космонавтов и показывают фильмы о том, как им живется на орбите. Кадры космических будней весьма редкие, их не увидишь ни в Интернете, ни по телевизору. Благодаря дружеским связям с

НИЖЕГОРОДСКИЙ ПЛАНЕТАРИЙ

Парад планет
завораживает
любого зрителя

Иногда полезно
свериться
со звездной картой

Ракетно-космической корпорацией «Энергия» и отрядом космонавтов Нижегородский планетарий получает из первых рук, можно сказать, эксклюзивную съемку.

Но все же основное внимание посетителей, как правило, сосредоточено на весьма необычном экспонате, установленном прямо напротив входа в зал. Большой серебристый шар с иллюминаторами, через которые видны многочисленные тумблеры и рукоятки управления, неизменно вызывает повышенный интерес. Это – тренажер ручного сближения и стыковки космического корабля «Союз ТМА» с Международной космической станцией. Точно такой же, как в Звездном городке, в Центре подготовки космонавтов.

Ни в одном планетарии мира ничего подобного увидеть нельзя. А здесь

разрешается не только посмотреть, но и попробовать пристыковать космический корабль к МКС. Для этого после небольшого инструктажа надо забраться внутрь тренажера и занять место командира корабля в одном из кресел-ложементов, в которых располагаются космонавты во время старта с Земли и спуска с орбиты. Управлять кораблем приходится почти лежа. Под руками оказываются рычаги управления двигателями ракеты, прямо перед лицом – экран, отображающий стыковочный шлюз МКС. Специальная компьютерная система имитирует процесс сближения космического корабля и орбитальной станции. Важно не только точно совместить стыковочные узлы корабля и станции, но и выдержать необходимую скорость, отсчет которой ведется по приборам. Если двигаться слиш-

ком медленно, корабль остановится в нескольких метрах от МКС, и все придется начинать сначала. Превышение предельно допустимой скорости грозит повреждением МКС или космического корабля. Для космонавтов риск в этом случае смертельный, поэтому все операции по сближению и стыковке они проводят, надев скафандры.

Вообще, маневрированием и стыковкой на орбите занимается автоматика. Переход на ручное управление – ситуация нештатная. Но бывает так, что техника отказывает, и тогда командиру приходится управлять кораблем вручную. Чтобы неприятных неожиданностей в космосе не было, космонавты получают соответствующие навыки на Земле. После длительных тренировок в Звездном городке каждый из них способен в ручном режиме пристыковать космический корабль к МКС, отстыковать его от станции и перевести от одного стыковочного узла к другому. Одна из самых сложных стыковочных операций в истории космонавтики произошла в июне 1985 года. Тогда искусство маневрирования на орбите продемонстрировал Владимир Джанибеков, которому во время спасательной экспедиции пришлось стыковать корабль «Союз Т-13» к неуправляемой станции «Салют-7».

Космонавты – частые гости Нижегородского планетария. Бывали здесь Георгий Гречко, Игорь Волк, Александр Александров, Виктор Горбатко, Федор Юрчихин, Владимир Джанибеков, Анатолий Березовой, Сергей Трещёв, Герман Арзамасов. Они подтвердили, что местный тренажер – практически точная копия системы управления настоящего космического корабля. Никто из них не отказал себе в удовольствии вновь попробовать силы в ручной стыковке. По словам Александра Сербера, маневрировали наши космонавты великолепно, и все стыковки неизменно заканчивались аплодисментами зрителей. Рядовым посетителям до такого мастерства, конечно, далеко. Но неудачная стыковка – это лишь повод, чтобы прийти сюда вновь. И может быть, поход в Нижегородский планетарий станет для кого-то первым шагом на пути к космосу. ☼

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

**ДМИТРИЙ
ИВАНОВ**
ФОТО **АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

УЗКИЕ И ДЛИННЫЕ КИТАЙСКИЕ, КРУГЛЫЕ ИНДИЙСКИЕ, ОВАЛЬНЫЕ НЕМЕЦКИЕ, ЗИГЗАГООБРАЗНЫЕ ИЗ ГОНКОНГА, РУССКИЕ «АТЛАСНЫЕ», ДЕРЕВЯННЫЕ, МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ И КОСТЯНЫЕ... И ВСЕ ЭТО – ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ!

КОЛЛЕКЦИЙ, ПОДОБНЫХ той, что демонстрируется в Музее игральных карт в Петергофе, во всем мире не более десятка. Ядром уникальных музейных фондов стала коллекция Александра Перельмана, который тридцать пять лет собирал карты и предметы, связанные с карточными играми. Колоды петербургский коллекционер покупал, выменивал, получал в дар. Например, Дмитрий Сергеевич Лихачев подарил Перельману две колоды, некогда принадле-

жавшие Рональду Рейгану. За более чем три десятилетия Перельман собрал свыше 6 тысяч карточных колод и предметов, имеющих отношение к карточным играм. Мечтая об открытии музея игральных карт, он вел переговоры с музеями Царского Села и Петергофа. Но планам этим суждено было сбыться лишь после смерти коллекционера. Музей-заповедник «Петергоф» приобрел собрание Перельмана и на его основе создал Музей игральных карт, в фондах которого сегодня 90 тысяч экспонатов.

Прародителями современных игровых карт считаются карты, созданные в VII веке в Китае. Их предшественниками были игральные кости

Китайская масть

Большинство специалистов сходятся в том, что игральные карты родились в Китае. Первые свидетельства о них в этой стране относятся к VII веку, а уже к XI столетию в Поднебесной стала популярной карточная игра «Турфан». Правда, выставленная в музейной витрине колода не слишком похожа на привычные для нас карты: в узких вытянутых листочках, покрытых иероглифами и орнаментом, сложно признать нынешних джокеров и тузов. Эти карты изготавливали из полосок картона с предварительно оттиснутым рисунком.

По соседству с картами из Китая – индийская колода «Ганджифа», которая, по легенде, была создана основателем империи Великих Моголов падишахом Акбаром. Делались такие карты из ткани, раскрашивались темперой и покрывались лаком.

Настоящая редкость – персидские карты, в собрании музея таких четыре. Каждую из них украшают нарисованные главные персонажи игры «Ас-Нас» – жена падишаха Биби, на-

ложница Лаккат, гвардеец падишаха Сарбаз и гербовый персидский лев.

«Принято считать карты синонимом азарта и порока, – объясняет заведующая отделом «Новые музеи и выставки» Государственного музея-заповедника «Петергоф» Анна Луговая. – Но, например, на Востоке карты часто имели другое

назначение – образовательное. Вот японская колода для игры «Сто поэтов», созданная на основе поэтического сборника XIII века. На картах изображены поэты и строфы из их стихотворений. Игрок должен был найти на своих картах продолжение строфы, зачитанной ведущим. Победа в таких поэтических состязаниях считалась почетной».

МУЗЕЙ ИГРАЛЬНЫХ КАРТ

Европейское турне

Рыцари, вернувшиеся из крестовых походов, привезли в Европу много диковинных вещей, в том числе и карты. Европейцы с увлечением принялись придумывать новые карточные игры, колоды и масти. О триумфальном шествии карт по Европе свидетельствуют запретительные указы, появлявшиеся в Италии, Испании, Германии, Франции, ведь карточная игра считалась богопротивной. Первые такие документы относятся к середине 70-х годов XIV века. Однако вскоре власти осознали, какие доходы теряют от запрета карточной игры, а потому стали облагать игорные дома пошлиной и отдавать производство карт на откуп. Первые европейские карты были весьма разнообразны. В музее можно увидеть колоды, в которых масти обозначаются мечами, жезлами, монетами, чашами, листьями... Столь же разнолики персонажи, изображенные на картах. Правда, все они были мужского пола, дамы на картах появились позже.

Одним из крупнейших экспортеров игровых карт в XV–XVIII веках была Германия. Едва ли не в каждом княжестве существовали свои мастерские по производству карт. В Петергофе можно увидеть даже редчайший экземпляр так называемой «Колоды с разносчиками», созданной в 1690 году в Аугсбурге.

К XVI веку карты несколько унифицировались, сложилась знакомая нам система мастей. Хотя в некоторых странах, например в Германии и Италии, до сих пор используются непохожие на современные старинные масти.

Считается, что на игровых картах изображены следующие персонажи: король червей – Карл Великий, король пик – библейский царь Давид, король бубен – Юлий Цезарь, а король трэф – Александр Македонский. Исторические сюжеты, военные сражения и выдающиеся личности вообще весьма распространенные темы карточной «живописи». Едва ли не самым обильным источником такого рода сюжетов стала эпоха наполеоновских войн. На небольших листочках картона были запечатлены кавалерийские атаки и осады крепостей. Хранится в Петергофе и колода, выпущенная в память о долгождан-

ном мире, воцарившемся в Европе в 1815 году после взятия Парижа войсками союзников. На ней – главные действующие лица минувшей войны, полководцы и монархи. Еще одним напоминанием о наполеоновских войнах служит единственный в своем роде экспонат музея – миниатюрные карты, домино, кости и шкатулка для них, вырезанные из кости. Все эти предметы были сделаны французами, попавшими в плен к англичанам. Видимо, жилось пленным неплохо, поскольку материалом для творчества им служили кости, выловленные из супа.

Не ходи к гадалке

«Нередко целью изготовления колоды была не только игра, – рассказывает Анна Луговая. – Поэтому в нашем музее наряду с игральными картами собраны агитационные,

пропагандистские, рекламные, образовательные, эротические, сувенирные, юбилейные, сатирические. Отдельный зал музея посвящен гадальным картам».

На такие колоды можно полюбоваться в гостиной гадалки. Здесь на столе, покрытом зеленым сукном, стоят свечи, раскинута колода. Рядом – песочные часы: сеанс гадания длился 40 минут.

Гадание на картах обрело в Европе большую популярность в конце XVIII – начале XIX века. А карты Таро появились отнюдь не в Древнем Египте, как считают поклонники оккультизма, а распространились по миру из Италии, где их придумали в 40-х годах XIV века для игры «Тарок». Всплеск интереса к гаданию на картах связывают с именем французского парикмахера Алиетте. Увлечшись оккультной литературой, он за-

Одно из популярных изданий конца XIX века – руководство для гадания по картам (вверху).

Карты нередко связывали с эзотерическими знаниями, о чем напоминает эта статуэтка средневекового оккультиста (внизу)

бросил свою профессию, создал на основе карт Таро собственную систему гадания, взял себе псевдоним Эттейла, под которым вошел в историю как знаменитый предсказатель. В Петергофе хранится несколько раритетных колод «Большой Эттейла» середины XIX века, испещренных эзотерическими знаками, изображениями планет и созвездий. Последовательницей Эттейлы стала знаменитая французская прорицательница Мари Ленорман. Ее предсказания, казавшиеся невероятными, поражали современников точностью. В XIX веке ее имя было столь популярно, что по всей Европе издавались руководства и карты для гадания по системе мадам Ленорман. Она напрооричила скорую гибель явившимся к ней Робеспьеру, Марату и Сен-Жюсту, предсказала тогда еще никому не из-

вестному офицеру-артиллеристу Бонапарту головокружительную карьеру, императорский трон и бесславный конец. А в 1814 году, когда войска Александра I вошли в Париж, салон знаменитой гадалки посетили три русских офицера – Михаил Лунин, Кондратий Рылеев и Сергей Муравьев-Апостол. Всем им мадам Ленорман предрекла гибель, причем утверждала, что они будут повешены. Это пророчество выглядело нелепым. В то время смертные приговоры в России не выносили, а уж повешение – казнь позорная – к выходцам из благородного сословия не применялось. Как гласит легенда, услышав предсказание, Муравьев-Апостол предположил, что мадам Ленорман перепутала русских гостей с англичанами. Но в 1826 году Рылеева и Муравьева-Апостола как руководи-

телей восстания декабристов отправили на виселицу, лишив дворянского звания. Ошиблась Мари Ленорман только в отношении Лунина, который умер в тюрьме, проведя до этого десять лет на каторге.

Игра по-русски

В Россию карты пришли из Европы в Смутное время. И хотя они быстро приобрели популярность, первые русские цари из династии Романовых, Михаил Федорович и Алексей Михайлович, памятуя о благочестии, к которому азартные игры не располагали, карты не любили. Указы и законы, грозившие любителям азартных игр суровыми карами, появлялись регулярно. Например, Соборное уложение 1649 года, запрещавшее карточные игры, предписывало нарушителей не только бить кнутом и батогами, но и, при отягчающих обстоятельствах, отсекал им уши, носы, руки. Правда, на деле все было иначе: на азартные игры, приносящие ощутимый доход государственной казне, смотрели сквозь пальцы. Петр I в карты играть не любил, но именно в его правление в Москве появились две фабрики, выпускавшие карты. Анна Луговая подводит нас к одной из музейных витрин, под стеклом которой – три потрепанные временем карты. «Этими картами играли рабочие, строившие Адмиралтейство, – объясняет

она. – Их нашли недавно в одном из перекрытий при реставрации здания. Карты петровского времени. Вероятно, рабочие обронили их, и они пролежали почти три столетия, пока не оказались в нашем музее».

Отношение к картам в России изменилось в период «женского правления». Уже при Анне Иоанновне карточные игры перестали быть кабацким развлечением, переместившись в великосветские салоны. Любопытно, что в знаменитом Ледяном доме, выстроенном по приказу Анны Иоанновны, среди прочих вещей были и колоды карт. С воцарением Елизаветы Петровны карты были окончательно легализованы. В 1761 году императрица издала указ, разделивший карточные игры на дозволенные коммерческие и запрещенные азартные. Коммерческими считались игры (например, ломбер и пикет), результат которых зависел не от случая, а от умственных способностей и мастерства игроков. Дворянам разрешалось играть в них дома, «на самые малые суммы денег, не для выигрышу, но единственно для препровождения времени». К азартным были отнесены игры, выигрыш в которых определялся лишь удачей. Такие запрещались повсеместно. Исключение было сделано только для дворцов Ее Императорского Величества. Здесь играли покрупному в фаро, квинтич и, конечно, в фараона – фаворита карточных игр Галантного века. С восшествием на престол Екатерины II карточные игры в России достигли расцвета. Во время балов и маскарадов, которые устраивали в императорских дворцах, несколько комнат непременно отводилось для игры в карты. Сохранились свидетельства, что на карнавале, устроенном по случаю рождения внука Александра, Екатерина II раздавала по бриллианту каждому, кто в игре макао имел 9 очков. За один вечер императрица раздала 150 драгоценных камней.

В XVIII–XIX веках в России существовала целая индустрия, удовлетворявшая потребности любителей карточных игр. Об этом свидетельствуют собранные в музее предметы, которыми пользовались картежники. Шкатулки и коробочки для карточных колод, жетоны и фишки, на которые велась игра, мелки для

В Музее игральных карт шесть залов, в каждом из них выставлены десятки карточных колод, многочисленные аксессуары и атрибуты игры

записей результатов игры на сукне стола и расшитые бисером чехольчики к ним, инкрустированные серебром и костью щетки, которыми эти записи стирали, лотки для жетонов, украшенные карточной символикой подсвечники...

В XIX веке из моды вышли показная роскошь и праздность. Пристрастие к азартным карточным играм общество порицало. Однако на деле карточными играми не пренебрегали. Игра в дворянской среде по-

прежнему была очень распространена. Нередко за ломберным столом спускались целые состояния.

«Совершенно невообразимый случай произошел в царствование императора Александра I, – рассказывает Анна Луговая. – Князь Голицын проиграл в карты... свою жену. Дело было так. К красавице-княжне Марии Григорьевне Вяземской посватался князь Александр Николаевич Голицын. В обществе князь снискал репутацию не самую лестную – мот,

МУЗЕЙ ИГРАЛЬНЫХ КАРТ

Непременная деталь интерьера светского салона конца XIX века – ломберный стол, за которым проводили время в игре хозяева и гости (вверху). Детский пасьянс середины XIX века с изображением географических карт российских губерний (внизу)

транжира, любитель кутежей. Но огромное состояние делало Голицына женихом завидным, и Вяземские согласились отдать за него свою дочь. Брак этот не был счастливым, Мария Григорьевна едва могла терпеть Голицына, в свете судачили, будто князь даже поколачивает юную жену. В Марию Григорьевну влюбился граф Лев Кириллович Разумовский – хлебосол, покровитель наук и искусств. Чувство оказалось взаимным. Не зная, как избавить свою возлюбленную от домашних мучений, Разумовский даже хотел вызвать Голицына на дуэль. Однако сошлись они за карточным столом. Игра длилась всю ночь. Голицын, завзятый картежник, денег не жалел, но проигрывал раз за разом. Кутру проигрался в пух и прах. Тогда Разумовский и предложил Голицыну поставить на кон жену в обмен на весь свой выи-

грыш. После некоторого колебания Голицын согласился и снова проиграл. Разумовский, как и обещал, оставил Голицыну все его деньги, забрав Марию Григорьевну. На следующий день эту скандальную историю обсуждал весь Петербург. Марии Григорьевне удалось добиться развода с Голицыным, а затем она обвенчалась с графом Разумовским. Однако после того, что случилось, появляться в свете она не могла. Разумовские выезжали лишь к родственникам на небольшие семейные торжества. Как-то раз на один такой праздник в доме у Кочубеев неожиданно приехал Александр I. Император громко, чтобы слышали все, обратился к Марии Григорьевне: «Графиня, не можете ли вы мне честь танцевать полонез со мной?» Этого танца было достаточно, чтобы вернуться в высшее общество».

Век XIX стал и временем расцвета шулерства. В Музее игральных карт можно почувствовать себя профессиональным игроком. Одна из витрин устроена так, что посетитель оказывается на месте шулера и, когда включается лампа, имитирующая зажженную свечку, стоящую на столе, видит все масти крапленой колоды карт, которые держит противник.

В 60-е годы XIX века несколько русских художников работали над созданием национального типа карт. Наиболее удачными оказались эскизы, предложенные академиком живописи Адольфом Шарлеманем. За основу он взял французский тип карт, но сделал их более лаконичными, лишеными ненужных деталей. Эти карты, печатавшиеся в четыре краски, завоевали популярность, неоднократно получали призы на выставках в Париже и Чикаго. Анна Луговая показывает привычную, знакомую с детства колоду: «Да-да, это те самые карты, которые и сейчас есть едва ли не в каждом доме. Созданные полтора века назад, они по-прежнему успешно конкурируют с картами, которые придумывают сегодня».

В XX веке появились агитационные карты. Вот антирелигиозная колода, изданная в 20-х годах: досталось всем конфессиям, обвиненным в разврате, чревоугодии, пьянстве и меркантильности. Рядом – карты «революционные», на которых Маркс, Ленин, Троцкий и другие коммунистические лидеры изображены в весьма ироничной манере. А вот другая колода, на ней российские политики, некогда входившие в кабинет министров Михаила Фрадкина.

Были и антифашистские карты, сделанные в блокадном Ленинграде. Их автор – художник Василий Адрианович Власов. Ученик Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, великолепный график, он в 1942 году по заданию Политуправления Ленинградского фронта подготовил эскизы карт, на которых фашистские вожди предстали в неприглядном виде. С неимоверным трудом карты были отпечатаны в осажденном городе, а затем их разбрасывали с самолетов над позициями немцев. Говорят, эти колоды поисковики находили на месте боев. Оказывается, карты еще и воевали... ■

БЕЗРАЗМЕРНОЕ СЕРДЦЕ

**ЕВГЕНИЙ
РЕЗЕПОВ**
ФОТО АНДРЕЯ
СЕМАШКО

ЗА ДОБРЫЕ ДЕЛА АСГАТУ ГАЛИМЗЯНОВИЧУ ГАЛИМЗЯНОВУ ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ ПОСТАВЛЕН ПАМЯТНИК В КАЗАНИ.

КАЗАНСКИЙ ДОМ ДЛЯ СИРОТ поменял прописку в 1982 году: из старого деревянного здания он переехал в новое, на улицу Ямашева, в 8 километрах от центра Казани. Пейзаж здесь был нерадостный: детей выводили гулять на пустырь, оставшийся после стройки, где они копались совочками в песке. Гости сюда заходили редко, приезжали обычно лишь доктора да проверяющие. О переполненном доме для сирот, которым не всегда зимой и варежек-то хватало, старались не говорить.

Чтобы помогать другим

...Однажды в воротах детского дома остановилась повозка, запряженная лошадью. Возчика, вылезшего из нее, сотрудники детдома сначала приняли за деревенского жителя, который ищет своего ребенка. Такое случалось. Но... «Яблоки, груши, апельсины для детей возьмете? – спросил гость, с трудом подбирая русские слова. И, упредив вопрос, добавил: – Не надо денег!» Сотрудники удивились. В те далекие годы эти фрукты были не всем доступны. Купить их можно было

Памятник
Благотворителю,
прообразом
которого стал
скромный
возчик, создан
на средства
и по инициативе
президента
Татарстана
Минтимера
Шаймиева
в 2008 году

на Казанском рынке, но стоили они немало.

Еще странный гость предложил покатасть детей на своей повозке по двору детского дома. Впервые многие дети увидели лошадь, с восторгом рассматривали бронзовые бляхи на упряжи и большие поддужные колокольчики. Шума было! Улыбок! С того дня Асгат Галимзянович Галимзянов стал часто появляться в детдоме. Его повозка всегда была заполнена гостинцами, каждый визит заканчивался катанием. Однажды он привез гармошку «Казань», играл для детей в доме по причине плохой погоды. Тогда-то и увидел скромную казенную обстановку, обшарпанную мебель, заштопанное постельное белье. Узнал, что часто дети не могут выйти на прогулку из-за нехватки теплой одежды. В следующий визит Асгат Галимзянович привез в повозке детские шубки из натурального меха...

Сотрудники детдома уже знали, что гость трудится самым обычным возчиком в Казанском райпищеторе, у него двое детей, ночами он сторожит большой Казанский ры-

нок, а еще держит подсобное хозяйство – выращивает свиней. Об этом Асгат Галимзянович рассказал сам.

...Чтобы дети не играли на унылом пустыре, он перевел деньги, на которые территория была засажена елями. На врачебные консультации детей возили на «москвиче». Эта же «железная лошадка» ездила за продуктами на базу. «Москвич» был старенький, часто ломался – сплошное недоразумение, а не машина. Асгат Галимзянович однажды изменил своему правилу и въехал в ворота не на своем любимом Орлике, а на новенькой ярко-желтой «ниве». Ключи от нее он передал детдому. Затем были куплены детская мебель, велосипеды, телевизор и даже автобус. «Я живу, чтобы помогать другим!» – ответил он как-то сотруднице детдома Светлане Ивановне Деркач на ее очередные удивленные вопросы. А потом рассказал, что дома лежит тяжело больная жена Роза. Возможно, скоро умрет... Ну а то, что Асгат Галимзянович всегда одет в одну и ту же одежду с протертыми локтями, испачканную на коленях, объяснялось не тем, что

жена больна, а нежеланием тратить на себя деньги. «Вы себе хоть что-то оставляете?» – спросила Светлана Ивановна. «Я уже большой мужик. Сейчас белый и черный хлеб есть, а в детстве крапиву ел...» – ответил он и стал выгружать из повозки новые подарки.

Правда, простой возчик проявлял деловой подход и строго следил, чтобы фрукты, которые он привозит, шли только детям. За плохое обслуживание подаренных машин он мог поругать. Спрашивал, на что идут деньги, которые он перечислял на счет учреждения. Долго сетовал, что ели, посадку которых оплатил на пустыре, оказались не голубые, а зеленые.

Удивительный возчик

Возчика магазина №110 Бауманского района Казани продавщицы считали чудачком. Желающих возить на повозке продукты с базы райпищеторга долго не находилось. А потом появился Галимзянов, который, узнав, что работа связана с лошадью, обрадовался как ребенок.

Он не курил, не пил, как предыдущие работники. Бойкие продавщицы быстро выяснили биографию нового возчика. Лошадь и повозку он купил по случаю на распродаже. До этого работал на Казанском химводинате им. Вахитова, откуда ушел из-за аллергии на стиральный порошок. Врач советовал работать поближе к природе – но как найти такое место в большом городе, где он, бедный парень из далекого села, боялся даже звона трамваев и недостаточно хорошо знал русский язык? Чтобы получить паспорт (тогда в колхозах паспорт на руки не давали), он после армии поступил на три года в городскую милицию. Служил постовым милиционером, сумел даже задержать вора с украденным чемоданом. Но от начальства ему часто доставалось: пьяниц, найденных на улице, Галимзянов отводил не в медвытрезвитель, а домой – к их женам. Из жалости. Подсмеивалось над ним все отделение. Уже тогда при виде Асгата Галимзянова некоторые крутили пальцем у виска.

...Подсмеивались над Асгатом и грузчики в подсобках магазина №110, но ценили за честность. Чего только не поручали ему возить с

Детской мечтой
Асгата Галимзянова
было стать
музыкантом,
поэтому гармошка
сопровождает его
всю жизнь

базы в магазин на лошади – ничего не пропадало с повозки! На любую злую шутку в свой адрес, на прозвище «водитель кобылы» новый возчик в ответ лишь улыбался. А когда он катал на своей лошадке уличных мальчишек, то в нем даже находили сходство с популярным клоуном Юрием Никулиным. Детвора за возчиком ходила гурьбой: им он покупал печенье, шоколад, лимонад.

Асгат Галимзянов сердился только тогда, когда пьяные пускали сигаретный дым в морду его верному Орлику. Пьяных он не любил, бездельников тоже. Сам свободные минуты тратил на ремонт деревянных ящиков, подрабатывал. У него всегда можно было взять в долг, но часто долги ему не возвращали. А иногда он и сам не брал деньги, которые ему отдавали. Делал вид, что не понимает, о чем речь.

Он был известен своей добротой даже всему Казанскому отделению

железной дороги. В барак на пристанционном пустыре, где Галимзянов жил, являлись пассажиры, отставшие от поезда. Его адрес им подсказывали дворники вокзала: «Во всей Казани только этот чудаков вам поможет!» И он действительно поил, кормил, оставлял ночевать и ссужал деньгами на билеты. Конечно, лишь после того, как выяснял, что перед ним не пьяница и не жулик. Кто-то, наверное, и обманывал... Но на обман Асгат Галимзянович если и жаловался, то только своему Орлику.

О том, что возчик помогает детским домам, на работе – в магазине №110 – узнали случайно. Асгат Галимзянович грубыми руками долго ловил в кармане не дающуюся в пальцы ручку и нечаянно выронил на пол стопку квитанций. Некоторые продавщицы его неграмотным считали, а тут столько серьезных до-

кументов! Посмотрели в них и ахнули: главное в простаке Асгате просмотрели! Квитанции почтовых переводов на суммы, которые многим даже и не снились. На десятки тысяч советских рублей! «Асгат! Ты на повозке едешь, а сам подпольный миллионер!»

Такая богатая помощь в те годы, тем более от частного лица, была поразительна и подозрительна. Слухи о странном благодетеле детдомов поползли по городу. Сумасшедший! Чудаков! Замаливает грехи!

За дело взялась прокуратура. Но ее проверки показали, что ничем незаконным Галимзянов не занимается: выращивает в сарае свиней, продает на рынке, деньги отдает сиротам. Галимзянову мешали заниматься филантропией административными способами: ограничивали в количестве голов скота, которые он мог содержать, предупреждали о сносе

Самый известный меценат СССР, как тогда называли Галимзянова, установил на свои средства в 1987 году на территории казанского Дома ребенка №1 скульптурную композицию «Сказка»

дома и свинофермы, которые он соорудил «без разрешения»... Но все равно его полная подарков повозка появлялась в воротах детдомов. Администрации этих учреждений и вступились за своего благодетеля. А после того, как он был приглашен делегатом на первую конференцию Детского фонда СССР и был принят лично генсеком КПСС Михаилом Горбачевым, городские власти даже помогли Галимзянову оформить в аренду пустырь рядом с рынком, где он построил ферму и стал брать на откорм до 300 бычков. Деньги он по-прежнему отдавал сиротам. Всего он передал детским домам республики около 80 автобусов, а суммы денежных переводов не поддаются исчислению, так как учета им Галимзянов не вел. Только в Фонд мира он перечислил 600 тысяч советских рублей! Сегодня этому удивительному человеку, который по-прежнему жи-

вет в старом бараке на пустыре у станции и по-прежнему помогает детям-сиротам, поставлен бронзовый памятник под стенами Казанского кремля. Мужчина в сапогах, с закатанными рукавами ведет под уздцы запряженную в повозку лошадь. А в ней сидят дети с учебниками и ранцами...

Можешь помочь – помоги

...В татарских семьях мальчики с ранних лет работники. Уже в 7 лет Асгат наравне с взрослыми заготавливал на зиму сено для баранов. На детские игры и шалости времени не было. По ночам в сарае он лепил из глины кирпичи на продажу. В селе Булым-Булыхчи, где жила его большая семья из девяти человек, этот кирпич ценился, хотя никто не знал, что он сделан тонкими мальчишескими руками. Друзья научили его играть на гармошке, и Асгат

ходил на сельские свадьбы, откуда возвращался с подаренными платками, которые отдавал матери и сестрам. Несмотря на все трудолюбие Галимзяновых, кусок хлеба в военные и послевоенные годы на столе был редкостью, питались травой. Мать на рассвете посылала Асгата рвать крапиву для супа на завтрак. Однажды в поисках хлеба мальчика отправили в соседнее село, он упал на дороге без сил. Асгат не запомнил лица мужчины, который нагнулся над ним. Запомнил лишь вкус хлеба из чужих рук.

Возвращение отца с фронта ненадолго облегчило жизнь семьи. Мешали ему работать не только тяжелые ранения, но и честность. Соседей, из тех, что позажиточнее, отправляли в ссылку. Предложенные золотые кольца в обмен на теплые носки и хлеб отец Асгата не взял, но все домашние припасы и шерстяные вещи отдал... К своим детям относился строго. Отец же и научил Асгата обращаться с лошадьми. Дома хранилась старинная красивая упряжь с бронзовыми бляхами и большими колокольчиками, оставшаяся от рысаков деда Хасана. Колокольчики отец надевал на дугу только в праздники. В обычные дни отец возил зерно в телеге. Останется горсть зерен – сам не возьмет и сына по рукам стукнет. Резал отец колхозного барана – себе грамма мяса не брал. Больная соседка посылала Асгата вынимать яйца из-под ее кур – он приносил все до одного. И считали в селе, что счастья Асгату с такой честностью в жизни не видать. А он окончил восемь классов, работал в колхозе, служил на Дальнем Востоке, а после милиции и химкомбината найденную работу возчика посчитал удачей.

Сторожить Казанский рынок его звали, прослышав от продавщиц о его абсолютной честности. Трудно не соблазниться тем обилием, которое доставлялось на этот знаменитый волжский рынок. Таких сладостей и фруктов Асгат даже в детских снах представить не мог! На ночь он становился хозяином всего этого богатства... Чего только торговцы не оставляли – во время дежурств Галимзянова ничего не пропадало! Для охраны рынка он завел собак, которых натаскивал так, что даже

из милиции приводили овчарок на воспитание. Продавцы арбузов и дынь, у которых часто воришки укачивали товар, как мячи, специально поручали Галимзянову охранять их пирамиды. Он сделал тележку, на нее будку из фанеры приладил и так перемещался за арбузами по рынку. Тогда на рынок на автомобилях заезжать запрещали, а днем торговцам надо было перевозить горы арбузов с одного места на другое. И Галимзянов стал развозить арбузы на своей тележке по рынку. Потом и лошадь вместо собак стал запрягать. Спрос на такое «базарное такси» оказался огромным...

Способов заработать на рынке он находил много, но самый главный увидел в гнилых арбузах, дынях и фруктах. Зачем ими мух кормить? Этими отходами он откармливал свиней в своем сарае. На повозку и на само занятие Галимзянова смотрели с брезгливостью, но свинину его брали на рынке охотно. Строгих работников сберкасс выходец из бедной крестьянской семьи боялся: стеснялся своей неправильной

Республиканский дом ребенка специализированный своего первого благотворителя не забывает. Асгату Галимзянову посвящена выставка. Он почетный гость на всех праздниках, что проходят в учреждении

речи и вопросов о происхождении капитала. Поэтому вырученные деньги Асгат бросал в эмалированный таз под кроватью. Караулила сбережения собака, даже родных не подпускала. Теще такое отношение к деньгам не нравилось: «Асгат, сделай ты с этими деньгами хоть что-нибудь! Или их украдут, или задерет меня собака твоя». Тогда он и вспомнил наставление отца: «Есть возможность помочь людям – даже не думай. Себе еще работаешь». А тут еще вечерами теща

много рассказывала о подмосковном детском доме, куда ее отправили вместе с другими детьми из голодающего Поволжья. О детских домах Асгат часто слышал и от покупательниц на рынке и в магазине. Унимая капризничавших детей, женщины страшили их детским домом. Даже самые буйные малыши умолкали.

...Возвращался из той первой поездки в Дом ребенка для сирот Галимзянов как в угаре. Гнал своего Орлика по улице так, что обгонял трамваи.

Среди наград Галимзянова орден Трудового Красного Знамени, Золотая медаль имени Льва Толстого – за выдающийся вклад в дело защиты детства, орден Святого Андрея Первозванного – за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России

Галимзянову со словами благодарности и просьбами о помощи со всех концов страны сюда – в старый барак рядом с Казанским рынком.

...Сию в скромной комнате Галимзянова, слушаю его рассказ и не могу не спросить, чем он руководствуется. Этот вопрос ему задавали много раз. Он наклоняется всем корпусом вперед, словно против ветра, и убежденно говорит: «Людам пример хотел показать! Как думаете – получилось?»

В открытые окна доносятся голоса с Казанского рынка. Этот красочный и шумный восточный рынок знает о своем знаменитом соседе. Каждый сантиметр здесь на учете. И потому рыночным торговцам, при всем уважении к Асгату, досадно, что нельзя воспользоваться пустырем перед его баракком. Напрасно отцы и деды торговцев твердили своим наследникам, что не ради наживы пахал как лошадь Галимзянов. Это двадцать лет назад пустырь отдали Галимзянову как мусорную свалку, а теперь он – потенциальное «золотое место». Молодежь бы там развернулась, понастроила бы складов и торговых рядов...

Появилась у них надежда, что возраст и болезни заставят Галимзянова уехать в свою благоустроенную двухкомнатную квартиру на улице Татарстан. Какая ведь жизнь в бараке? Комната Галимзянова на замок не закрывается. Воду хозяин держит в чанах и бочках. Единственные украшения старых стен – рисунки и поделки ребят из детских домов. В углу свалены стоптанная обувь, рабочие халаты, кепки. На самом почетном месте – старинная конская сбруя его деда с колокольчиками. Как тут можно жить 75-летнему человеку?

Но он опять удивил всех. Свою квартиру безвозмездно передал беженцам из Казахстана. Думали, уедет в свое родное село, где он отремонтировал родовой дом. Дом-то отремонтировал, но передал под детское учреждение! Но последние надежды торговцев убивает не то, что Асгат Галимзянович открыл на пустыре платную контейнерную площадку, стоянку для грузовиков, оборудовал хранилище для овощей и фруктов, чтобы иметь возможность еще больше помогать детдомам. Нет. На этом «золотом месте» он хочет обустроить площадку и катать детей на пони! 🐾

Детские глаза, короткие рукава, заплатки на штанишках, крики: «Папа, папа приехал!» заставили вспомнить крапиву на столе, кирпичи в сарае и пустой стол в родительском доме. Он торопился домой узнать, сколько денег скопилось в том тазу. Все их он собирался отдать сиротам. Чтобы заработать еще денег, он увеличил количество свиней и завел коров. Потом кур. Купил цыплят, а половина оказались петухами. На их утренний концерт соседи написали жалобу, а заодно пожаловались на шум и запах из сарая. Тогда для свиней он вырыл погреб под металлическим гаражом, в котором стояла лошадь. Утеплить, осветить, приспособил вороток – ведра поднимать и опускать. Каждую ночь запрягал в санки своих собак и вывозил на свалку навоз. Лошадью не пользовался, чтобы не привлекал внимания стук копыт. Вставал в три часа ночи. Доходы он делил на три части: своей семье, на развитие хозяйства и на поддержку домов для сирот. Первая часть была самой маленькой. Жена Роза его всегда под-

держивала. Она работала лаборанткой на меховой фабрике. Для этого доброго и скромного человека, как и для Асгата, материальные блага были не самым важным делом. Как и муж, она знала, что в мире есть люди и гораздо более обделенные. После смерти жены управляться с хозяйством Асгату помогали его сын Радик и брат Талгат. С их помощью он за одно лето расчистил пустырь рядом с Казанским рынком, построил ферму, запустил бычков. В 90-е Галимзянов оформился фермером. Траву для бычков косил по ночам на городских пустошах и оврагах. Даже на зеленые склоны под стенами Казанского кремля забирался с косой. Помимо детских домов республики Галимзянов оказывал помощь пострадавшим от землетрясения в Спитаке (Армения), детям, что пострадали при аварии на Чернобыльской АЭС, чилийским семьям, пострадавшим от военной хунты, детям погибших моряков с атомной подводной лодки «Курск», перечислял денежные средства в помощь Южной Осетии. Тысячи писем приходили к

СЛЕД В ИСКУССТВЕ

**ОКСАНА
ПРИЛЕПИНА**
ФОТО ПАВЛА
ГОЛОВКИНА

ОТСТАВНОЙ ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ ЕВГЕНИЙ КОШКИН ПРЕДЛАГАЕТ СОЗДАТЬ ЕДИНУЮ МИРОВУЮ БАЗУ ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ ВЕЛИКИХ ХУДОЖНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЕ В КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО МЕТОДА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ КАРТИН.

МЕТОД КОШКИНА ПРОСТ, как арифметика. Если на картине есть отпечаток пальца Айвазовского, значит, автор – Айвазовский. Другое дело – как узнать, кто оставил отпечаток?

С современными авторами понятно, что делать, – дактилоскопировать. С некоторыми советскими авангардистами тоже разбираться просто, к счастью или несчастью. В базе МВД России хранятся отпечатки пальцев Казимира Малевича и других художников, чья судьба в годы репрессий сложилась трагически. А что делать с теми, кого уже нет в живых и у кого отпечатки пальцев никто никогда не снимал? В этом случае авторство устанавливается с определенным уровнем достоверности. Если на большинстве картин, приписываемых Айвазовскому, встречается один и тот же отпечаток, то с вероятностью во столько-то процентов он принадлежит Айвазовскому. Если отпечаток совпадает с тем, который имеется на бесспорной работе Айвазовского, – то эта вероятность возраста-

ет. «На стопроцентную истину я не претендую, – поясняет Евгений Кошкин, кандидат технических наук. – Этот метод следует рассматривать как дополнительный к множеству уже имеющихся методов атрибуции. Почему бы не использовать еще и его?» Тем более что искусство подделок в живописи не стоит на месте: так, по некоторым данным, на мировом рынке гуляет по меньшей мере 60 тысяч работ Айвазовского. Если поделить их на годы жизни художника, то получится, что Иван Константинович писал по две картины в день начиная с первых дней жизни и без выходных. Отпечатки в масляной краске «живут» столько же, сколько само полотно. И на очень многих картинах они есть. «Тёрнер писал пальцами, его легко в случае сомнения определить по отпечаткам и рук, – говорит Евгений Кошкин. – У меня есть сведения, что в работах и документах Леонардо да Винчи найдено порядка 250 отпечатков пальцев, на одной из картин Рембрандта прекрасно сохранился объемный отпечаток пятерни. Легко разбираться с Ван Гогом и Гогеном, которые постоянно писали с натуры фактурными мазками, а, значит, невысохшую работу паковали и несли домой. Дома распаковывали и могли не раз переставлять невысохшую работу. Краска сохнет неделю. Отпечатки остаются, когда сырое полотно несут в руках, перемещают по мастерской, снимают с мольберта, освобождая место под новый холст, или когда его дарят, едва дописав». Свой метод Евгений Кошкин испытывал неоднократно, потому что идею вынашивает уже двадцать лет.

Все началось с портрета Александра Пушкина. Художники, друзья Евгения Кошкина, для апробации его метода представили ему для экспертизы четыре одинаковых портрета Пушкина и попросили определить, какой из них написал Юрий Павлов, а где – копии, написанные другим художником. Взяв из домашней коллекции павловский натюрморт как базовый, полковник милиции отправил натюрморт и четыре портрета Пушкина на сравнительную дактилоскопическую экспертизу – и безошибочно решил задачу. Дальше он усложнил задание. Взяв 24 ученические работы кисти четырех авторов, он задался целью определить своим методом, где чья работа. В итоге правильно были определены 16 из 24. В трех оставшихся случаях, по мнению специалистов, отпечатки были непригодными для идентификации, на пяти работах – отсутствовали. Несколько лет назад методом заинтересовались эксперты, и Евгения Кошкина пригласили на VI научную конференцию Третьяковской галереи «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства». Правда, дальше выступления в прениях дело не пошло, хотя идея была одобрена. После этого прошли публикации в газетах и журналах, в том числе за рубежом. Но затем от Третьяковки последовал неожиданный отказ от сотрудничества. «Третьяковка свой отказ объяснила довольно расплывчато, – рассказывает Евгений Кошкин, – «не наш формат». Я думаю, они просто не захотели пускать в свое хозяйство еще и милицию». Милиция поначалу

также не встретила идею с энтузиазмом. Эксперты-криминалисты не захотели иметь дело с отпечатками, оставленными уже не живущими людьми. Евгений Кошкин обратился с официальным предложением в Главный информационный и аналитический центр МВД РФ и в Академию управления МВД России. Ему ответили, что «при обнаружении на двух или нескольких картинах совпадающих отпечатков рук невозможно сделать вывод, что они оставлены конкретным художником. Они означают лишь то, что оставлены одним лицом». Но «в перспективе, чтобы исключить подобные проблемы с определением подлинности живописных полотен, целесообразно внедрение вашего предложения об обязательном оставлении художником конкретного отпечатка пальца в определенном месте на живописном слое холста картины наряду с подписью». ГИЦ МВД РФ отметил, что на своей базе они готовы реализовать идею создания такого банка «совместно с художественной общественностью» и дактилоскопировать не художников, а работы художников.

Оставлять идею с идентификацией древних отпечатков Евгений Кошкин не хочет, он добивается создания единой мировой базы отпечатков пальцев с работ художников. При этом актуальный вопрос доступа дактилоскописта ко всем шедеврам человечества легко решаем. Если реставраторы в разных странах в процессе работы будут снимать найденные отпечатки и выкладывать их в одну общую базу, то постепенно накопится материал, пригодный для сравнительного анализа. Эта база и есть заветная мечта отставного полковника Кошкина. «Вам-то это зачем? – спрашиваю Евгения Кошкина. – Дело не в том, хорош ваш метод или нет. Он хорош. Но внедрять его кто будет? Рынок подделок нужен многим людям: одним он приносит доход, для других это способ самоутверждения. Люди хотят вешать на стену картину с экспертным заключением: «Тоген», даже если догадываются о ее истинном происхождении». У Евгения Кошкина начало портиться настроение. «Мой метод нужен тем, кому небезразлична истина, – ответил он, глядя в сторону. – Среди

настоящих ценителей искусства есть порядочные люди. К тому же внедрить мою идею просто и до смешного дешево, более того, такое предприятие, как банк данных, довольно доходное дело. Нужно просто распространить информацию среди музейного сообщества о цели создания банка и обеспечить общий мировой информационный ресурс». Отставной полковник рассказал, что его идею поддерживает профессор Сергей Самищенко, специалист в области судебной экспертизы и криминалистики. К Самищенко однажды обратился за экспертизой коллекционер из США и попросил сопоставить отпечаток на своей картине с тем, который нашли на одной из бесспорных работ Ван Гога. За положительный ответ предлагал 5 процентов от рыночной стоимости шедевра в 60 миллионов долларов, то есть 3 миллиона. Сергей Самищенко не покривил душой, сказав, что на картине коллекционера отпечатался большой палец, а на известном подлиннике – безымянный, так что утверждать ничего нельзя. «Первая же положительная экспертиза окупит все затраты на создание банка

данных, – пояснил Евгений Кошкин. – Тогда почему же так упорствует художественная общественность? Ответ один – невыгодно!» Метод не хотят внедрять, по мнению Кошкина, из-за того, что рынок подделок в искусстве слишком дорог тем, кто эти «липы» изготавливает, торгует ими и экспертными заключениями о подлинности, а также музейным работникам, осуществляющим хранение.

Обсуждать проблему защиты от подделок отпечатков при применении метода Кошкина еще рано, но все-таки. Сам отставной полковник рассказывает, как в 1987 году он в составе комиссии ездил проверять Высшую карагандинскую школу милиции, где познакомился с одним изобретателем. На основе объемного отпечатка пальца Евгения Кошкина ученый создал матрицу, ею сделал несколько отпечатков – и эксперты из Москвы не смогли отличить настоящие отпечатки полковника от изготовленных изобретателем. «Если при этом потерять матрицу о какую-нибудь мою вещь – шапку, например, – то совпадет не только отпечаток, но и потожировой ана-

лиз, а это уже серьезная улика, – говорит Евгений Кошкин. – Изобретатель был озабочен возможностью подделки отпечатков пальцев и оставления их на месте преступления, вводя следствие в заблуждение. Он же подтвердил, что объемный отпечаток, оставленный на масляной поверхности, может сохраняться сотни лет. Но для тиражирования отпечатков нужен объемный отпечаток с пальца живого человека, созданный в специальных условиях. Это пока невозможно в нашей истории с картинами. И даже если когда-нибудь кто-нибудь создаст матрицу по отпечатку на картине, то для того, чтобы оставить такой отпечаток на картине-подделке, нужно нарушить ее живописный, лаковый слой – а это уже можно вычислить рентгеновским анализом. Так что пока против моего метода «противоядия» нет».

Помимо базы данных «живописных отпечатков пальцев» у Евгения Кошкина есть и другие новаторские идеи. Например, он придумал, как разгрузить московское метро в часы пик. Вместо 8-вагонных составов следует пустить 12-вагонные. На

платформе помещается только восемь вагонов – а это значит, что еще четыре будут оставаться в тоннеле. Весь состав он предлагает выкрасить в три цвета: допустим, в синий – головные вагоны, в желтый – центральные, в красный – хвостовые. Все станции метро поочередно нужно условно пометить двумя цветами: красным и синим. Таким образом, желтые центральные вагоны будут останавливаться везде, а красные и синие – по очереди. В тоннеле по очереди будет стоять то «хвост», то «голова» поезда. «Эту идею я предлагал руководству Московского метрополитена, – говорит Евгений Кошкин. – Но ответа не последовало. Я думаю, не потому, что идея плохая, а потому, что им все равно, в какой давке ездят люди. Метро – это коммерческое предприятие, даже в советское время мне заявили: от удлинения состава пятачков больше бросать не станут. Вот так и с картинами». Отчаявшись найти понимание в России, Евгений Кошкин надеется, что его метод заинтересует музейщиков в других странах, и база отпечатков будет-таки создана. ■

ЗА ЛЕМЕЗОМ НА СКРЫГОТНЕ

**МАРИНА
КРУГЛЯКОВА**
ФОТО АВТОРА

ЖИТЕЛИ СЕЛА НОВЫЙ РОПСК ВАЛЯЮТ ВАЛЕНКИ И РАЗГОВАРИВАЮТ НА ШАПОВАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, КОТОРЫЙ ПОНЯТЕН ТОЛЬКО ИМ. ЕГО ПРИДУМАЛИ ИХ ПРЕДКИ НЕСКОЛЬКО ВЕКОВ НАЗАД. У НЕГО НЕТ ПИСЬМЕННОСТИ, И ЕГО ПЕРЕДАЮТ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ В УСТНОЙ ФОРМЕ. ИЗУЧАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ДЕРЕВНИ МЫ ОТПРАВИЛИСЬ В БРЯНСКУЮ ОБЛАСТЬ.

ВЕРСИЙ ПРОИСХОЖДЕНИЯ лемеза (шаповальского языка) у ропчан множество. Говорят, он достался от разбойников, живших в болотах и лесах, что были на месте Нового Ропска много веков назад. Дмитрий Давыдович Соболев, в просторечии дед Митяй, считает, что язык принесли ссыльные люди и беглые ремесленники разных профессий. А его однофамилец Василий Николаевич, дед Василь, убежден, что лемез придумали в Новом Ропске: «Наш язык особый – он возник, когда людям был дорог кусок хлеба. Шпинская (хорошая) земля была у монастырей, а у простых людей – хусая (плохая), и той мало, а детей – по пять-семь. Что матрять (кушать)? Стали овечек держать. Мегерки максали (шапки делали). Затем их катрухами называли, а язык – катрушинским. Потом на-

учились делать валенцы – антюхи. И язык стал антюшный. Он так до сих пор по-нашему зовется».

Специалисты не сомневаются в уникальности шаповальского языка, первые упоминания о котором исследователи относят к XVII веку. В XIX столетии местный житель Ф. Николайчик опубликовал в «Киевской старине» небольшой шаповальско-русский словарь. Он увидел сходство лемеза с языком слепцов-лирников.

Диалектологи относят шаповальский язык к условно-профессиональным. Его главная функция – конспиративная, то есть возник он с целью самозащиты, сохранения секретов профессии, для ведения переговоров и предупреждения об опасности. Слова шаповальского языка заимствованы из греческого, тюркского, славянских и финно-угорских языков. Моделей словообразования масса: к корням прибавляли необычные суффиксы и приставки, меняли местами, заменяли или удаляли согласные и так далее.

Скорее всего, в Новый Ропск лемез попал вместе с промыслом. Откуда – точно не известно. Возможно, из России или Белоруссии, где в Могилевской области до сих пор существует аналогичный дрибинский язык. Дрибинские шаповалы (так на Руси издревле называли мастеров, валявших из шерсти шапки, шляпы и другие вещи. – Прим. ред.) тоже говорили на «катрушницком лемезне».

Хусая шамовка

Расцвет языка в новое время пришелся на послевоенные годы – тогда многие люди занимались отхожими промыслами. В колхозах жили бедно, работали за палочки-трудодни, а налоги надо было платить большие. Мастеров, умевших свалить из вовны (шерсти) валенки, в Новом Ропске больше половины села. Сбыть товар в деревне было невозможно, вот и уходили шаповалы с осени, после окончания полевых работ, до весны в дальние села, на заработки. Обычно ходили по два человека – так безопаснее, да и дело быстрее спорилось. Остановятся на постой в избе, живут несколько дней, хозяин кормит их, а они валяют валенки на всю семью, затем переходят в другой дом. И так до тех пор, пока не обуят всю деревню.

– Мы як хлебаем, так и стегаем, – говорит дед Митяй, – поэтому чаще хозяева кормили шпински. Знали: покормят хусо, мы и смаксеем хусо.

– А порой ты работаешь как сукин сын, по 16 часов в сутки, а иная похазница (хозяйка) в сморщ (борщ) бульбу чисти да капусту поджаре, а крошки сала и мяса нема, а сама за печкой лупиху с кресом матрает (картошку с мясом ест), – вспоминает дед Василь.

Старались антюшники побыстрее избавиться от таких хозяев, предупредить о них остальных, а чтобы другие «не чули ихних слов», говорили друг с другом на шаповальском языке.

Шаповальское ремесло уходит вместе с языком. Шипков Анатолий – единственный человек в Новом Ропске, который сегодня еще валяет валенки. Изготовление одной пары валенок в среднем занимает десять часов

– Хусая шамовка! (Плохая еда!) Хусый сморщ!

– Похазница и дулосу не отгурила! (Хозяйка и чаю не дала!)

Или, наоборот, хвалили: «Шпинска шамовка! Подматрянем шпинска! Челы похазники шпинцей ту он-цых!»

Порой куропцев (так звали себя ропчане) грабили, и возвращались они домой ни с чем, а то и пропадали вместе с заработанными деньгами. И тут спасал лемез. «Неделю максашь, по 15–20 кербулей (рублей) в день выходит, это большие деньги были, – говорит дед Митяй. – Макрецов много таких, что могли отнять. Чтоб не объяперили нас, мы гроши домой посылали.

Скажешь: «Бальбечка, бойба лайлу наштут пахаи хауби (друг, иди на почту, пошли гроши)!» И никто не знает, что ты с большими деньгами пошел».

А иной раз хотят шаповалы сделать дело хорошо, а не получается – хозяин материал дал негодный. Сваляют и переглядываются между собой: «Вовна то крепко хусая. Ой, хусо смаксали! Нашкрабень хора ухлевать! (Шерсть совсем негодная. Плохо сделали! Надо быстрее смаываться!)»

В те годы человек, не трудящийся в колхозе, считался тунеядцем. Поэтому ходить по селам валять валенки официально запрещалось. Как-то дед Митяй с товарищем начали

работать в хате, приходит хозяин-милиционер, пьяный.

– Что за люди?

– Валенщики.

– Арестованы. Поехали в район!

Жена и так, и этак просила мужа отпустить мастеров, ничего не помогало. Дед Митяй говорит товарищу: «По лацгоге (дороге) в воксике (в лесу) я скица (милиционера) шу-кану шкрябницею, скица – в канаву, а ты прикабонь волота (лошадь), и схлеваем!» Хозяйка услышала непонятную речь, заподозрила неладное, испугалась, вцепилась мертвой хваткой в мужа: «Не пущу!» Ночью, когда все уснули, шаповалы незаметно ушли из села. Спас лемез деда Митяя от греха и от тюрьмы!

РОПЧАНИЕ

Не скользите, чузы!

Многие шаповалы делали валенки дома – валяли по ночам, а утром шли на работу в колхоз. Продавали на рынках, ярмарках. Те, кто этим занимались, должны были получить патент и ежемесячно платить налог. Так как он был высоким, никто из куропчан официального разрешения на производство и торговлю валенками не имел.

Шаповалов отслеживали и гоняли на базарах, обыскивали и снимали с поездов, обыскивали дома. Запрещалось даже хранить шерсть: ее наличие служило доказательством занятия незаконной деятельностью. Товар отбирали, с антюшников взимали штрафы и даже судили.

Иван Ефимович Апостолов, или дед Иван, как-то попался: «Максал я антюхи, ряха (жена, женщина) моя помогала. Вдруг входят стыченный (большой начальник) из Климова и наша ропская, что налоги принимала: «Валенцы делаешь?» И сразу в степню сепают (в печку смотрят), а там антюхи сохнут. Застали на месте преступления! Погляне на меня климовский и говырдает: «Буду протокол писать!», а наша ропская ряха, что с ним: «Кириллыч, не трогай, не надо писать, это хороший человек!» А раз я хороший чуз (мужчина, мужик), значит, надо дать! И заплотишь! Соседа мого застали – антюхи максал, – оттурили (дали) год тюрьмы!» Шаповалы старались сбыть свой товар где возможно. Знали, когда какие ярмарки проходят, возили валенки на все узловые станции, где устраивались большие базары, торговали в Стародубе, Новозыбкове, Гомеле, Харькове, Полтаве и других городах. Придут на станцию куропцы, на платформу не выходят, боятся, засядут где-нибудь в сторонке и ждут, когда скрыготник (поезд) подойдет, чтобы сразу заскочить в вагон. Приедут в Новозыбков, а там их уже скицы поджидают, дань собирают – по десятке с носа. Делать нечего – отдавали!

Алексею Павловичу Веркееву, деду Ляксею, как-то не повезло: «Макшейка протарила лупиху (мать продала картошку), я на эти ховбы впулил вовны (на эти деньги купил шерсти), смаксал пять пар валенок и повынзырил протаривать (повез продавать) в Гомель. У меня скицы в Новозыбкове все заперили (от-

Дмитрий Соболев валял валенки для трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба и для бывшего президента Украины Леонида Кучмы

няли), и дали мне год принудительных работ. Утопили в слезах букшен чузов (шесть человек): меня, моих бакрых сбранов (двух братьев), бакрых сбранок (двух сестер) и мою макшейку!»

Доберутся наконец шаповалы до базара, но и тут им покоя нет. Вдруг шепнет кто-то: «Хурбаньте антюхи, скицы прихляяли (прячьте валенки, милиционеры пришли)!» И уже пошло дальше по рынку: «Вой как бойба, скицы пригаяли!» Чужие не скумают (не поймут), а антюшники засуетятся, заховают товар, ухлявуют (отойдут) куда-нибудь в сторонку и ждут, пока скицы не уйдут.

Как-то забрали двоих с валенками. Привели в кабинет протокол составлять. Сокрушаются куропцы, говорят друг другу: «Прочали чузы (пропали люди)!» А милиционер в ответ: «Не скользите, чузы, я и сам антюхи максал (не бойтесь люди, я и сам валенки делал). Похляйте, протаривайте (идите, продавайте)!» Отдал им валенки и справку выписал – разрешение торговать. Продали шаповалы товар и магарыч ему хороший принесли.

Последние катрушинцы

Мария Степановна Андросова, или просто баба Маня, в умении валять валенки не уступала мужикам. И на базаре так же бойко торговала: «Пошли ко мне двое в серых костюмах антюхи куплять. Я протарила (продала). А они и говырдают: «Пройдемте

с нами!» И заперили меня с антюхами (забрали меня с валенками)! Рядом с шусто парута стычила (рядом с базаром хата стояла). Завели меня, там шкридько (дед) сидит. И говырдают: «Жди!» И ушли. А я сижу и думаю: «Что же я не схлаваю (не убегаю)? Говырдаю у шкридько: «Дедушка, а где здесь туалет?» – «Там, во дворе, деточка». Я схлавала, а антюхи шкридько оставила. Пришла обратно на шусто (рынок), нашла своего бальбечку (товарища), говырдаю ему: «Ухлявай, а то похляют в серых лапсердаках антюхи бесплатно куплять (уходи, а то к тебе сейчас придут в серых костюмах валенки бесплатно покупать)!» И ко рае похлала до хаза (и скорее поехала домой). Мово похазника (хозяина), он без ходырки похлал (без ноги ходил) на «колене», по весне на шусто заперили с антюхами. В книжку посмотрели – а это в третий раз. Его судили и принудилровку дали».

Часто шаповалы на базаре одну пару возьмут и продают, а остальные где-нибудь припрятут. Милиция подойдет, а они и говорят: «Да я их себе только что купил». Скицы проверить не могут, поэтому не забирают. Или брали катрушники с собой детей. Продадут валенки, а деньги положат ребенку в потайной карман. Заперят антюшника, отберут антюхи, зато деньги целы останутся! Доставляли куропцы немало хлопот не только милиции, но и военной цензуре: писали письма на непонятном языке.

Иван и Екатерина Апостоловы, шаповалы со стажем, уверяют, что никаких тайн в изготовлении хороших валенок нет: «Просто материал должен быть хороший и работа сделана на совесть»

Стояла часть деда Василя в конце войны в Австрии. Пришло ему письмо из родной деревни: «Бусаёт шихта Марие с Василем. Набусали макреца, климаете и багряца...» – ну и так далее. А вслед за ним – требование цензуры немедленно перевести, что написано. Растерялся дед: «Бальбечки (друзья) пишут, кояка в хорье гуят (как в селе живут), кто с кем бусаёт (гуляет) – шихт ламоных (девок молодых) богато было. Но об этом прямо не напишешь, неудобно, порусски это похабно звучит, так они на лемезе – никто ж не скумает (не понимает). А кояко (как) военным перевести? Стыдно».

Проигнорировал дед цензоров. А они запрос командиру отправили. Приказал он немедленно послать перевод письма. Вскоре пришел из цензуры ответ: «Извините за беспокойство, ваши слова правильные». Конечно, в «органах» прекрасно знали обо всех тайных языках, их носителей проверяли, но не преследовали. И шаповалы, находясь далеко от дома, всегда были в курсе всех пикантных подробностей жизни односельчан. С улучшением жизни в колхозах у жителей Нового Ропска уже не было необходимости ходить в другие села

на заработки. Исчезла потребность хранить секреты ремесла, предупреждать об опасности, передавать тайно информацию, обсуждать хозяев на постое. Шаповалы прекратили активно торговать на базарах и ярмарках и стали говорить на лемезе лишь тогда, когда надо было что-то скрыть от жен, выругаться, но так, чтобы никто этого не понял, обсудить хороших девушек в их присутствии и так далее.

Как говорят лингвисты, утратилась конспиративная функция языка, и ее место заняла экспрессивная – бытовая. Лемез начал медленно деградировать и угасать. Постепенно уходит и породившее его ремесло. Нет спроса на валенки, и сегодня лишь единицы в Новом Ропске максают антюхи.

Средний возраст людей, которые знают шаповальский язык, 70–80 лет, их осталось не так много. Их дети и внуки знают лишь отдельные слова. Старики доживают свой век, а вместе с ними и лемез – уникальное явление, порожденное людьми, которые считали себя особенными и таковыми являлись на самом деле. 📌

МИРАЖ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

**ЕВГЕНИЙ
РЕЗЕПОВ**
ФОТО **АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

ЗА ТРИ ГОДА СЪЕМОК ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА О ВЫМИРАЮЩЕЙ ДЕРЕВНЕ ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЖИССЕР ЛЮК ТОВЕН ВЫУЧИЛ РУССКИЙ ЯЗЫК, ПОЛЮБИЛ РУССКУЮ БАНЮ И УБЕДИЛСЯ В НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

К БЕРЕГУ РЕКИ ВАД ЭТОТ ДУБ принесло давно – во время большого половодья. Огромная коряга мешала лодкам, не давала ставить сети, но вытащить дуб не могли даже с помощью лошадей. Со временем течение реки вымыло под дубом яму. В нее-то и нырнул Александр Сандин, умудрившись обязать дерево тросом. Трактор оторвал дуб от дна, но трос соскользнул, и коряга сно-

ва наполовину ушла под воду. Два раза еще лопался железный трос, со свистом, как пуля, разрезая воздух. Слово «пуля» в деревне привычное. Населяют ее охотники, заготовщики пушнины. От дуба мечтали избавиться еще их предки.

Договорились вновь попробовать вытащить дуб через две недели. На этот раз сюда прибыл гусеничный трактор. Положились на обычные веревки. Впряглись в них всей деревней и тащили дуб вместе с трактором до тех пор, пока он не показался из воды. Корень и метров восемь ствола отпилили прямо в воде, а потом долго разглядывали остатки старых цепей и веревок, которыми их предки пытались когда-то вытащить этот дуб. Эпопея с ду-

бом закончилась глубокой ямой, вырытой на берегу. В нее дуб опустили корнями к небу. Такое ненормальное положение корней должно было символизировать то, что нельзя нарушать корневую систему народа и заставлять жить не так, как он привык столетиями... Невозможно найти место, более подходящее для этого знака. В этой деревне зажиточные крестьяне прятались от коллективизации и раскулачивания, не желая работать на колхоз. Занимались охотой и рыбной ловлей, а когда началась война, то многие, не поняв, что происходит, подались в дезертиры. Правда, многие из поселка повоевали: одни сложили головы на полях сражений, другие – вернулись героями.

Деревня, которой нет на карте

Французский режиссер Люк Товен, давно искавший сюжет для фильма о загадочной русской душе, о которой он много читал в произведениях Достоевского, Толстого и Чехова, узнал о зарытом корнями вверх дубе в московской газете. Показал ему статью киносценарист Евгений Крамарский. Вместе они и отправились посмотреть на деревню.

В эту первую поездку Люк узнал, что деревня на карту, как и семьдесят лет назад, когда сюда сбежали от коллективизации крестьяне из сел Журавкино и Каргашино, не нанесена. Вокруг много брошенных лесных деревень: Пучкорня, Навля, Коцернлес. А деревушка под названием «поселок Дикий» еще живет. Дуб, зарытый корнями вверх, стоит на берегу красивой мордовской реки Вад, а на стволе его привинчена табличка: «В память о репрессированных предках». Когда установили этот памятник, то устроили праздник – наловили рыбы, достали самогон, палили в воздух из ружей, прыгали в воду. Хотели фундамент бетонный сделать – не сделали. На самом дубе хотели вырезать изображения – не вырезали. Забыли. Зато стоят возле дуба лавки и стол, за которым жители собираются и вспоминают предков. Так что стали перевернутые к небу корни памятником.

Рассматривая корни дуба, Люк не мог удержаться, чтобы не погладить их шероховатую поверхность. Этот дуб – мореный, ради такого до революции иностранцы создавали концессии по добыче его со дна местных рек и вывоза за границу. А при Сталине мореный дуб шел на отделку кремлевских кабинетов. Памятник из мореного дуба поспорит по прочности даже с камнем.

В советское время местные власти пытались дуб вытащить краном, но мощный кран в лесной поселок не проехал. А тот, который проехал по болотистой дороге, вытащить дерево не смог. Жили тогда в поселке заготовщики пушнины, рыбаки, лесники и пасечники.

Когда Люк приехал в поселок, жителей осталось менее десятка. И то больше старушки. Воду для питья и приготовления пищи они брали из той же реки, откуда был вытасчен

дуб. Отапливали старенькие дома дровами, собирали в лесу желуди и орехи и много рассказывали Люку о своих отцах и прадедах: замечательных пасечниках, охотниках на медведей, о героях, прославившихся во время войны, и разбойниках, которые тоже тут были.

Красота этого не тронутого цивилизацией уголка поразила воображение уроженца пыльного предместья Парижа. Но вот молодежь, приехавшая навестить своих стариков, вернулась в город. Вокруг дуба уже никто не собирался. Вот полетели над ним желтые листья, вот присыпало его снегом... Река потемнела. Опустевшие улицы со старыми домами в глухом лесу, рассказы старожилов о предстоящих лютых морозах и санном или пешем пути до ближайшего магазина поразили француза еще больше. Уютный уголок исчез, словно мираж в пустыне. И француз решил, что эта вымирающая лесная деревня со всей ее драматичной историей подходит для метафоры русской жизни. Фильм его будет называться «Мираж русской деревни». А лейтмотивом всего повествования станет картинка с перевернутыми корнями дуба.

– Вы будете смеяться, но я хотел понять русскую душу. Если хочешь понять русскую душу, то надо ехать только в деревню. Здесь еще осталась искренность. Все корни русской души в крестьянстве, – объяснил он свои мотивы.

Во Франции продюсеры интереса к его идее не проявили. Прежде он делал короткие документальные фильмы, вглубь России он никогда не приезжал, деревню никогда не видел. Супруга у Люка Товена русская, сам он жил и в Москве, и в Петербурге.

Люк работал монтажником на французском телевидении. На заработанные деньги нанимал переводчика и оператора и приезжал в поселок. Последние жители деревни тоже не понимали интереса молодого французского режиссера к их жизни. Удивлялись, даже подозревали в нем шпиона. Далеко не сразу подпустили его к себе с кинокамерой. Только один из местных жителей, егерь Владимир Фокин, сразу понял, что нужно Люку.

Владимир с братом тоже вытаскивали дуб из реки. Фокин и заказал и

привинтил ту самую табличку. Его родной дед – основатель этой деревни. Предчувствуя беды крестьян, в конце 20-х годов Иван Григорьевич Фокин не стал дожидаться, как другие, голодной смерти. Ночью поставил сундук на телегу, в сундук посадил дочерей и вывез их из села Журавкино на берег реки Вад. Добывал рыбу и дичь, ставил капканы на куниц, занимался сплавом леса. За ним подались и другие журавкинцы: Сандины, Пуштаевы, Каргины, Бебешевы. Его родная дочь, Анна Ивановна, тетка Владимира, и стала главной героиней фильма Товена. Но выбор был сделан не сразу.

Баба Нюра и другие

Люк Товен специально искал такое место в глубинке, где у людей еще оставались не испорченные современной цивилизацией естественные отношения с природой. Ему казалось, что только в деревне еще можно вызвать на откровенность русского человека. И потому, выбрав Дикий для съемок, он согласен был вытерпеть любые превратности. Но многого он не предусмотрел. Во время трех первых приездов он жил в так называемом доме охотника, где останавливаются все гости деревни, прибывшие на охоту или рыбалку. Но его стали беспокоить по ночам. Подвыпив, жители являлись поглазеть на оказавшегося неизвестно как в их глухомани французского режиссера. А однажды прибывшая компания шумных гостей заставила его побеспокоиться за сохранность аппаратуры и безопасность симпатичной девушки-переводчицы. Все-таки деревня не зря называется Дикая. Защитила его от шумных визитеров как раз Анна Ивановна, или, как ее называют, баба Нюра. Она позвала его жить к себе в избу, а шумным гостям сказала, что он ей как сын и чтобы его не трогали. Люк был удивлен тем, что сильные мужики беспрекословно послушались бабу Нюру. Только потом он понял, что это – проявление уважения перед старым человеком, его опытом, трудолюбием, порядочностью и отсутствием страха перед смертью.

В доме бабы Нюры до сих пор стоит тот сундук, в котором ее отец вывез своих детей из Журавкино.

Сидя на этом сундуке, баба Нюра и рассказывала Люку, как отец заготавливал пушнину и менял ее на хлеб, как занимался сплавом леса и как ушел на фронт в первые дни войны. А она провожала его: мать лежала в горячке после родов. В глухом поселке в их доме устраивали засады на дезертиров. Дезертиром считали и отца бабы Нюры, пропавшего без вести на фронте. Вернулся он после войны больным: здоровье было подорвано в плену у немцев. А вернули его к жизни лес и мед. За отцовским медом приезжали жители всех соседних сел, даже из «самой Москвы» на мед из Дикого заказы присылали. В доме Фокиных все деревенские детишки могли всегда наесться меда. Дом Фокиных был центром жизни этой деревни. Фотографии, личные вещи, ружье, памятник на кладбище основателю и, по сути, патриарху деревни попали в фильм француз-

за. А рассказ о нем он воспринял как еще один мираж. Такие люди теперь – редкость...

Баба Нюра проводит в Диком только лето, а на зиму уезжает в городскую квартиру в Тверь. Люк побывал и там. Снимал город, квартиру, снимал птицефабрику, на которой работает дочь бабы Нюры – Татьяна. Одна из самых ярких сцен, снятых Люком Товеном в городской квартире бабы Нюры, – о ее правнучке. Прабабка просит девочку станцевать «Калинку», а та пренебрежительно бросает: «Калинка – это муть!», врубает современную музыку и... Грусть ложится на лицо старой женщины, как густая тень... Смотришь на это и ощущаешь: распадается связь времен.

А вот еще кадры. Баба Нюра собирает в лесу орехи, на лугу под дубами ищет желуди. Вот она тяжело бредет по лесной тропинке мимо вековых деревьев, в дуплах которых ее отец когда-то ставил капканы на куниц.

Вот она, глядя в камеру, говорит, как рада после зимы в городе видеть даже простую городьбу (ограда, забор. – **Прим. ред.**), с которой она здоровается, как с живым человеком.

В фильме много кадров, показывающих, как разваливается деревня. Течет крыша дома, ржавеет сельскохозяйственная техника, гниют ульи и лодки... Все в этой умирающей деревне как будто призрачно, все как будто должно растаять, как мираж. Люк Товен подчеркивает это ощущение даже музыкальным сопровождением одного из эпизодов: баба Нюра спит на старой железной кровати за облезлой «голландкой», сложенной еще ее отцом. А за кадром звучит тоскливая колыбельная Модеста Мусоргского из цикла «Песни и пляски смерти»:

*Стонет ребенок... Свеча, нагарая,
Тускло мерцает кругом.
Целую ночь, колыбельку качая,
Мать не забылася сном.*

Как известно, дальше в песне в дверь стучится Смерть...

Даже портреты уже умерших жителей деревни Люк показывает через веточку засохшей полыни. И в общем-то не очень он щадит бабу Нюру, показывая ее с клюшкой, вырезанной из орешника, тяжело бредущей по тропе в обуви без задников. Она не раз спрашивала француза, зачем ему этот фильм. «На вашем примере я хотел больше понять о России», – отвечал он ей.

Еще одна героиня фильма – Валентина Ивановна, мать Владимира Фокина. Ее француз снял за сбором на огороде урожая, который она уносит в старых плетеных корзинах, вслух благодарит землю-кормилицу и отца-небо, а уже потом вспоминает Бога... Снял француз и то, как она управляет с пчелами, собирает мед. А зимой он заснял, как женщина долго рубит на реке прорубь, разгоняет лопатой льдины, чтобы зачерпнуть воды...

Есть в фильме беседа со стариком-философом Валентином Евтишиным, есть разговор с Анной Полежаевой – тоже одной из жительниц деревни. И все они усиливают ощущение уходящей жизни из поселка Дикий.

Есть в фильме и такой эпизод: вернувшиеся из леса охотники палат из ружей с оптическими прицелами по ветвям деревьев на другом берегу реки. Охотники решили похвалиться своей меткостью перед иностранным режиссером. Точно так же, из бахвальства, они говорят, что поставят часовню в деревне, проведут хорошую дорогу. Правда, в это не очень верится. Им нравится место именно тем, что оно находится вдали от всех дорог, нравится, что мало кто о нем знает. Деды и отцы этих охотников жили и умерли в этом поселке, а сыновья и внуки приезжают сюда отдохнуть и позабавиться. Да, распадается связь времен...

Неожиданный финал

За время общения с жителями деревни Люк Товен изучил русский язык. Научился лечить простуду самогоном, пить воду из реки, колоть дрова, рубить прорубь, копать картошку и ходить в баню. Привозил сюда жену и дочь.

Во Франции, куда он привез отснятый материал, Люк выиграл конкурс, на который представил досье проекта. Получил под фильм деньги, нанял помощника. На родине Люка кадры из поселка Дикий восприняли как экзотику.

Взять тот же дуб, со съемками которого Люк Товен намучился. В первый раз дуб появляется в кадре, в котором по деревенской улице идет после купания молодая пара, за их спинами видны корни, тянущиеся к небу. Один из отростков корня, как черная искореженная рука, простирается над молодыми людьми. И кажется, будто эти вывороченные корни довлеют и будут довлеть над судьбой каждого из этой деревни.

Во время съемок – а они продолжались три года – Люк Товен часто спрашивал жителей поселка, что значат для них эти корни старого дуба? Символ чего-то? Память о чем-то? В ответ ему обычно улыбались или пожимали плечами. Мать Владимира Фокина ответила: «Шутка!» А ребята во дворе одного из домов сказали: «Отцы придумали!»

И тогда Люк Товен стал понимать, что проникнуть в души героев, которых он выбрал для фильма, будет намного труднее, чем ему казалось вначале, а обращение к натурализму тут не помогает, а только отвлекает. По его признанию, в общении с жителями деревни он стал ощущать странное чувство: «Никогда не знаешь, когда они говорят правду, а когда – нет». И если поначалу он посчитал жителей деревни наивными, то довольно быстро понял: это он – наивный человек. «Я искал одно, а находил другое», – вспоминает он. Люди в деревне говорили о земле, грибах, ягодах и деньгах. Ни в одном доме не оказалось книг, здесь считают, что незачем тратить на них время.

В последнее лето съемок, когда он много работал с одним из героев фильма, Валентином Евтишиным, приехавшая из города дочь старика-философа запретила снимать отца. Сочла, что француз на нем зарабатывает. «Я чувствовал, что они считают меня дельцом или сумасшедшим», – говорит Люк Товен.

Поразило его и то, что почти никто не расспрашивал о фильме. Жителям было не интересно. Люк Товен

подозревает, что когда жители увидят его фильм, то скажут: «Все на самом деле по-другому».

Не раз Люк Товен слышал от жителей поселка: «Через год не будет тут ничего. Все зарастет». Разрушающиеся избы и пустые дворы заставляют верить этим словам. Люк даже мечтал запечатлеть тот момент, когда поселок покинет его последний житель и это место и в самом деле превратится в мираж, последними следами которого станут тянущиеся к небу корни дуба...

Финал написала сама жизнь. Он был так же удивителен, как если бы корни давно вкопанного в землю дуба пустили зеленые побеги.

В свой очередной приезд в деревню Люк Товен с изумлением увидел фундаменты, заложенные под строительство новых домов. Деревня, которую он снимал как умирающую, на его глазах стала возрождаться! Правда, возрождением своим она обязана красивейшей природе, которая приглянулась обеспеченным людям. Но, так или иначе, теперь Дикий больше не умирающий поселок. И атмосфера, которая раньше так привлекала французского режиссера, вдруг стала исчезать. В этот момент он прекратил дальнейшие съемки.

«Я искал одно, а находил другое!» – вынужден он был сказать еще раз и снова вспомнить о загадочности и непредсказуемости России. Всего он отснял более ста часов материала, монтажом занимался год. Фильм сделан в форме письма автора к любимой, в котором он рассказывает о знакомстве с умирающей русской деревней. Завершают фильм кадры, на которых красуется дуб. Нет, не тот, мертвый, который вкопан на берегу реки Вад. На экране – зеленый, шумно шелестящий листвой, крепкий дуб. Это – символ вечно текущей и обновляющейся жизни. Как у Толстого в «Войне и мире».

...В этом году Люк Товен провел презентацию своего фильма «Мираж русской деревни» сначала в Париже, а затем – в Доме актера в Самаре. Теперь лента будет представлена на российском фестивале документального кино «АртДокфест».

Сам режиссер в ближайшее время собирается продолжить работу над проектом «В поисках бесконечной России». ♦

«ПОТОМУ ЧТО ЭТО – ВЫСОЦКИЙ...»

БЕСЕДОВАЛА
МАША ЗВЕРОВИЧ
ФОТО **АНТОНА
БЕРКАСОВА**

О ТОМ, КАК СОЗДАВАЛСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «ВЫСОЦКИЙ. СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ», ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ СЫН ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА, АВТОР СЦЕНАРИЯ И СОПРОДЮСЕР КАРТИНЫ НИКИТА ВЫСОЦКИЙ.

— ПОЧЕМУ ТОЛЬКО СЕЙЧАС появился художественный фильм о Высоцком?

— По-моему, мы очень точно угадали время, когда пришла пора сделать художественный фильм о Высоцком. К тому моменту, когда наша работа только начиналась, было снято сотни три документальных фильмов и передач о Высоцком, вышли десятки, если не сотни, мемуаров, тысячи интервью... Естественно, какие-то попытки снять художественный фильм предпринимались и раньше. Мне известно, по крайней мере, о

двух десятках сценариев и синопсисов, написанных в том числе и очень приличными сценаристами. Но мы решили начать с нуля, будто до нас ничего не было.

В основу сюжета фильма легла реальная история, связанная с поездкой отца в Узбекистан, которую мне рассказал Сева Абдулов уже после его смерти. Но то, что зритель увидит на экране, это не правда документа. Некоторые сцены, некоторые события мы привнесли из других историй, связанных с отцом. И я считаю, что фильм получился правдивый. Повторяю: это — не правда документа. Но это — художественная правда.

— Долго ли вы работали над сценарием?

— С предложением написать сценарий ко мне обратился Константин Эрнст. Сценарий я написал быстро, буквально за две-три недели. Все остальное время мы его переписывали и доводили до ума. И поскольку это продюсерский проект, то делалось это под контролем и при содействии «Дирекции кино».

— Почему решили отказаться от первоначального названия — «Мой черный человек»?

— По большому счету фильм — это история про несколько дней из жизни Высоцкого, которая в нашем изложении в каком-то смысле получалась историей создания стихотворения, начинающегося словами «мой черный человек». Первую строчку стихотворения мы и выбрали в качестве названия. К поэме Есенина оно отношения не имеет. У Высоцкого образ черного человека не такой, как у Есенина. Он гораздо более конкретный, более социальный: «Мой черный человек в костюме сером! Он был министром, домушправом, офицером...» Работая над картиной, мы имели в виду как раз этого черного человека, из стихотворения Высоцкого. Его черный человек — это некая сила, которую не потрогаешь, не ощутишь, которая ускользает. Необязательно даже чиновник... Хотя у нас в картине есть и чиновники, и система, которая давит, и давит не только самого Высоцкого. Но по мере работы сценарий менялся. Там осталась и конфликтность, осталась и его борьба, и борьба с ним. Но сместились акценты.

Сценарий поначалу был, безусловно, гораздо более схематичным. На первом плане был «мой черный человек», некий прямой конфликт, который задан в начале отцовского стихотворения. А потом история изменилась, стала более человеческой, в чем-то — более правдивой, жизненной. Она стала историей про живого Высоцкого, живого во всех отношениях. История развивалась, менялась — и название тоже изменилось. Название, под которым выходит фильм, подсказано строчками из этого же стихотворения: «...Мой хрип порой похожим был на вой, и я немел от боли и бессилья и лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Мне нравится название, под которым выходит фильм. Нравится, как изменилась сама история. Эта история не о том, что Высоцкий борется против чего-то, хочет что-то уничтожить, а о том, за что он борется — за жизнь, за любовь, за свободу, за творчество... Хотя в нашей картине есть, безусловно, и его борьба с самим собой, с тем, что он начинает как бы копировать сам себя. Он ведь мог остановиться еще в середине 70-х и больше ничего не писать, все равно его бы помнили по сию пору. А он писал до последнего дня своей жизни, и искал, и хотел, и не был удовлетворен тем, что сделал. На мой взгляд, именно это делает Высоцкого героем — готовность идти до конца, до смерти. И не просто так: пойду, постою на краю, как в песне, и отойду в сторону. Нет, постою на краю — и туда. Если есть такая готовность — человек может стать героем, может победить время, победить смерть в каком-то смысле.

— Во время работы над проектом несколько раз менялись режиссеры. Почему?

— Этот фильм в первую очередь продюсерский проект. А в продюсерских картинах, бывает, меняют режиссера. Режиссер ведь всегда хочет проявиться. Он художник, он хочет быть свободным. А в продюсерском проекте последнее слово остается за продюсером. Никакой трагедии здесь нет. Просто это совершенно другая модель взаимоотношений. И если режиссер не устраивает продюсера — с ним могут просто расторгнуть контракт.

НИКИТА ВЫСОЦКИЙ

На нашей картине такого не было. Была работа. Был поиск. У нас сначала была идея – поскольку мы ее не воплотили, то вроде хочется сказать, что ошибочная, от которой позже мы сами отказались. Мы считали, что фильм должен делать кто-то из людей поколения Высоцкого, может быть, кто-то из близких ему людей, из тех, кто его лично знал. В работе над сценарием и при подготовке фильма был, например, момент, когда мы очень надеялись, что будем делать картину с Александром Наумовичем Миттой, который не только работал с Высоцким, но и был с ним дружен. Но постепенно все – и продюсеры, и режиссеры, с которыми мы пытались работать, – пришли к тому, что это не должна быть ностальгическая картина. Что надо делать современное кино, рассказывать историю современным языком. В итоге мы решили, что снимать фильм должна молодая команда, которую будет уравнивать достаточно взрослая продюсерская группа во главе с продюсерами «Дирекции кино». У нас молодой режиссер – Петя Буслов, молодой оператор – Игорь Гринякин. Но, несмотря на возраст, они достаточно опытные. Они живут современным кино. Да, может быть, в большой степени западным кино. Но то, что они делают, не стилизация нашего кино под западное. Они вырабатывают свой собственный язык, который близок и понятен современному поколению.

Актёрская компания тоже разная. Есть актеры старшего поколения, а есть, например, Оксана Акиншина – молодая актриса наших последних киношных волн. Но у нее тоже большой опыт, она умеет работать и делает это вполне профессионально...

Безусловно, были сложности. И у нашего молодого режиссера, и у молодого оператора, и у нас с ними. Были ситуации, когда продюсеры вмешивались и останавливали съемки. Просто распускали всех. Это стоило денег и нервов. Но продюсеров не устраивало то, что ребята делали. А иногда бывало наоборот. Снималась сцена, за которую все заранее переживали, что ее снимут под монтажный салат. А ребята сняли ее на четыре часа раньше, все сделали лег-

ко и красиво. И никто не вмешивался, никто им не мешал. И это если не лучшая, то одна из лучших сцен в фильме. Так что по-разному бывало. Но мне кажется, в результате такого странного сплава опытных продюсеров и достаточно опытной, но гораздо более молодой съемочной группы все случилось: мы сделали очень психологическое, зрелое кино. Во многом оно получилось благодаря опытным взрослым людям, в том числе Александру Наумовичу Митте, который довольно долго с нами работал. С другой стороны, фильм получился энергичным, он обращен к современным зрителям и рассказан современным языком. И в этом, безусловно, заслуга молодых людей, которые с нами работали, в том числе Пети Буслова и Игоря Гринякина.

– Главная интрига проекта – исполнитель роли Высоцкого. Почему не разглашается фамилия артиста?

– На эту роль пробовались известные, хорошие актеры. Но хороший, узнаваемый, известный актер со своим лицом и образ Высоцкого оказались несовместимы. По крайней мере, в таком проекте, как наш, и, по крайней мере, на сегодня.

С самого начала – еще ни одной строки сценария не было написано – мы думали, кого пригласим на роль, как мы его будем стричь, как будем его учить на семи струнах играть. У нас было несколько кандидатов. Мы уже запускались – с актером, прямо скажем, не последним... А потом поняли: если у героя нет максимального внешнего подобия – его нельзя называть Владимиром Высоцким. Просто нельзя.

Пригласив на главную роль узнаваемого актера, мы не решим тех задач, которые перед собой ставим. Потому что образ Высоцкого очень отличается от многих образов исторических персонажей, которые воплощаются в кино. Безусловно, образ можно создать деталями. Сделали бы прическу, актер бы попытался изменить пластику, чуть-чуть сел бы на голос... Все чуть-чуть. Но с Высоцким так нельзя. С Высоцким должен был быть сразу очень резкий, очень сильный, очень серьезный ход. Мы даже рассматривали как вариант иностранного актера, которому бы имидж Высоцкого не мешал.

Но с Высоцким и такой вариант не проходит. Высоцкий – это и голос, и пластика, и лицо, которое до сих

пор крупным планом на экране, и не только в документальном кино, но и в художественном. Можно попробовать изменить актеру голос, скажем, с помощью компьютера. Или попробовать взять другого, чтобы он открывал рот под фонограмму Высоцкого. Но этим мы добились бы, я прошу прощения, эффекта Никиты Джигурды. А без голоса и без внешности создать образ Высоцкого, который очень во многом сформирован его работой в кино, в театре, хроникой, невозможно.

Картина, повторяю, уже была в запуске. Но когда мы все это поняли, пришлось сделать паузу, пересмотреть все наши планы, очень серьезно вложиться – и в людей, и в технологии – и пойти другим путем. С тем,

нин. С другой стороны, бывают ситуации, когда человек работает в сложном гриме. Допустим, я видел, как в кино делают Льва Толстого. Человеку чуть-чуть увеличивают нос, клеят огромную бороду, за которой ничего не видно, доклеивают брови, за которыми видно еще меньше, одевают в русскую рубаху – и вот вам Толстой. Но у нас была другая ситуация. Высоцкий – это не Ленин и не Толстой, он до сих пор на экране крупным планом, и сравнить – похож не похож – может каждый. И будут сравнивать. Именно поэтому мы отказались от упоминания имени актера. Мы не хотим, чтобы люди устраивали аттракцион, чтобы обсуждали, как это мы умудрились сделать, что актер на себя совершенно не похож.

ет большую... Используя такой сложный грим, мы эту задачу усложнили, поставили очень высокую планку. На протяжении всей картины актер играет, любит, смеется, поет, страдает, побеждает, хохочет, разыгрывает – и работает в условиях, когда его практически нет. При этом есть серьезная актерская игра, и культура актерская, и школа актерская, но это все не лезет наружу, потому что актер не себя демонстрирует, а работает на идею фильма. Это огромная и трудная работа. На мой взгляд, очень удачная. Я всегда к этому актеру относился с уважением, а уж после этой работы буду относиться и подавно. Мы проводили фокус-группы. Наблюдали за людьми, слушали, что они говорят после фильма. Очень немногие после просмотра картины обсуждали, какой актер играет в картине. В основном люди говорили: Высоцкий пошел, Высоцкий сказал, Высоцкий сделал... А почему Высоцкий сделал вот так, а не сделал эдак? – А потому что это – Высоцкий...

«...Мой хрип порой похожим был на вой, И я немел от боли и бессилья И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

что получилось, мы выйдем к зрителям, и зритель решит, правы мы или нет. Меня изображение, что называется, убеждает. Это был очень рискованный ход, но, наверное, на тот момент единственно возможный.

– Для создания экранного образа Высоцкого вы использовали сложный грим, современные технологии... Это облегчало задачу актеру-исполнителю главной роли?

– Кухня актерская – дело темное, и, наверное, у каждого хорошего актера она своя. Особенно у актеров, которые действительно учились, а не диплом получали. Для актера важна некая внешняя характерность, вхождение в образ... Как сделать, как воплотить – решает актер, иногда с режиссером, иногда с автором, если автор жив. Бывали варианты, когда актер в театре играл, например, Ленина без грима, без бороды и не картавя. И все равно получался Ле-

Для нас важно было не фокус показывать, а создать образ Высоцкого.

Грим и технологии, которые применялись, нисколько не облегчали задачу актера. Наоборот. Кому-то может показаться, что с современными технологиями можно пень загримировать, обработать изображение – и получится Высоцкий. Это не так. Без серьезной актерской работы образ Высоцкого не получился бы. Более того, при таких условиях съемки, при действительно сложном пластическом гриме актер гораздо более скован, у него гораздо меньше возможностей проявиться, именно поэтому ему приходится работать в десять раз энергичнее. То, чего в другой ситуации можно было бы добиться другими средствами, более простыми, здесь чаще всего приходится делать через пластическое решение, через какие-то очень точные детали, жесты, интонации... Как Станиславский говорил? Малая правда рожда-

– Фильм получился таким, как вы хотели?

– Разумеется, многое не получилось или получилось не так, как мы планировали, не так, как хотели. Но иначе не бывает, я думаю. Другое дело – говорить, где мы споткнулись, может быть, не очень правильно. Все-таки кино – это иллюзия, сказка для взрослых. Может быть, необязательно рассказывать всю подноготную, чтобы эту иллюзию не разрушать. Да, многое не случилось. Может, и хорошо, что оно не случилось, кто знает? Не всегда ведь нужно идти строго по маршруту, строго по карте... Иногда надо и с ландшафтом сверяться. С фильмом – то же самое, мне кажется.

Могу сказать лишь одно: сейчас я понимаю, что доволен. Мы все довольны. Нам тревожно, но мы знаем, что сделали эту картину, что она зажила, засветилась...

Знаете, был такой момент: мы сидели, измученные монтажами, уже и отсмеялись до истерики, и отругались, и все что-то клеили, переклеивали... Сделали очередную склейку и решили вместе с этой склейкой посмотреть чуть-чуть побольше. Сидели, смотрели, и я вдруг совершенно искренне сказал: «Ребята, мы сделали очень хорошее кино». ■

РУССКИЕ РОМАНСЫ С КИТАЙСКОЙ ДУШОЙ

**СЕРГЕЙ
ВИНОГРАДОВ**

АЗИАТСКИЕ ФАМИЛИИ В СПИСКАХ УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКИХ ВОКАЛЬНЫХ КОНКУРСОВ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НИКОГО НЕ УДИВЛЯЮТ.

С НАЧАЛА КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ, представляющие Нижегородскую консерваторию, малопонятным мурлыканьем умиляли публику и жюри конкурсов русского романса и, как правило, возвращались на волжские берега с дипломами зрительских симпатий. Но постепенно к экзотическим участникам привыкли и присмотрелись, а те, в свою очередь, добавили мастерства и шалопинского шарма. И победы пришли. Осенью 2010 года Гран-при Мо Лицзяня на конкурсе исполнителей русского и цыганского романса в городе Кинешме Ивановской области прогремело на всю страну. Спустя неполный год почин соотечественника продолжил китаец Инь Яньчжуан, ставший лауреатом конкурса романса «Классические розы» в Череповце. Исполнением классических произведений гости из Поднебесной уже не довольствуются: в том же Череповце состоялась премьера романса, сочиненного студентом из Китая Инь Чжоном на стихи русского поэта Игоря Северянина.

Тройка мчится, тройка скачет...

Пока китайцы участвуют исключительно в конкурсах, которые проводятся преимущественно в центре и на северо-западе России. Это вполне объяснимо: ведь доставляет певцов к творческим ристалищам, как правило, один и тот же автомобиль – старенькая «Волга», принадлежащая преподавателю Нижегородской консерватории Ирине Шабординой. Ирина Васильевна делится со своими студентами не только личным автомобилем. Некоторых она селит у себя дома и вводит в семью. Консерватория берет китайских студентов на обучение уже полтора десятка лет. Сейчас на разных курсах здесь учится около сотни молодых людей из Китая. Почти все по окончании учебы возвращаются домой, где их с удовольствием берут на работу в оперные театры, а также преподавателями в музыкальные училища и школы. Учреждений, подобных консерваториям в российском понимании этого слова, в Китае крайне мало.

И поступить туда не проще, чем на актерский факультет в московский театральный вуз в 50-е годы XX века. Нижегородская консерватория берет за обучение около 150 тысяч рублей в год, правда, принимают туда только тех, кто пройдет серьезный экзамен. Инь Яньчжуан преодолел таковой около двух лет назад в родном городке на севере Китая.

– Почему приехал учиться в Россию? Потому что люблю русскую музыку, – рассказывает он. – Я еще в детстве, когда начал петь на занятиях в школе, подумал – если все мои любимые композиторы, Чайковский, Рахманинов и другие, из России, значит, там есть что-то, что помогает им воспитаться и вырасти. Немцы тоже хорошую музыку писали, но русская для меня понятнее, душевнее. Ее не головой слушаешь, а сердцем. Я посчитал – раз русские лучшие музыканты в мире, то и учиться нужно в России, чтобы чего-то серьезного добиться в профессии.

На конкурс в Череповец 21-летний Инь, опрятный молодой человек в смокинге, приезжает уже во второй раз (первый призов и славы не принес). Организаторы, для краткости прозававшие китайского участника Инь-Янем, несказанно рады его визитам, которые позволили конкурсу «Классические розы» именоваться международным. За прошедший год Яньчжуан здорово прибавил в знании русского языка. В отличие от многих земляков, которым отведен целый этаж общежития консерватории, он живет у преподавателя Ирины Шабординой и ежедневно практикуется в русском языке. Словарного запаса Иню Яньчжуану достаточно, чтобы отправиться в незнакомом российском городе на

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Первый концертный смокинг Инь Яньчжуан привез из Китая, но за год выступлений и конкурсов «спецодежда» потеряла лоск. Второй был приобретен в Нижнем Новгороде

поиски кафе во время перерыва, объявленного жюри. У другого бы поджилки тряслись в ожидании вердикта, но Инь спокоен – все, что мог, он сделал, ни на ноту не отступив от задания учителя. Будь что будет. На конкурсе китаец исполнил романс Булахова на стихи Вяземского «Тройка». Первые полминуты исполнения Иня воспринимали с улыбкой, как экзотику, но скоро зрители забыли о том, что перед ними человек, лишь несколько дней назад узнавший значение слова «заснобушка». Готовясь к конкурсу, он первым делом в деталях выяснил значение непонятных слов романса.

Вышел, поклонился, вытянул вперед правую руку. И когда аккомпаниатор взял в «галоп» и песенная тройка помчалась и поскакала с «пылью из-под копыт», вытянутая рука пригодилась для имитации

обязанностей ямщика, правящего лошадьми. Мимо всех сложных русских слов «тройка» Яньчжуана промчалась лихо, нигде не увязла. Ни в риторическом вопросе «Кто сей путник запоздалый, путь куда лежит ему?», ни в короткой речи колокольчика «динь, динь, динь». А о «любушке», к которой герой романса стремится, не жалея лошадей, певец упоминал с неподдельным чувством, в котором ощущалась тоска по родине. Жюри было тронуту исполнением «Тройки» и присудило участнику звание лауреата.

Неуловимый «соловей»

Не в последнюю очередь на решение жюри повлияла национальность конкурсанта. Специалисты понимали, что китайцу русский романс дается гораздо сложнее, чем африканцу или латиноамериканцу. И дело не только в том, что в китайском языке отсутствует рокочущий звук «р», без которого трудно обойтись при исполнении любовного романса. Гортанная речь жителей Китая и методика музыкального обу-

чения, которая там практикуется, заставляют певца зажимать звук, тогда как исполнителю романсов и оперных арий требуется свобода. Выражаясь проще, китайскому певцу, не прошедшему европейской школы, очень трудно тянуть звук, а именно это у нас и принято называть пением. Жанр романса славится тем, что он во многом построен на растягивании звуков и их эмоциональной окраске. Подчас полноценная композиция может состоять из четверостишия или даже двустушия.

Классическое «Со-о-о-оловей мой, со-о-о-оловей» для начинающего китайского вокалиста выглядит барьером, через который не сразу перепрыгнешь. В Нижнем Новгороде об этом отлично знают, а посему первые месяцы занятий отдаются фактически переучиванию студентов. Инь Яньчжуан называет русский язык очень быстрым – петь на нем еще сложнее, чем говорить. Клином клином вышибают – и для обуздания скорости Инь выбрал самое быстрое произведение, которое смог найти в нотных сборниках. «Сере-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Преподаватель
Нижегородской
консерватории
Ирина Шабординна:
«Если у моих
китайских
студентов что-то
не получается,
они не психуют,
а удваивают усилия»

наду Дон Жуана» я, наверное, исполнил более ста раз, пока не получилось четко», – рассказывает он.

Целеустремленность и трудолюбие, которые китайцы проявляют почти во всех сферах, помогают студентам консерватории постигнуть науку в кратчайшие сроки. Эти же качества помогают им, зачастую почти не владея русским языком, на певческих конкурсах побеждать местных вокалистов. По словам нижегородских преподавателей, почти у всех студентов из Китая учеба на первом месте. Они действительно хотят научиться и вернуться домой с образовательным и конкурсными дипломами, чтобы устроиться на высокооплачиваемую работу, которая в Поднебесной на вес золота.

Россия встретила морозами

– Наверняка в китайском языке есть аналог русской поговорки «Терпение и труд все перетрут», – предполагает преподаватель Ирина Шабординна. – Мои китайские студенты живут именно по ней. Если у них что-то не получается, они не

психуют, не замыкаются в себе, а удваивают усилия.

Инь Яньчжуан попал к Ирине Васильевне как весьма средненький тенор, а в процессе занятий оказалось, что он очень талантливый баритон. Проявление истинного певческого голоса, когда-то неправильно диагностированного, вывело исполнителя на совершенно иной профессиональный уровень.

– Инь Яньчжуан учится на факультете художественного образования, который не предполагает профессионального пения, – говорит Ирина Шабординна. – Обычно с нашими дипломами, которые котируются и в Китае, идут преподавать в музыкальные школы или в лучшем случае в университеты. Но у молодого человека есть данные для того, чтобы сделать карьеру певца.

Сам Инь Яньчжуан всерьез задумался об этом лишь в нынешнем году, когда пришел успех и лестные отзывы специалистов. Причем Россия в качестве большой сцены привлекает певца ничуть не меньше, чем родной Китай.

– Я пока не решил, где буду жить и работать, – признается он. – В Китае большая конкуренция в театрах и музыкальных школах, здесь найти работу проще. Знаю, что трудно прожить на зарплату исполнителя филармонии, но ведь можно параллельно и где-то работать ради денег. В любом случае – лучше заниматься любимым делом и по вечерам где-то подрабатывать. Я не уверен, что дома найду работу по душе.

Отец Инь Яньчжуана занимается транспортировкой грузов. У него есть большой грузовой автомобиль, на котором он и колесит по стране, а супруга дома занимается сбором заказов. В случае неудачи с музыкальной карьерой рабочее место в кабине грузовика Иню гарантировано. Но он пока не спешит его занять. «Когда папа и мама узнали, что я сдал экзамен и поступил учиться в российский институт, они сначала сказали твердое нет, – вспоминает он. – Но потом, поразмыслив, спросили: «Ты уверен, что хочешь туда поехать и что это не юношеский каприз?» Я сказал хочу, и меня отпустили».

В Нижнем Новгороде молодому певцу понравилась широкая река Волга («не зря ей столько песен посвятили»), доброта русских людей («ни одна моя просьба пока не встретила отказа, а ведь я обращался за помощью и к незнакомым людям») и трамваи («в нашем городе такого транспорта нет»), но удивили морозы. «В том районе Китая, где я жил зимой, температура не опускается ниже минус пяти градусов, а тут это называют оттепелью, – говорит китаец. – Когда я приехал в Россию, в моем чемодане была теплая зимняя куртка, но здесь она стала весенней. Пришлось купить в Нижнем Новгороде пальто на меху».

Из русской кухни Иню Яньчжуану понравились салаты, заправленные майонезом или сметаной. Сейчас он уже полностью перешел на местную пищу, а привезенные в Нижний Новгород из Китая приправы певец использует, только когда готовит для гостей.

– Блюда, которые я готовлю для русских друзей, помогли им понять меня лучше всяких слов, – признается он. – А когда я начинал петь китайские и русские песни, барьер между нами тут же исчезал. ❶